

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1986

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ—ОКТАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

5
1986

<i>Проконова И. И.</i> Великий Октябрь и социальные завоевания польского рабочего класса (1918—1921 гг.)	3
<i>Касаткин Н. И.</i> Рабочий контроль в Югославии в первые годы народно-демократической власти	17
<i>Ангелов Д.</i> (НРБ). Славяне и протоболгары в догосударственный период (V—VII вв.)	29
<i>Софронова Л. А.</i> Некоторые проблемы соотношения поэтики барокко и романтизма	39
<i>Илюшин А. А.</i> О метрике силлаботонического стиха	49
<i>Ацаркина Т. А.</i> Конструкции с отглагольными существительными как часть периферийного поля залоговости (на материале чешского языка)	57
<i>Андерш Й. Ф.</i> Бесподлежащие структуры в чешском языке в сопоставлении с украинским	62

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Копашева М. И.</i> Научная деятельность Александра Харитоновича Клеванского	74
<i>Гординов А. Н., Кишкин Л. С.</i> Книжное собрание М. П. и Н. М. Петровских	80

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Шинкарев И. И. М. И.</i> Семиряга. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета	87
<i>Мельцер Д. Б.</i> Н. И. Туривненко. Сотрудничество общественных организаций СССР и Болгарии	89

<i>Дьяков В. А., Мыльников А. С. М. Kudělka. O pojetí slavistiky. Vývoji představ o jejím předmětu a podstatě . . . . .</i>	91
<i>Липатов А. В. Zdzisław Libera. Poezja polska 1800—1830 . . . . .</i>	95
<i>Титова Л. V. Macuga. Znamení zrodu. Ceské obrození jako kulturní typ . . . . .</i>	97
<i>Калиганов И. И. Ценное исследование о болгарском искусстве . . . . .</i>	99
<i>Дзендзелевский И. А. Полесский этно-лингвистический сборник. Материалы и исследования . . . . .</i>	100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. И. М. Научный симпозиум «Революционно-демократическое движение в странах Восточной Европы второй половины XIX в. и его роль в развитии интернациональных связей» (30 октября — 2 ноября 1985 г., Львов) . . . . .</i>	104
<i>Никулина М. В. Чтения в честь 100-летия А. М. Селищева . . . . .</i>	107
<i>К. И. Научные чтения, посвященные 75-летию С. Б. Бернштейна . . . . .</i>	110
<i>Чепелевская Т. XXI семинар словенского языка, литературы и культуры . . . . .</i>	111

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 124-98-11

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ПРОКОПОВА И. И.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЗАВОЕВАНИЯ ПОЛЬСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА (1918—1921 гг.)

Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась главным, решающим условием возрождения польской государственности. Сбылись пророческие ленинские слова: «Свобода Польши невозможна без свободы России» [1, т. 17, с. 269]. Провозглашенное в программе большевистской партии право всех наций на самоопределение вплоть до отделения получило свое воплощение в Декларации прав народов России, опубликованной Советским правительством 2(15) ноября 1917 г. [2, № 2, ст. 18, с. 21—22]. Декрет Совета Народных Комиссаров от 29 августа 1918 г. аннулировал все договоры и акты бывшей Российской империи, касавшиеся разделов Польши, и еще раз подтвердил «за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство» [2, № 64, ст. 698, с. 776].

Победа Великого Октября вдохновила трудящихся Польши на борьбу за свое национальное и социальное освобождение. Наибольшее развитие революционное движение получило на территории бывшего Королевства Польского, рабочий класс которого был тесно связан с трудящимися России традициями совместной борьбы против царизма. Кроме того, именно здесь активно действовали две революционные партии рабочего класса: Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) и Польская социалистическая партия-левица (ППС-левица). Революционными волнениями были охвачены и польские земли, находившиеся в составе Германии (Верхняя Силезия, Восточное Поморье, Вармия, Мазуры). Подъему революционного движения в Польше способствовало также возвращение из России революционно настроенных поляков, многие из которых принимали непосредственное участие в борьбе за победу социалистической революции.

Крах монархических режимов в Германии и Австро-Венгрии и освободительная борьба польского народа привели осенью 1918 г. к упразднению оккупационного режима на значительной части польских земель. Marionеточный Регентский совет и созданное им «правительство» пребывали в состоянии глубокого кризиса. Развитие революционного движения привело к возникновению в ноябре 1918 г. в ряде городов и промышленных центров Польши Советов рабочих депутатов.

В этих условиях в ночь с 6 на 7 ноября 1918 г. в Люблине под эгидой ППС-фракции, ППСД и ПСЛ-«Вызволене» было создано так называемое «народное» правительство, которое возглавил лидер ППСД И. Дашинский. Оно объявило о низложении Регентского совета, провозгласило образование Польской народной республики, заявило о своем намерении подготовить законопроекты о принудительном отчуждении помещичьей земли; о национализации шахт, соляных копей, нефтяной промышленности и пр.; об участии рабочих в управлении национализированными

предприятиями; об охране труда, страховании по безработице, болезни и старости; о конфискации капиталов, образовавшихся во время войны в результате хищнической спекуляции предметами первой необходимости; о введении всеобщего обязательного и бесплатного светского образования [3, с. 131].

Манифест Люблинского правительства вызвал испуг буржуазно-помещичьих кругов. Военная и гражданская власть была в спешном порядке передана Регентским советом возвратившемуся в Польшу бывшему начальнику военного департамента Временного государственного совета Ю. Пилсудскому. Правительство И. Дашиньского было заменено новым «народным» правительством, которое возглавил правый социалист Е. Морачевский. 22 ноября Ю. Пилсудский издал декрет об организации высшей власти в стране, в его руках как «временного начальника государства» сосредотачивалась законодательная и исполнительная власть.

Соглашательское правительство Е. Морачевского официально не отменяло манифеста первого «народного» правительства, однако взяло антирабочий курс и всячески противодействовало развертыванию инициативы пролетариата. Уже на пятый день его существования Ю. Пилсудский отдал распоряжение о приведении в боевую готовность воинских частей для подавления революционного движения в Домбровском бассейне. 2 января 1919 г. был обнародован декрет об использовании войск «в исключительных случаях», 6 января в Варшаве, а затем в Домбровском бассейне было введено чрезвычайное положение. Восстанавливалось существовавшее при царизме законодательство в отношении революционных деятелей, даже те статьи старого уголовного кодекса, которые отменил Временный государственный совет в 1917 г.

16 января 1919 г. соглашательское правительство уступило власть так называемому «правительству беспартийных специалистов» во главе с известным польским пианистом И. Падеревским. К власти пришли буржуазные партии и группировки. Усилились репрессии. Уже 18—19 января обыски и массовые аресты приняли повсеместный характер, а с 1 апреля чрезвычайное положение было распространено на территорию всего бывшего Королевства Польского.

Рост революционных настроений осенью — зимой 1918—1919 гг. требовал объединения революционных рабочих партий, действовавших в стране. В декабре 1918 г. в результате слияния СДКПиЛ и ППС-левицы в единую партию была образована Коммунистическая рабочая партия Польши (КРПП), которая сразу заявила о своей солидарности с Октябрьской революцией. Она последовательно боролась за интересы трудящихся, своей главной целью считая свершение социалистической революции и установление диктатуры пролетариата в Польше.

КРПП (как и ППС) уделяла особое внимание созданию и деятельности Советов рабочих депутатов. Только на территории бывшего Королевства Польского было создано более 120 Советов [4, с. 31]. Они явились серьезной школой политической и экономической борьбы пролетариата, но не стали в Польше органом пролетарской власти, к чему стремилась революционная часть рабочего движения. Главными причинами их слабости была распыленность рабочего класса как следствие повсеместной безработицы и дезорганизации польской промышленности, а также «раскол рабочего класса, особенно укоренившийся в среде ремесленного и мелкопромышленного пролетариата» [5, с. 99]. Тем не менее деятельность Советов была одной из причин, позволивших польскому рабочему классу завоевать в упорной борьбе политические и гражданские свободы, а также добиться введения прогрессивного социального законодательства. Захватившие власть имущие классы были вынуждены считаться с требованиями трудящихся масс, проводить социальную политику лавирования и уступок, признать за трудящимися ряд социальных прав. Рассмотрению социальной политики польских правительств в первые годы после восстановления независимости и посвящена предлагаемая статья.

В момент восстановления независимости экономика Польши находилась в глубоком упадке. Ощущался острый недостаток в товарах промыш-

ленного производства и в продуктах питания. Общее число безработных, по оценке польского правительства, в конце 1918 г. достигало почти 1 млн человек [6, s. 133], в то время как в промышленности было занято всего 90 тыс. человек [7, s. 117].

Задача восстановления промышленности в тех условиях носила и политический характер. Увеличение рабочих мест, сокращение безработицы могло повлиять на расстановку сил внутри страны, упрочить позиции правительства. Этой же цели служил выдвинутый люблинским и не снятый правительством Морачевского лозунг о национализации шахт, соляных копей, нефтяной промышленности, дорог и проч. Реализация его, однако, была отложена до решения сейма, формально на несколько месяцев, а фактически навсегда. Национализация должна была противодействовать установлению рабочего контроля над промышленными предприятиями, что приобрело особенно широко распространение прежде всего там, где в годы оккупации хозяйничала немецкая администрация. Лозунг национализации и восстановления предприятий был особенно популярен среди варшавских металлистов, многие из которых недавно вернулись из охваченной революцией России. Под руководством Советов рабочих депутатов организовывались заводские комитеты. Их права были оговорены в некоторых коллективных договорах. Например, коллективный договор на металлических заводах Люблина, принятый 18 мая 1919 г. (уже после прихода к власти буржуазных партий и группировок), предусматривал широкие полномочия для заводских комитетов.

Совокупность многих объективных и субъективных причин привела к тому, что восстановление промышленности в конце 1918 г. и первой половине 1919 г. осуществлялось очень медленно. Главными объективными трудностями были: разрушения, вызванные войной, катастрофическая нехватка угля, трудности с сырьем. К субъективным же можно отнести: нежелание частного капитала использовать свои средства на восстановление промышленности, а также слабую активность министерства промышленности и торговли (подробнее см. [7, s. 70—78]).

Медленные темпы восстановления промышленности обостряли безработицу. Борьба с ней в начальный период, когда занятость увеличивалась медленно, велась правительством в основном в трех направлениях: оказание прямой помощи безработным в денежной или натуральной формах, организация общественных работ, возобновление экономической эмиграции. Ряд мер был направлен на обеспечение безработным крыши над головой¹.

Выдача денежных пособий была начата в Варшаве 26 декабря 1918 г. Постепенно система пособий охватила и другие промышленные центры. В марте 1919 г. пособия получали 193 тыс. безработных (59% всех зарегистрированных), а в апреле — 244 тыс. (около 70%) [8, 1919, № 3, s. 127]. Уже через месяц начался постепенный переход к пособиям в натуральной форме в виде продовольствия, мыла и дров [11, s. 10, 11, 25, 26]. 4 ноября 1919 г. был издан временный закон об экстренной помощи безработным [10, 1919, № 89, роз. 483], предусматривавший организацию повятовых комиссий по оказанию помощи безработным. Комиссии создавались из представителей правительства, органов местного самоуправления, ремесленников и рабочих. В своей деятельности они должны были опираться на реестры, составленные государственными конторами по найму². Согласно закону, пособие выплачивалось 13 недель в году, а выплата его начиналась через две недели после потери работы. Выплата могла осуществляться как в денежной, так и в натуральной формах. В мае 1920 г. выплаты, уменьшившиеся до нищенских размеров вследствие па-

¹ 19 декабря 1918 г. был издан декрет, временно запрещающий выселение безработных из 1—2 комнатных квартир на некоторых территориях Польши [9, 1918, № 20, роз. 62]. 31 марта 1919 г. на Варшаву, Лодзь, Пабянице, Томашув, Жирардов и ряд других городов было распространено действие положений об отсрочке принудительного выселения безработных [9, 1919, № 26, роз. 243], а 18 декабря 1919 г. — на западные территории Польши [10, 1919, № 98, роз. 516].

² Созданы в соответствии с декретом от 27 января 1919 г. [11, s. 13].

дения курса польской марки, были совершенно прекращены [11, с. 26; 6, с. 134, 135].

Согласно политике правительства, пособия рассматривались как временная мера. Гораздо большие надежды возлагались на общественные работы. 16 января 1919 г. было основано министерство общественных работ [9, 1919, № 8, роз. 118], которое обеспечило занятость в июне 1919 г. — 93 тыс. человек, в июле — 70 тыс., а в октябре — 49 тыс. человек [6, с. 135]. Поздней осенью и зимой работы почти замерли.

Предпринимались также меры, направленные на облегчение экономической эмиграции, поскольку правительство видело здесь один из путей снижения социальной напряженности в стране. Так, 3 сентября 1919 г. была подписана эмиграционная конвенция, которая определила условия труда и быта польских рабочих во Франции [10, 1920, № 41, роз. 246].

Экстренная помощь безработным, организация общественных работ, экономическая эмиграция были мерами, которые лишь сглаживали в какой-то степени остроту последствий безработицы, но не могли существенно повлиять на само решение этой проблемы, стоявшей в то время очень серьезно. Так, министр Ивановский на заседании совета министров 6 июня 1919 г. заявил: «Если в течение этого летнего сезона не удастся дать работу по крайней мере половине их (безработных. — *И. П.*), может произойти катастрофа, поскольку сохранение мира и порядка при таком большом количестве недовольных и готовых на все людей будет невозможно» [7, с. 70]. Проблема безработицы была решена правящими кругами Польши в ходе войны с Советской Россией. Военные заказы вызвали рост потребностей в сырье и оборудовании для заводов, работавших на нужды армии, способствовали восстановлению предприятий, росту занятости. Если в конце 1919 г. в промышленности было занято 125 тыс. рабочих, то в 1920 г. их количество возросло до 202 тыс., т. е. почти на 62%. Значительную роль в сокращении безработицы сыграла также мобилизация в польскую армию. Так, если в ноябре 1918 г. в ней насчитывалось 195 тыс. солдат и офицеров, то год спустя — уже 909 тыс. [7, с. 122].

В рассматриваемый период борьба рабочего класса вынуждала правительство «заботиться» о жизненных потребностях трудящихся. Так, совет министров 27 мая 1920 г. издал распоряжение, согласно которому при Главном статистическом управлении в Варшаве была создана комиссия, занимавшаяся изучением роста стоимости жизни семей рабочих, занятых в промышленности и торговле [12, № 149 z dn. 6 VII 1920]. Аналогичные комиссии были организованы в Познани, Лодзи, Сосновце [12, № 231 z dn. 11 X 1920], Ченстохове [12, № 248 z dn. 2 XI 1920], Люблине [1, 16, роз. 34] и других городах.

Комиссии изучали изменения прожиточного минимума и на основе коэффициента цен показывали, как должна изменяться заработная плата трудящихся. За точку отсчета был принят теоретический бюджет семьи рабочего из четырех человек. Однако применявшиеся методы вычисления стоимости жизни были несовершенны. Это особенно проявилось в следующий период, когда резко возросли темпы инфляции. По утверждению советника министерства труда и социального обеспечения М. Борстейн-Лыховской, «большинство заводов регулировали зарплату своим рабочим в соответствии с результатами вычислений комиссий, и во все более распространявшихся коллективных договорах рабочие ставили одним из основных условий проведение изменений в зарплате по этому принципу» [11, с. 31]. Однако рекомендательный характер выводов этих комиссий значительно ослаблял результаты их деятельности.

В период напряженных революционных боев были приняты: положение о выборах в сейм (26 ноября 1918 г.) путем всеобщего, прямого, равного, пропорционального и тайного голосования, и так называемая Малая конституция (20 февраля 1919 г.), имевшая буржуазно-демократический характер.

Все это свидетельствует о стремлении правящих кругов снизить социальную активность трудящихся, усилить свои позиции. Прогрессивное

социальное законодательство того времени также было уступкой со стороны имущих классов, опасавшихся революционного взрыва в стране. Следует подчеркнуть, что соотношение сил между капиталистами и рабочим классом диктовало не только включение в повестку дня решения социальных проблем, но и быстроту издания декретов.

23 ноября 1918 г. был издан декрет, устанавливающий 8-часовой рабочий день и 46-часовую рабочую неделю для рабочих и служащих всех промышленных, горных, металлургических, ремесленных предприятий, сухопутных и водных коммуникаций, а также торговых предприятий при сохранении прежней заработной платы. Издавая декрет 23 ноября, правительство стремилось упредить постановление Варшавского совета рабочих депутатов о 8-часовом рабочем дне³. Таким образом, продолжительность рабочей недели в Польше была меньше, чем это устанавливали Вашингтонская конвенция и законодательства других стран (например, Германии, Франции, Бельгии, Голландии, Швеции, Норвегии, Чехословакии, Греции, Португалии и др.).

Декрет предусматривал возможность и сверхурочной работы, которая могла быть как добровольной, так и обязательной. Он вводил дополнительную оплату этой работы, вопрос же о размере оплаты оставался на усмотрение сторон. В отличие от декрета, постановление Варшавского совета рабочих депутатов требовало разрешение Совета на сверхурочную работу и предусматривало оплату ее в двойном размере [13, с. 60, 61]. Сопоставление положений этих двух документов свидетельствует о том, что декрет являлся скорее политической декларацией правительства, чем правовым актом, он «поставил проблему продолжительности рабочего времени..., но из-за спешки ... не развил в соответствующую правовую форму». Декрет дал декларацию, а не правила, — признавало позже министерство социального обеспечения в своем издании [6, с. 89, 90].

Законом от 18 декабря 1919 г. о рабочем времени в промышленности и торговле закреплялось крупное социальное завоевание трудящихся Польши [10, 1920, № 2, роз. 7]. Закон сохранял введенные декретом 8-часовой рабочий день и 46-часовую рабочую неделю (ст. 1), предусматривал возможность более короткого времени работы на тех предприятиях или в их цехах, где условия были особенно вредны для здоровья рабочих (ст. 5); вводил запрет на ночные работы (ст. 10), устанавливая отдельные исключения из этого правила (ст. 11). Влияние решений Варшавского совета рабочих депутатов сказалось на формулировке положений статьи 16 этого закона. Так, она установила дополнительную плату за сверхурочную работу, равную 50% обычной заработной платы при условии, что работа производится в обычный день, и 100% — за работу ночью, в воскресный либо праздничный день, а также за работу в обычный день, если она длится более 10 часов. Эта статья, направленная на то, чтобы «удержать предпринимателей от удлинения рабочего дня» [6, с. 89], одновременно в условиях низкой заработной платы содержала в себе стимул для сверхурочной работы.

Согласно положениям закона (ст. 6, пункты *a, b, c, d*), работа в сверхурочное время могла производиться только в особых случаях и при чрезвычайных обстоятельствах, причем о ней следовало немедленно сообщать в инспекцию труда, либо предварительно получать разрешение в министерстве труда и социального обеспечения. В условиях же «национальной необходимости» сверхурочная работа могла быть разрешена указанием совета министров.

Несоблюдение положений закона каралось наложением штрафа в судебном порядке до 5000 марок или арестом до 3-х месяцев (ст. 18).

Сложный, требовавший соблюдения многих формальностей путь получения разрешений на сверхурочную работу, недостаточный надзор за условиями труда, применение незначительных штрафов⁴ приводили к тому,

³ Постановление Варшавского совета рабочих депутатов было опубликовано 24 ноября 1918 г.

⁴ «Против нарушителей законов о рабочем дне, об отпусках и трудовых договорах суды применяют наименьшие из всех предусмотренных законом мер наказания», — признавало министерство социального обеспечения [6, с. 124]; см. также [14, с. 179—190].

что предпринимателю было выгоднее нарушить закон, а возможный штраф включить в издержки производства, чем потерять прибыль, которую он мог получить, увеличив установленное время работы.

3 января 1918 г. декретом Регентского совета о временной организации верховных властей в Королевстве Польском было основано министерство труда и социального обеспечения путем преобразования существовавшего с 23 января 1917 г. Департамента труда временного государственного совета. В декрете указывалось: «Министру социального обеспечения и охраны труда принадлежат дела общественной благотворительности, государственной опеки над жертвами войны, вопросы трудовых отношений, опеки над рабочей эмиграцией, дела фабричной инспекции, а также подготовка законодательства по охране труда и социальным страхованиям» [15, s. 7].

Сфера деятельности министерства труда и социального обеспечения вначале была ограничена территорией бывшего Королевства Польского, позже она распространилась на Малую Польшу [10, 1920, № 3, poz. 161], а также на земли, ранее находившиеся в составе Пруссии [10, 1922, № 21, poz. 168].

Образование министерства труда и социального обеспечения было связано с революционным подъемом в стране. Когда же революционная волна спала, стали предприниматься попытки его ликвидации «как лишнего органа»⁵.

Министерство труда и социального обеспечения подготавливало законопроекты из области трудового права и должно было следить за соблюдением принятых законов. Исполнительным органом министерства была инспекция труда. Временный декрет от 3 января 1919 г. об организации и деятельности инспекции труда [9, 1919, № 5, poz. 90] охватывал бывшее Королевство Польское и Бялостокский округ. Согласно этому декрету, область действия которого со временем была распространена также и на другие части Польши⁶ и который действовал до 1928 г.⁷, была создана инспекция труда, ставшая важным орудием охраны интересов рабочих. В ее рядах оказались люди, связанные с рабочим движением⁸. Принципы, положенные в основу организации инспекции труда, выгодно отличались от тех, на которые опирались фабричная инспекция в царской России либо промышленная в Пруссии и Австрии. Так, декрет от 3 января 1919 г. не ограничивал диапазон действия инспекции труда ни отраслью промышленности, ни размером предприятия. Инспекция труда находилась «под управлением министерства труда и социального обеспечения» (ст. 2). Это означало, что она имела определенную самостоятельность в рамках этого министерства. В ст. 5 указывалось: «Главного инспектора и инспекторов труда назначает верховная власть по предложению министра труда и социального обеспечения, что касается военных заводов, — по согласова-

⁵ По свидетельству советника этого министерства М. Борстейн-Лыховской, «...не только дискутировались целесообразность и правильность постулатов, проводимых в жизнь, но и... целесообразность его существования как такового. ...Внутри отдельных кабинетов и в сейме длительное время бытовала концепция разделения министерства труда и социального обеспечения между другими центральными органами правительства» [11, s. 23].

⁶ В 1922 г. — на всю территорию Польши, аннексированную в прошлом Россией [10, 1922, № 73, poz. 662; № 94, poz. 81]. Действовавшие на остальной территории страны законы о промышленной инспекции были приспособлены к положениям и терминологии указанного декрета (закон от 2 III 1920 г. [10, № 23, poz. 125]; распоряжение совета министров от 16 X 1922 г. [10, № 96, poz. 885]).

⁷ Распоряжением президента Речи Посполитой от 14 VII 1927 г. об инспекции труда [10, № 67, poz. 590] была проведена реформа этого института.

⁸ «Первыми инспекторами были довоенные социалистические и революционные деятели, старые борцы, романтики и энтузиасты всех родов. Были люди с многолетним стажем этой работы, прошедшие тюрьму и каторгу... они чувствовали себя настолько тесно связанными с рабочей средой, с верой в руководящую, главную роль пролетариата в организации будущих форм общественной жизни, что служение делу охраны труда, здоровья и безопасности рабочего на производстве, а также полный энтузиазма труд по урегулированию конфликтов между трудом и капиталом были эмоционально связаны с целями и стремлениями всей их жизни, как бы продолжали их прежнюю идейную деятельность в рабочем и освободительном движении», — писала в своих мемуарах инспектор труда М. Кирстова [14, s. 44, 45].

нию с министром военных дел». Декрет, однако, не рассматривал вопрос отношения инспекции труда к органам общей администрации. Этим обстоятельством не преминули воспользоваться противники инспекции, и в конце 1919 г. вышло распоряжение, касавшееся организации административных органов второй инстанции. В нем оказалось положение (ст. 12), включившее вопросы охраны труда в сферу деятельности воевод [10, 1919, № 90, роз. 490]. На деле это означало возвращение к концепции фабричной инспекции, существовавшей в царской России. О фабричных инспекторах В. И. Ленин еще в 1897 г. писал, что они «вполне подчинены министерству финансов, которое превращает их в прислужников фабрикантов, заставляет их... преследовать рабочих за уход с фабрики, даже тогда, когда их не преследует фабрикант, одним словом, превращает фабричных инспекторов в каких-то полицейских слугителей, в каких-то фабричных урядников» [1, т. 2, с. 294].

Инспектора труда не признали указанного распоряжения. По их требованию в январе 1921 г. был созван съезд, на котором они все вслед за инспектором З. Прауссовой, выражая протест против лишения их самостоятельности, подали прошения об отставке. Позиция инспекторов была поддержана рабочими организациями [14, с. 40, 41; 16, 1919, с. 55]. Правительству было вынуждено отказаться от своего решения, что нашло отражение в распоряжениях (для различных территорий) от 14, 21 и 30 марта 1921 г. [10, 1921, № 39, роз. 234; 235, 236]. Так удалось отстоять определенную самостоятельность инспекции труда в рамках государственного аппарата. Считая это заслугой министерства труда и социального обеспечения, его официальное издание «Социальная политика польского государства» подчеркивало: «что инспекция труда оставалась отдельной отраслью государственной администрации, не соединенной с воеводскими и повятовыми властями общей администрации» [6, с. 80]. Такая оценка, как и оценка современного исследователя истории трудового права М. Свенцицкого, который пишет о «независимости инспекции труда», нам кажется несколько преувеличенной [17, с. 35, 36], поскольку у властей существовали другие различные способы оказания давления на инспекторов труда (например, возможность не включать неугодных лиц в списки инспекторов, предлагаемые министром социального обеспечения на утверждение верховной власти).

Статья 11 временного декрета об организации и деятельности инспекции труда, развивая положение статьи 1 о том, что инспекция осуществляет надзор за соответствующим применением законодательства об охране труда во всех областях наемного труда, обеспечивая трудящимся выгоды, признанные им действующим социально-политическим законодательством», широко, хотя и бессистемно, определяла ее компетенцию. Особое внимание следует обратить на пункт 5 этой статьи, согласно которому инспектора труда «предпринимают меры для предотвращения конфликтов между предпринимателями и рабочими, исследуя на месте возникшее недовольство и стремясь к полюбовному разрешению споров». Из этого вытекала обязанность инспекторов быть арбитрами не только в индивидуальных, но и в коллективных конфликтах между предпринимателями и рабочими. Эта задача несколько облегчалась благодаря большому авторитету инспекции труда у рабочих. Как писала М. Борстейн-Лыховская, «к инспекторам труда ... обращался польский рабочий со всеми жалобами и нареканиями по поводу своей настоящей или недавней горькой участи» [11, с. 24]. Авторитет инспекторов труда в тот период был настолько высок, что, хотя они «как арбитры высказывали формально ни для кого не обязательное мнение»⁹, зачастую конфликт удавалось уладить. Так, согласно отчету инспектората труда I округа за 1919 г., в 85 из 100 дел инспекторам удалось достичь соглашения [6, с. 83].

⁹ Закон не обязывал предпринимателя, вызванного к инспектору труда, ни являться, ни давать объяснений, ни тем более принимать участие в переговорах. Право вызова сторон инспектор получил лишь по распоряжению президента Речи Посполитой от 14 VII 1927 г. Тот факт, что в первые годы после восстановления независимости предприниматели являлись и принимали участие в переговорах, еще раз свидетельствует о силе и влиянии рабочего класса в тот период.

Однако столь значительное расширение диапазона задач при небольшом численном составе инспекции труда (в январе 1919 г. было лишь 26 инспекторов, в конце того же года — 56 [18, с. 12]), приводило к тому, что инспектора труда «не успевали выполнять свои основные обязанности» [11, с. 24]. Так, за первую половину 1919 г. на одного инспектора труда в бывшем Королевстве Польском «приходилось едва 18 посещений предприятий» [6, с. 84].

Неслучайно, что в первый период после восстановления независимости Польши инспекторы труда прежде всего выступали в качестве арбитров. Таким образом, инспекция труда становилась одним из наиболее важных звеньев государственного механизма урегулирования и предотвращения трудовых конфликтов. Ее арбитражную деятельность следует отнести к арсеналу средств, направленных на смягчение остроты социальной борьбы, на уменьшение значения Советов рабочих депутатов и связанных с ними заводских комитетов.

В первые годы после восстановления независимости Польши быстро развивалось профсоюзное движение. Об этом красноречиво свидетельствует мощный приток в профсоюзы новых членов. Если в конце 1919 г. в профсоюзах Польши насчитывалось 1158,4 тыс. членов, то через год их было уже 1362,6 тыс. человек [19, с. 44, tabl. I]. В условиях шаткого баланса сил буржуазия пошла на признание профсоюзов, стремясь превратить их в партнера, способного, во-первых, выступать в качестве противовеса Советам рабочих депутатов, а во-вторых, вытесняя последние, заменить их в качестве представителя трудящихся масс. Это признавало министерство труда и социального обеспечения, когда отмечало, что декрет о рабочих профсоюзах от 8 февраля 1919 г. «втиснул общественные порывы в кадры ответственных организаций» [6, с. 78]. Во избежание нападок как слева, так и справа, декрет был издан за два дня до начала заседаний сейма [9, 1919, № 15, poz. 209].

По декрету для основания профессионального союза было достаточно зарегистрировать его в инспекции труда (ст. 3). Вопросы, касавшие приостановки деятельности или роспуска союза, передавались судам (ст. 14). Очень важно, что в области права профессиональным союзам была гарантирована свобода «от того политического нажима, проводником которого были органы общей администрации, подчинявшиеся министру внутренних дел» [17, с. 25, 26].

Согласно ст. 11 профсоюзы должны были создаваться по отраслевому принципу. Декрет признавал профессиональные союзы представителями всех рабочих, а не только объединенных в союз, на что указывала ст. 15: «При созыве всех коллективных органов при министерстве труда и социального обеспечения, представители профессиональных союзов будут считаться представителями профессиональных интересов всех трудящихся классов». Может возникнуть вопрос, каким должен был быть механизм представительства всего рабочего класса в условиях Польши, когда в одной и той же отрасли существовало два, а то и больше профессиональных союза, принадлежавших к разным профсоюзным объединениям, политическим направлениям¹⁰. С этим также связано утверждение, часто встречающееся в литературе, что декрет способствовал распылению профсоюзного движения, раздроблению профсоюзов. Однако это не так.

Сплоченность рядов членов профсоюзов в условиях капитализма зависит от степени сознательности рабочего класса. Статья 7 указывала, что «устав союза может содержать положения о дисциплинарной и материальной ответственности членов союза за невыполнение взятых на себя обязанностей». Это создавало возможность укрепления внутрисоюзной дисциплины, имевшей столь большое значение особенно во время забастовочной борьбы.

---

¹⁰ В период 1918—1920 гг. существовали два всепольских объединения: Союз профессиональных объединений, так называемые «классовые профсоюзы» и Польское профессиональное объединение. Кроме того, действовали 5 региональных объединений христианских профсоюзов и региональные объединения работников умственного труда.

Права профсоюзов подкреплялись и расширялись трудовыми коллективными договорами, которые в 1918—1920 гг. получили в Польше большое распространение. Почти каждый из известных договоров содержал положения о представительстве трудящихся, о влиянии профсоюза, комитета или рабочего совета на прием и увольнение рабочих. Таким образом, хотя профсоюзы в этот период преимущественно находились в стадии организации, они, благодаря позиции рабочего класса и его политическому влиянию, смогли добиться не только благоприятных для себя статей декрета, но более того — дополнительных договорных прав.

Появление трудовых коллективных договоров было продиктовано стремлением предпринимателей предотвратить забастовку в начальной стадии развития конфликта, но чаще это были соглашения, заключаемые сторонами в результате забастовочной борьбы. Как уже подчеркивалось выше, в рассматриваемый период имущие классы не чувствовали себя достаточно уверенно. Это приводило к тому, что, несмотря на отсутствие юридического признания института коллективных договоров о труде на большей части территории Польши, предприниматели вынуждены были считаться с коллективными договорами.

В то время тексты коллективных договоров публиковались редко, однако некоторые сведения о них можно почерпнуть из прессы. Кроме того, полные тексты отдельных договоров содержатся в «Бюллетене министерства труда и социального обеспечения» за 1919 г. В коллективных договорах содержались положения, касавшиеся условий и оплаты труда рабочих, возвращения забастовщиков, в том числе организаторов стачек на работу и выплаты им зарплаты (полностью или частично) за период забастовки.

В первые годы после восстановления независимости Польши стачки являлись лишь одной из многочисленных форм борьбы рабочего класса (массовые демонстрации, митинги, взятие рабочими в свои руки промышленных предприятий, организация Советов рабочих депутатов и заводских комитетов) и имели в большей мере политическую, чем экономическую окраску¹¹, что обуславливалось малым числом действующих предприятий. Для рабочих главным было получение работы, а уж потом — улучшение условий труда. Накал классовой борьбы в рассматриваемые годы приводил к тому, что предприниматели, опасаясь волнений, шли добровольно на определенные экономические уступки, зачастую облегченные тем, что предприятия в значительной мере финансировались государством. Детальное рассмотрение картины забастовок выходит за рамки данной работы, здесь хотелось бы подчеркнуть, что несмотря на сохранение в силе российского уголовного кодекса от 1903 г., предоставлявшего властям широкие возможности для подавления забастовок, он практически не применялся. Вмешательство властей использовалось почти исключительно в тех случаях, когда затрагивались коммунальные предприятия. Соотношение сил было таково, что власти либо не рисковали вмешиваться в трудовые конфликты, либо ограничивались призывами прекратить забастовку.

В революционное движение все активнее включался сельскохозяйственный пролетариат: участились стачки сельскохозяйственных рабочих — так называемые «черные забастовки», появились фольварочные комитеты, которые выдвигали экономические требования, а также предпринимали попытки захватить в свои руки имения. В Тарнобжеге массовое крестьянское движение привело к созданию «крестьянской республики». Некоторое время существовал и другой крупный центр крестьянского движения — «Пинчевская республика». Как писала М. Борстейн-Лыховская, «...когда волна забастовок в деревне, особенно сильная в юго-восточной части бывшего Королевства Польского, не уменьшилась, когда эти забастовки начали угрожать... срывом сельскохозяйственных работ, что ввиду нехватки продовольствия было двойным бедствием, сейм потребовал от правительства безотлагательного распространения предписаний инспек-

¹¹ 10 из 12 забастовок, происшедших в Домбровском угольном бассейне с ноября 1918 г. по июль 1919 г., имели ярко выраженный политический характер [7, с. 139]

ции труда на сельское хозяйство, угрожая одновременно принудительным управлением собственникам земельных владений, заброшенных из-за их неподатливой позиции по отношению к справедливым требованиям рабочих...» [11, с. 24].

Правительство было вынуждено уделить специальное внимание созданию аппарата государственного вмешательства в конфликты сельскохозяйственных рабочих с землевладельцами. Вопреки принятому в Польше территориальному принципу организации инспекции труда, в сельскую местность инспектора труда посылались из центра и исключительно с целью урегулирования конфликтов в поместьях.

Существенным обострением положения в деревне зимой — весной 1919 г. было вызвано принятие 28 марта 1919 г. закона об урегулировании коллективных конфликтов между рабочими и предпринимателями в сельском хозяйстве [9, 1919, № 29, роз. 251]. 1 августа был принят закон под тем же названием, являвшийся развитием предыдущего [9, 1919, № 65, роз. 394]. Почти одновременно (2 августа) был принят закон, запрещающий забастовки в течение трех месяцев в период сбора урожая с полей под угрозой ареста до 6 месяцев или штрафа [9, 1919, № 64, роз. 383]. Эти меры принесли свои плоды. «Благодаря закону об арбитраже, — с удовлетворением отмечало министерство социального обеспечения, — стачки в сельском хозяйстве стали исключением, а сеть коллективных договоров покрыла всю территорию государства» [6, с. 86]. В 1919 г. почти все повяты бывшего Королевства Польского были охвачены коллективными договорами. В 1920 г. система договоров, заключаемых отдельно для каждого повята, была заменена единым договором для воеводств: Варшавского, Лодзинского, Келецкого, Люблинского и Бялостокского [12, 1920, № 59, 60, 61, 62]. В 1920 г. был заключен договор, действовавший на территории всего Познанского воеводства [20].

Таким образом, в 1918—1920 гг. в польском государстве сформировался принцип регулирования условий труда и оплаты сельскохозяйственных рабочих на основании коллективных договоров, а также система арбитражных комиссий, функционирующих в случаях, когда рабочие и предприниматели не могли прийти к соглашению. Для помещиков вмешательство государства в трудовые отношения с сельскохозяйственными рабочими было равносильно посягательству на их «вековые», «священные» права. В конце 1920 г., когда Союз помещиков хотел сорвать переговоры с профсоюзом сельскохозяйственных рабочих, правительство из-за обострения социальных конфликтов вынуждено было вновь вмешаться. В марте 1921 г. сейм определил принципы деятельности Чрезвычайной арбитражной комиссии [10, 1921, № 26, роз. 147]: «С целью обеспечения нормальной работы на поле министру труда и социального обеспечения предоставляются полномочия на период до 31 марта 1922 г. созвать Чрезвычайную арбитражную комиссию». В состав этой комиссии должны были войти по три представителя от правительства, предпринимателей и рабочих (ст. 7). Подчеркивалось, что если до 31 марта 1921 г. предприниматели и рабочие не заключат новых договоров, то Чрезвычайная арбитражная комиссия может продлить действующий коллективный договор на один год, а также внести изменения на основании требований и условий каждой из заинтересованных сторон. Этот закон был издан для южных и восточных воеводств Польши (ст. 9). Согласно ст. 7, Чрезвычайная арбитражная комиссия получила право диктовать сторонам условия коллективного договора. Тем самым был введен принудительный арбитраж — особый метод борьбы буржуазного государства со стачечным движением, с одной стороны, а с другой, — определенное ограничение произвола и даже самих предпринимательских прерогатив, считавшихся незыблемым атрибутом собственника средств производства.

В этот период очень остро из-за относительного перенаселения польской деревни стояла земельная проблема. Некоторые исследователи оценивали скрытую безработицу в деревне в 1921 г. более, чем в 2 млн человек [24, с. 88]. В обстановке роста революционных настроений под влиянием Октябрьской революции в России крестьянские партии через своих

депутатов добились принятия сеймом 10 июля 1919 г. (большинством всего в один голос) постановления об основных принципах земельной реформы. Лидеры ПСЛ-«Пяст» и ПСЛ — Вызволене имели в виду такую реформу, которая дала бы землю зажиточным крестьянам, поскольку предполагалось наделение землей не бесплатно, а за «умеренную» цену.

Разделу подлежали государственные земли, а также земельные владения церкви, с оговоркой, что вопрос о последних подлежит согласованию с Ватиканом. Кроме того, должны были быть выкуплены в принудительном порядке заброшенные частные имения, а также земельные излишки во всех поместьях размером более 180 га (для промышленных округов этот максимум устанавливался в 60 га, для восточных и некоторых земель западных воеводств — 400 га). За отчужденные земли полагалась компенсация в размере половины их средней стоимости. Первоочередность в праве на приобретение земли принадлежала инвалидам и солдатам, затем сельскохозяйственным рабочим и малоземельным крестьянам. Исключены были дезертиры, а также те, «кто самовольно брал себе в собственность чужую землю». Земля должна была делиться так, чтобы площадь новых хозяйств не превышала 15 га. Принятая реформа вселяла в крестьян надежду на получение земли «законным путем» и таким образом способствовала ослаблению революционной напряженности в деревне.

Однако правительство не спешило проводить в жизнь это постановление. Только через год, когда в ходе польско-советской войны польские войска были отброшены к Варшаве, сейм 15 июля 1920 г. принял закон об аграрной реформе [10, 1920, № 70, роз. 462], надеясь заручиться поддержкой крестьян в борьбе против Красной Армии. Одновременно было принято решение о том, что все, кто уклоняется от воинской службы, теряют право на получение земли на основании закона от 15 июля 1920 г.

За первые три года после издания закона об основных принципах земельной реформы было парцелировано лишь 213,7 тыс. га земли вместо 400 тыс. га, предусмотренных законом от 10 июля 1919 г. (в 1919 г. — 8,1 тыс.; в 1920 г. — 42,8; в 1921 г. — 162,8 тыс. га) [7, s. 160].

11 января 1919 г. был издан декрет об обязательном страховании на случай болезни, положения которого были впоследствии лишь с незначительными изменениями воспроизведены в законе под тем же названием, принятом 19 мая 1920 г. [10, 1920, № 44, роз. 242].

Закон более последовательно, чем декрет, вводил принцип всеобщности. Обязательность страхования не распространялась лишь на государственных чиновников и лиц, непосредственно замещающих владельца предприятия, при условии, что их годовое жалование превышало 30 000 марок. Важно было то, что закон о страховании на случай болезни охватывал рабочих, занятых в сельском и лесном хозяйстве, в том числе и сезонных.

Больничные кассы основывались по территориальному признаку. Создавались автономные повяттовые и городские больничные кассы. Первая больничная касса начала свою деятельность уже в августе 1919 г. в Варшаве [11, s. 16].

Существенное значение имел факт участия в управлении кассами самих застрахованных. Совет кассы состоял из представителей застрахованных на $\frac{2}{3}$, а из представителей предпринимателей — на $\frac{1}{3}$.

Наибольшим недостатком закона было то, что он обязывал трудящихся участвовать в финансировании страхования. Таким образом, социального страхования (т. е. за счет общества в строгом смысле слова) и не было, создавалась же некая социально-личная система. Положительным в этой смешанной системе являлось то, что значительные взносы в фонд социального страхования на случай болезни платили предприниматели. Страховой взнос составлял 6,5% (по декрету — 5%) зарплаты застрахованного. 40% этой суммы взноса платил застрахованный, 60% — предприниматель. Такое положение, с одной стороны, являлось достижением рабочего класса, с другой же стороны, не отражало равного распределения бремени страхования, поскольку одно дело — отчисления из значительных, а порой — громадных прибылей предпринимателей, а другое —

обязанность трудящихся сократить и без того скудную заработную плату¹². Закон ввел некоторое весьма незначительное участие государственной казны в финансировании фондов страхования на случай болезни: возврат половины сумм, потраченных на пособия по беременности и родам [6, s. 232].

Право на бесплатную врачебную помощь и на пособие по болезни полагалось по декрету в течение 26 недель, закон же установил, что после 3-х лет существования кассы этот период может быть увеличен до 39 недель. Закон также увеличивал размер пособия. 60% от заработной платы полагалось всем застрахованным, а не только семейным. Для лиц, имевших более двух детей, размер пособия мог увеличиваться до 75%.

Застрахованные женщины в случае родов, кроме врачебной и акушерской помощи, получали пособие, равное 100% заработной платы в течение 8 недель. Кормящая мать имела право на специальное пособие в течение 12 недель. Введена была также врачебная помощь для членов семьи застрахованного, а также пособие на погребение.

Полностью закон о страховании по болезни никогда не был воплощен в жизнь. Из сферы его действия впоследствии выпали значительные категории трудящихся, прежде всего — сельскохозяйственные рабочие. Кроме того, распространение закона на всю территорию Польши растянулось на длительный срок. Как писал один из исследователей, «отсутствие помещений, дороговизна терапевтических средств и врачебных инструментов, недостаточная подготовленность к новым задачам врачебного и вспомогательного персонала и исключительные условия, связанные с войной, затрудняли организацию этих (больничных. — *И. П.*) касс. Она длилась с 1920 по 1927 год» [22, s. 127]; см. также [4, s. 232]. Страхование по болезни подвергалось многочисленным нападкам со стороны так называемых «хозяйственных сфер», а в более поздний период — урезке¹³. Это еще раз свидетельствует о том, что закон о страховании на случай болезни был не результатом заботы государства о своих согражданах, не средством перераспределения доходов, а уступкой власть имущих, завоеванием рабочего класса, способом смягчения тяжелых последствий эксплуатации. Этот закон мог появиться лишь в период революционного подъема в стране. Несмотря на то, что закон был далек от соответствия классовым интересам пролетариата, он был безусловно прогрессивен для своего времени.

Новая функция польского государства — функция социальной деятельности была официально и юридически закреплена в конституции от 17 марта 1921 г. [23]. Это отразило дальнейшее расширение регламентации общественных отношений, отказ от традиционной концепции о невмешательстве государства в область социально-экономических прав и интересов граждан. В конституции в прямой форме было зафиксировано важнейшее из трудовых прав — право на труд. Во вступлении и в ст. 102 подчеркивалось, что труд как главная основа богатства Речи Посполитой должен находиться под особой опекой государства. Однако конституция обходила вопрос о гарантиях права на труд, что превращало соответствующие статьи в пустую декларацию. Конкретно гарантировалась лишь свобода выбора профессии (которой, правда, никто не угрожал).

Основной акцент конституция делала на праве в области социального обеспечения, но и его должен был «установить отдельный закон» (ст. 102). Такие ключевые проблемы, как продолжительность рабочего дня, отпуска и т. д. опускались.

¹² Несмотря на то, что в этот период наблюдалась тенденция к росту реальной заработной платы трудящихся, стоимость рабочей силы в стоимости продукции была ниже, чем до войны. Если принять ее за 100% в 1914 г., то в четвертом квартале 1921 г. она составляла от 68 до 83% [7, s. 128].

¹³ 1 января 1934 г. вступил в силу так называемый «унификационный» закон [10, 1933, № 102, poz. 789], который увеличил степень участия рабочих в финансировании страхования и сократил размеры пособий и период их выплаты. Особой дискриминации подверглись сельскохозяйственные рабочие, страхование на случай болезни которых было заменено помощью, непосредственно оказываемой помещиками своим рабочим.

Два последних абзаца ст. 103 посвящались охране здоровья работающих женщин и детей. Запрещался труд детей в возрасте до 15 лет, работа женщин и детей в ночное время, а также работа в отраслях производства, вредных для их здоровья. Запрещалась постоянная работа детей и подростков школьного возраста.

И наконец, в ст. 68 конституции в качестве равноправного органа экономического самоуправления при основании будущей главной экономической палаты, наряду с сельскохозяйственными, торговыми, промышленными и ремесленными, называлась также и палата труда. По оценке М. Свентицкого, «палаты труда попали в мартовскую конституцию (ст. 68) скорее благодаря свойственной ей любви к конституционным новшествам и оперированию схемами, чем чьему бы то ни было зрелому намерению! Никто как следует не знал, чему мог служить этот институт с симпатичным, правда, названием <...>. Посол М. Недзялковский прямо говорил о случайности всей ст. 68 мартовской конституции, трактующей об экономическом самоуправлении» [17, s. 318]. Положения этой статьи, касавшиеся как палат труда, так и их надстройки — главной экономической палаты, никогда не были претворены в жизнь [17, s. 318—324; 6, s. 36].

Конституционное закрепление целого ряда общих положений в области социальной защиты трудящихся произошло под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и отражало определенные успехи классовой борьбы польских трудящихся. Содержавшиеся в конституции формулировки целей социальной политики, не сопровождавшиеся признанием конкретных прав трудящихся, не налагали никаких юридических обязательств на государство, ослабляли возможности для оказания на него давления со стороны трудящихся и их организаций. Подобные декларации являлись скорее данью времени. Однако конституционное закрепление принципов социальной деятельности имело и известное положительное значение, отражало длительную борьбу трудящихся за улучшение условий жизни. Закрепление в конституции даже тех прав, которые на том этапе не имели реального характера, крайне важно, поскольку оно открывало перспективу движения вперед, усиливало юридические основания требований трудящихся.

Особенностью социально-экономических прав является то, что их осуществление, как правило, связано с определенными финансовыми затратами, которые на практике буржуазия всегда старается сократить. Поэтому и после закрепления их в конституции классовая борьба вокруг них не только не прекращается, но, напротив, разгорается с новой силой. Ареной такой борьбы становится экономическая и социальная политика правительства.

В рассматриваемый период трудящимся Польши пришлось сразу же отражать попытки капитала лишить их только что завоеванных законов. Борьба с этими попытками (в рассматриваемый период) была довольно успешной, поскольку господствующие классы не чувствовали себя достаточно уверенно. Так, в 1921 г., когда программа министра финансов Е. Михальского¹⁴ вызвала резкий протест рабочих, правительство не решилось отстаивать ее. Е. Михальский вынужден был отказаться от своих планов.

Краткий обзор наиболее важных юридических актов из области трудового законодательства показывает, что это законодательство, как и политические права и гражданские свободы, было принято в результате борьбы рабочего класса под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. В 1918—1920 гг. пролетариат в основном наступал. Об этом свидетельствует напряженная экономическая и политическая борьба, деятельность Советов рабочих депутатов, оборонительная позиция господствующих классов и их союзников, которые в страхе перед

¹⁴ Выступая с финансовой программой, Е. Михальский указывал, что он хочет получить бюджетное равновесие путем уменьшения расходов на администрацию и оживления экономической жизни, за счет изменения закона о 8-часовом рабочем дне: разрешения добровольной работы сверх 8-ми часов [24, s. 102].

социалистической революцией были вынуждены идти на многочисленные уступки трудящимся массам. Как писал В. И. Ленин в работе «Эра реформ», «с таким врагом, как передовой общественный класс, нельзя бороться одним насилием, хотя бы и самым беспощадным, самым организованным, самым всесторонним насилием. Такой враг заставляет считаться с собой и идти на уступки, всегда неискренние, всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся, обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек, но все-таки уступки, реформы...» [1, т. 7, с. 313].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
2. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1918.
3. *Kutaniński K. W.* Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty. 1912 — styczeń 1924. Warszawa, 1924.
4. *Rybicki Z.* Organizacja i działalność rad delegatów robotniczych i chłopskich w Polsce w 1918—1919 r.— In: *Czasopismo prawnohistoryczne*, 1954, t. VI, z. 2.
5. *Ажборовская И. С.* Коммунистическая партия Польши и идеи Октября. 1918—1923 гг. М., 1967.
6. *Polityka społeczna państwa polskiego.* Warszawa, 1935.
7. *Landau Z., Tomaszewski J.* Gospodarka Polski międzywojennej. T. I. Warszawa, 1967.
8. Biuletyn Ministerstwa Pracy i Opieki Społecznej.
9. Dziennik Praw Państwa Polskiego.
10. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej.
11. *Borstein-Lychowska M.* 10 lat polityki społecznej państwa Polskiego. Bydgoszcz, 1928.
12. Monitor Polski.
13. Rady delegatów robotniczych w Polsce. T. I. Warszawa, 1962.
14. Ze wspomnień inspektora pracy. T. I. Warszawa, 1936.
15. Prawodawstwo obowiązujące w zakresie ochrony pracy, ubezpieczeń społecznych i opieki społecznej. T. I., z. 1, Warszawa, 1925.
16. Praca i Opieka Społeczna.
17. *Święcicki M.* Instytucje polskiego prawa pracy. Warszawa, 1960.
18. Zarys działalności inspekcji pracy w latach 1919—1923. Sprawozdania okręgowych inspektorów pracy z działalności w r. 1923. Warszawa, 1925.
19. *Hass L.* Ruch związkowy w Polsce. 1918—1939.— In: *Wiadomości historyczne.* Warszawa, 1982, № 1.
20. Kontrakt taryfowy dla rolnictwa w województwie Poznańskim. Poznań, 1920.
21. *Ludkiewicz Z.* Podręcznik polityki agrarnej. Warszawa, 1932, t. I.
22. *Ciechowski W.* Ustawodawstwo socjalne.— In: *Polska po roku 1926,* Warszawa, 1937.
23. Konstytucja 17 marca 1921 r. Warszawa, 1921.
24. *Próchnik A.* Pierwsze piętnastolecie Polski niepodległej (1918—1933). Zarys dziejów politycznych. Warszawa, 1933.

КАСАТКИН Н. И.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ В ЮГОСЛАВИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Марксизм открыл в рабочем классе ту главную материальную силу, которая в своем историческом движении способна привести к уничтожению эксплуатации человека человеком и созданию общества без классов и эксплуатации. Особое место в борьбе за диктатуру пролетариата и проведение коренных социально-экономических преобразований принадлежит всеобъемлющему рабочему контролю над производством и распределением продуктов, «контроль общества», как подчеркивал К. Маркс, в первую очередь над материальными средствами [1, т. 24, с. 533], что является объективной закономерностью, проистекающей из общественного характера производства и распределения продуктов в условиях строительства социализма. В. И. Ленин учил, что рабочий контроль всегда должен стоять *рядом* с диктатурой пролетариата, всегда *вслед* за ней» [2, т. 34, с. 306]. Считая установление рабочего контроля одной из главных задач революции, он уже 25 октября (7 ноября) 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов заявил: «Мы учредим подлинный рабочий контроль над производством» [2, т. 35, с. 3]. «Рабочая масса должна взяться за организацию контроля и производства в широком государственном масштабе,— указывал В. И. Ленин.— Не в организации лиц, а в организации всей трудящейся массы лежит залог успеха, и если мы этого достигнем, наладим хозяйственную жизнь, то само собой отметется все противодействующее нам» [2, т. 35, с. 148].

Победа социалистической революции в Югославии, становление новых общественно-экономических отношений в стране неразрывно связаны с последовательным претворением в жизнь ленинского учения о рабочем контроле. Вопрос о специфических формах рабочего контроля в промышленности, его месте в системе контрольных органов Югославии, его роли в деле разрушения всего, «что до сих пор охраняло и обеспечивало частную собственность» [1, т. 4, с. 434], остается не изученным. В данной статье делается попытка осветить этот вопрос.

В народно-освободительной войне и народной революции в Югославии родилась новая, подлинно народная и глубоко демократическая власть, которая разбила старый и создала на его месте совершенно новый государственный аппарат диктатуры пролетариата. Этот факт имеет первостепенное значение для развития экономики страны после войны и революции. Первый раз в своей истории рабочий класс Югославии успел «закончить, в главных чертах, дело завоевания власти и подавления эксплуататоров, ... *подойти вплотную* к задаче *управления*» [2, т. 36, с. 173]. Это, как указывал В. И. Ленин,— «самая трудная задача, ибо дело идет об организации по-новому *самых* глубоких, экономических, основ жизни десятков и десятков миллионов людей» [2, т. 36, с. 173].

Вопрос о характере хозяйственной и общественно-экономической системы всегда, в любой стране и во все времена теснейшим образом

связан с вопросом о характере власти. Развитие экономики в Югославии в 1944 — начале 1945 г. отставало от развития народной власти. Характер экономики следовало безотлагательно привести в соответствие с общественно-политическими переменами в стране, ибо долгое существование такого противоречия привело бы к гибели новой власти. И наоборот, дальнейшее развитие народной власти зависело от проводимых перемен в области экономики.

Коммунистическая партия Югославии, Национальный комитет освобождения понимали сложность ситуации. Они руководствовались учением К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что «пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс...» [1, т. 4, с. 446].

Первым шагом наступления на частный капитал явился декрет Президиума Антифашистского веча народного освобождения Югославии о переходе в государственную собственность имущества врагов народа, о государственном управлении бесхозным имуществом и о секвестре на имущество, отнятое оккупационными властями у бывших владельцев [3, № 2]. Декрет был принят в конце ноября 1944 г. Именно тогда, после освобождения восточной части страны и Белграда в октябре 1944 г., были созданы благоприятные условия для широкой и всенародной организации общественно-экономической жизни. Согласно декрету в государственную собственность переходило: все имущество немецкого рейха и его подданных, находящееся на территории Югославии; имущество лиц немецкой национальности, «кроме лиц, борющихся в рядах Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии, а также подданных нейтральных держав, не занимавших враждебной позиции в годы оккупации»; имущество врагов народа, их пособников и лиц, осужденных гражданскими и военными судами с конфискацией имущества, независимо от подданства (для югославских граждан — независимо от нахождения в стране или за ее пределами).

Одновременно в государственное управление перешло все имущество лиц, интернированных или бежавших из страны во время оккупации. Был наложен секвестр на все имущество, отнятое оккупационными властями у бывших владельцев и переданное третьим лицам, а также на собственность, принадлежавшую иностранному капиталу.

Под собственностью декрет подразумевал «все движимое и недвижимое имущество и права на него, как и другие права на собственность, а именно: земельные наделы, дома, постройки, леса; права на горнорудное производство, предприятия со всеми зданиями и сооружениями, на драгоценности, ценные бумаги, акции, всевозможные платежные средства, фонды; права пользования, иска, участия в доходах мастерских и предприятий, авторские права, права на промышленные предприятия и собственность; как и все права на перечисленную выше собственность» [3, № 2].

Декрет объявил потерявшими силу все документы о праве собственности, заключенные от 6 апреля 1941 г. до вступления в силу этого декрета, т. е. до 6 февраля 1945 г. Тем самым были сделаны невозможными любые шаги буржуазии, направленные на саботаж декрета или заключение заведомо фиктивных документов о праве собственности. В руки государства перешло большое число промышленных, транспортных и торговых предприятий. Особое значение приобретал тот факт, что государство стало собственником абсолютного большинства частных банков. Правительство Югославии превратило банки — «нерв всей капиталистической жизни» [2, т. 35, с. 273] — в оружие диктатуры пролетариата. Важное значение декрет имел для дальнейшего развития промышленности. Согласно промышленной переписи 1945 г., проведенной в соответствии с новой трактовкой права собственности в декрете, предприятия по секторам распределялись как указано в табл. 1.

Уже эта первая волна экспроприации, проведенная после принятия декрета, существенно изменила картину промышленности — ведущим

Таблица 1

Отрасли промышленности	Государственный сектор				Секвестр (под временным управлением)				Частная собственность				Всего		
	число предприятий	% рабочих мест	число рабочих мест	% рабочих мест	число предприятий	число рабочих мест	% рабочих мест	число предприятий	число рабочих мест	% рабочих мест	число предприятий	число рабочих мест	% рабочих мест	число рабочих мест	% рабочих мест
Добывающая	128	42735	55,0	68	19889	25,6	150	15107	19,4	346	77731	100			
Металлургическая	5	6777	42,3	9	9226	57,6	1	8	0,1	15	16011	100			
Металлообрабатывающая	101	20599	48,7	91	10136	24,0	217	11585	27,3	409	42320	100			
Производство керамики и стекла	155	10265	37,7	64	5098	18,7	282	11878	43,6	501	27241	100			
Деревообрабатывающая	143	15366	44,2	85	6937	19,9	333	12491	35,9	561	34794	100			
Бумажная	34	4299	40,1	34	3517	32,9	72	2893	27,0	140	10709	100			
Химическая	71	6189	46,1	49	4420	32,9	77	2821	21,0	197	13428	100			
Пищевая	351	18879	45,2	131	9085	21,8	643	13790	33,0	1125	41754	100			
Текстильная	257	39302	53,7	117	18579	25,4	280	15287	20,9	654	73168	100			
Кожевенно-обувная	58	4600	36,7	35	4884	39,0	82	3048	24,3	170	12532	100			
Предприятия различных отраслей	56	15182	55,0	27	7267	26,3	76	5161	18,7	159	27610	100			
Прочие виды производства	9	4336	78,5	8	607	11,0	12	583	10,5	29	5526	100			
Электростанции (самостоятельные)	150	4514	67,9	30	916	13,8	67	1214	18,3	247	6644	100			
Электростанции (в составе промышленности)	139	1863	48,6	105	1590	41,5	71	378	9,9	315	3831	100			
Всего	1652	194904	49,5	853	102151	26,0	2363	96244	24,5	4868	393299	100			

Источник: Rezultati popisa industrije FNRJ u 1945 godini. Knj. 1. Opsti prehled. Beograd, 1946, s. 20.

сектором стал государственный. В собственность государства перешло 34% предприятий, однако на них было сосредоточено 49,5% общего количества рабочих мест в промышленности страны. Если же взять государственный сектор вместе с секвестрированным, который практически вскоре стал государственным, то в них было сосредоточено 2505 предприятий (52% общего числа по стране). В то же время государственные и секвестрированные предприятия располагали 75,5% общего количества рабочих мест. Частному сектору принадлежало 48% предприятий, однако рабочих мест на них было всего 24,5% от общего числа. Данные свидетельствуют о том, что в государственную собственность перешли крупные, обладающие

Таблица 2

Сектор	Народные республики						Всего
	Сербия	Хорватия	Словения	Босния и Герцеговина	Македония	Черногория	
Государственный:							
предприятий,	810	355	244	175	57	11	1652
рабочих мест,	76918	45417	31834	34482	5844	409	194904
% рабочих мест	51,6	44,2	36,5	71,8	65,9	37,0	49,5
Под временным управлением государства:							
предприятий,	244	321	239	34	12	3	853
рабочих мест,	24291	35792	37734	3814	351	169	102151
% рабочих мест	16,7	34,9	43,3	8,0	3,9	15,3	26,0
Частный:							
предприятий,	1130	486	521	148	71	7	2363
рабочих мест,	44351	21433	17545	9710	2678	527	96244
% рабочих мест	31,7	20,9	20,2	20,2	30,2	47,7	24,5
Всего:							
предприятий,	2184	1162	1004	357	140	21	4868
рабочих мест,	145560	102642	87113	48006	8873	1105	393299
% рабочих мест	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Rezultati popisa industrije FNRJ u 1945 godini. Knj. 1. Opsti prehled. Beograd, 1946.

с. 121

значительными производственными мощностями предприятия, тогда как частный сектор охватил большей частью мелкие, малопроизводительные предприятия. На каждое предприятие государственного и секвестрированного секторов приходилось в среднем 118 рабочих мест, тогда как на каждое частное — 40. Приведенная таблица вместе с тем показывает, что государственный сектор (вместе с секвестрированным) занял господствующее положение в ключевых отраслях промышленности: в добывающей — 80,6% рабочих мест, в металлургической — 99,9, металлообрабатывающей — 72,7, химической — 79, текстильной — 79,1, кожевенно-обувной — 75,7%. Однако в таких важных отраслях промышленности, как пищевая, деревообрабатывающая, частный сектор сохранил достаточно прочные позиции (соответственно 33 и 35%). Значение этих отраслей в первые послевоенные годы было весьма велико. Правительство с этим не могло не считаться.

Данные промышленной переписи убедительно показывают, что уже в начале 1945 г. государство диктатуры пролетариата в Югославии имело прочные позиции. В руках рабочего класса были командные высоты в промышленности. Это было характерно для всех республик (табл. 2). Только в Черногории частный капитал занимал еще значительное место и владел 47,7% рабочих мест. Однако, если иметь в виду слабое развитие промышленности Черногории, то ее частный сектор не оказывал существенного влияния на положение в промышленности страны в целом.

Рождение новых хозяйственных органов для управления общественной собственностью происходило в острой борьбе со старыми буржуазными формами хозяйствования. В ходе народно-освободительной войны и революции руководство общенародной собственностью осуществляли народно-освободительные комитеты, а там, где они не были созданы, временно управляли военные органы. После образования в ноябре 1943 г. Нацио-

нального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) появились первые высшие административно-хозяйственные органы-ведомства: финансов, транспорта, продовольствия, строительства, лесной и горнорудной промышленности, восстановления народного хозяйства. В ноябре 1944 г. при ведомстве торговли и промышленности НКОЮ было создано Государственное управление народными имуществами (Државна управа народних добара) [4, 1944, 24 XI]. В июле 1945 г. ЦК КПЮ пришел к заключению, что громоздкий аппарат Государственного управления народными имуществами необходимо сократить, а функции его свести к учету имущества и доходов от государственных предприятий.

В августе 1945 г. организация и управление народным хозяйством были переданы соответствующим союзным и республиканским министерствам [3, № 54]. Высшим координирующим хозяйственным органом страны стал Экономический совет, созданный при правительстве 14 декабря 1945 г. Позднее при Совете Министров были образованы две комиссии: Союзная плановая и Государственная контрольная. Конституция ФНРЮ, принятая 31 января 1946 г., утвердила стройную организацию государственного управления промышленностью. Принятием основного закона о государственном хозяйственном предприятии 24 июля 1946 г. [5, 1946, № 62] было завершено формирование государственных органов управления промышленностью сверху донизу. Этот закон установил основные принципы организации и деятельности государственных предприятий. Предприятие являлось юридическим лицом, функционировало как самостоятельная хозяйственная единица и согласно законодательству выступало хозяином предоставленного государством народного достояния. В зависимости от значения и роли в народном хозяйстве предприятия делились на общегосударственные, республиканские, областные и местные. Закон вводил ленинский принцип единоначалия, определяя, что директор является непосредственным руководителем всей деятельностью предприятия в рамках установленных правил. Он был ответственным за выполнение производственных планов и осуществление финансовой деятельности, рентабельность предприятия и состояние трудовой дисциплины и т. п. В то же время закон отводил большую роль профсоюзам, советам специалистов в повышении производительности труда, улучшении условий труда, решении трудовых споров и др.

Важным мероприятием, направленным на упорядочение общественного производства, являлась регламентация условий производства на частнокапиталистических предприятиях. Через соответствующие государственные органы — министерства промышленности, торговли и снабжения, транспорта и связи, через банковскую и финансовую систему — народная власть поставила частнокапиталистическое производство в строго установленные рамки, определяемые нуждами государства и народа, а не интересами наживы капиталистов. В соответствии с директивными производственными заданиями частные предприятия обеспечивались необходимым сырьем и топливом. За несоблюдение определенных государством условий производства предусматривались карательные меры против капиталистов вплоть до конфискации их собственности. Следовательно, деятельность частнокапиталистических предприятий независимо от воли их владельцев регулировалась государством и была поставлена на службу общественным потребностям.

Таким образом, к середине 1945 г. были созданы материальные предпосылки для развития промышленности по социалистическому пути. Государство стало полновластным собственником ведущих отраслей промышленности, частнокапиталистическое предпринимательство было поставлено под контроль государства, создана стройная система хозяйственного руководства сверху донизу. Однако сами по себе эти мероприятия не могли изменить характера производственных отношений в промышленности. Десятилетиями складывавшиеся отношения работодателей, технической интеллигенции к рабочему классу и в целом к производству, охрана труда на предприятиях, система оплаты труда рабочих, их социальное обеспечение, наконец, взаимоотношения самих рабочих в процессе

производства практически продолжали оставаться прежними. Обстановка тяжелой хозяйственной разлуки, финансового и валютного хаоса в стране, вызванного войной и политикой оккупационных властей, гибель многих квалифицированных рабочих и специалистов, отсутствие опыта в решении многих конкретных производственных вопросов — все это создавало серьезные препятствия переводу промышленного производства на социалистические рельсы. Саботаж бывших владельцев и буржуазных специалистов, спекуляция, воровство, черный рынок наносили огромный ущерб промышленности. Экономические по своей сути, они тормозили движение вперед, были направлены против революционной власти в Федеративной Народной Республике Югославии и, как говорил И. Б. Тито, приобрели глубокий политический смысл и характер [6, с. 230].

В этой обстановке только при самом широком участии рабочего класса каждого предприятия в борьбе с трудностями можно было создать новые формы организации производства, только сами рабочие могли обобществить производство на деле, «завоевать общественные производительные силы» [1, т. 4, с. 434].

Коммунистическая партия Югославии, руководствовавшаяся ленинским учением о рабочем контроле, понимала, что только организация всеобъемлющего внутреннего рабочего контроля над производством и распределением на каждом предприятии должна быть следующим шагом наступления на капитал. Э. Кардель подчеркивал необходимость развития адекватных форм рабочего контроля в хозяйстве «как необходимой составной части борьбы рабочего класса за выявление недостатков и ошибок на производстве, вредительства, небрежного отношения к государственной собственности, борьбы за рациональное использование мощности фабрик, заводов, всех предприятий» [7, с. 35].

Ведущую роль в организации такого контроля КПЮ придавала авангарду рабочего класса предприятий — коммунистам. Центральный орган ЦК КПЮ газета «Борба» писала: «Коммунист, который не стремится быть хорошим торговцем, не хочет быть хорошим администратором, хозяйственником и специалистом, который не борется против бюрократизма, халатности и расхлябанности, который не ведет учета и контроля выполнения принятых решений, не может рассматриваться выполняющим свой долг перед партией и отечеством» [4, 1946, 13 I]. Всю работу по разъяснению массам значения рабочего контроля, выработке путей, форм и методов его осуществления КПЮ проводила, опираясь на профсоюзы рабочих и служащих. В резолюции, принятой на учредительной конференции Единых профсоюзов Югославии (Белград, 23—25 января 1945 г.), отмечалось: «Единые профсоюзы должны оказывать всестороннюю помощь в организации управления предприятиями, как и в контроле над производством и распределением, поскольку именно от этого в огромной степени зависит успешное восстановление промышленности и всего народного хозяйства» [4, 1945, 24 I].

Центральный орган Единых профсоюзов Югославии газета «Рад» («Труд»), которая стала издаваться с января 1945 г., превратилась в трибуну, где широко обсуждались вопросы производственной и трудовой дисциплины, широкого участия рабочих в управлении производством.

Организуя рабочий контроль, партия и правительство учитывали имеющийся опыт рабочего класса. Формой рабочего контроля КПЮ определила институт рабочих уполномоченных, который стихийно создавался рабочими и служащими и исправно функционировал на многих предприятиях страны уже с 1944 г. Учитывался также и опыт рабочего контроля в королевской Югославии, который был введен законом о защите интересов рабочих в июне 1922 г. Однако этот закон рассматривал органы рабочего контроля как буфер для смягчения классовой борьбы. Сотни добросовестных защитников интересов рабочего класса были уволены с работы и подвергались полицейским гонениям. В старой Югославии система государственной организации и политической власти была полностью независима от влияния масс, а общественный контроль противостоял интересам тех, кто правил государством.

В новых условиях, в обстановке глубоких политических и социально-экономических перемен коренным образом изменились и непосредственные задачи рабочего контроля. Отныне его органы должны были стать защитниками жизненных интересов рабочих и служащих, народным институтом, задачей которого являлась решительная борьба не только против буржуазии, но и за совершенствование организации и увеличение производства, выполнение производственных планов и задач, поставленных государством. «Рабочий контроль, — писал Э. Кардель в начале 1945 г., — был не только выражением воли и интересов широких народных масс, но, что более важно, являлся одним из ведущих принципов вовлечения граждан и их организаций в работу всей системы государственного контроля» [8, s. 26]. Говоря о функциях, содержании и методах работы новых органов контроля в Югославии, Э. Кардель тогда подчеркивал их особый, социалистический характер и значение. «В нашей контрольной службе, — говорил он, — необходимо не только видеть инструмент руководящих органов, но одновременно понять его как орудие широких народных масс в борьбе за выполнение стоящих перед ними задач и обеспечение прав, в борьбе против всех врагов народной власти, угрожающих их правам, против бюрократизма, разболтанности, вредительства и всех маневров остатков эксплуататорских сил, которые все еще не примирились с тем фактом, что народные массы в нашей стране взяли в собственные руки кормило своей судьбы» [8, s. 15].

Коммунистическая партия Югославии считала необходимым и совершенно неотложным на всех предприятиях страны организовать рабочий контроль через институт рабочих уполномоченных. В статье «Управление хозяйством не дело чиновников, а важная политическая задача», опубликованной в газете «Рад», читаем: «Несомненно, многое из старого опыта руководства мы можем и должны перенять, многому можем и должны научиться... Но нужно понять, что теперь, в условиях огромных перемен в структуре и характере хозяйства и власти старые чиновники, если им не оказывать постоянную помощь и не осуществлять каждодневный контроль, не смогут решать сегодняшние задачи» [9, 1945, 24 II].

Выступая в газете со специальной статьей о рабочем контроле, видный профсоюзный деятель Югославии Адам Катич подчеркивал: «Борьба за право контроля рабочих на предприятиях есть революционная мера. Поэтому она не может замыкаться в рамках профсоюзов. Она должна получить широкий политический резонанс. Острые этой борьбы должно быть перенесено за пределы заводских стен» [9, 1945, 3 III]. Газета требовала от профсоюзов разъяснения массам глубокого экономического и социально-политического значения рабочего контроля на данном этапе развития страны.

3 марта 1945 г. газета изложила конкретный план подготовки к выборам рабочих уполномоченных: проведение на всех предприятиях собраний рабочих и служащих для разъяснения огромной значимости рабочего контроля; создание выборных комиссий по предприятиям; составление предварительных списков кандидатов рабочих уполномоченных. Состоявшийся в первых числах апреля 1945 г. Пленум Главного комитета Единых профсоюзов рабочих и служащих Югославии заслушал доклад А. Катича о выборах рабочих уполномоченных и еще раз подчеркнул важность участия рабочих и служащих в организации производства и в управлении им, а также в контроле над деятельностью всех государственных и частных предприятий. «Для выполнения насущных задач хозяйственного строительства, — отмечено в решениях Пленума, — для защиты экономических и социальных интересов всех тружеников нужны органы, пользующиеся полным доверием рабочих и служащих. Такими должны стать рабочие уполномоченные» [9, 1945, 7 IV]. Пленум постановил: «1. Статью 5 Закона о защите рабочих от 14 июня 1922 г. изменить в соответствии с новыми условиями и целями увеличения производства и восстановления хозяйства. 2. Законодательными актами определить права и обязанности рабочих уполномоченных, утвердить их в Главном комитете Единых профсоюзов и Министерством социального обеспечения. 3. Детально разработать

правила выборов рабочих уполномоченных на государственных и частных предприятиях» [9, 1945, 7 IV].

К середине июля 1945 г. проект закона о рабочем контроле был разработан. Он стал предметом серьезного обсуждения на совместном расширенном совещании членов ЦК отраслевых профсоюзов 22 мая 1945 г., где с докладами о насущных задачах хозяйственного строительства и роли Единых профсоюзов Югославии выступили руководители профсоюзов Радое Дакич и Джуро Салай [9, 1945, 25 V]. Вслед за совещанием вопросы организации рабочего контроля и производства применительно к конкретным условиям были рассмотрены на республиканских съездах профсоюзов рабочих и служащих в июне—июле 1945 г. В частности, в резолюции Первого съезда профсоюзов рабочих и служащих Сербии говорилось: «Съезд особо подчеркивает важность и необходимость скорейшего принятия нового закона о рабочих уполномоченных, отмечая их большую роль в решении народно-хозяйственных задач» [9, 1945, 7 VII].

23 июля 1945 г. правительство ДФЮ утвердило Закон о рабочих уполномоченных [8, 1945, 30 VII]. Во всех частных, кооперативных и государственных предприятиях с числом рабочих и служащих (вместе) не менее пяти избирались рабочие уполномоченные (ст. 1). Уполномоченные являлись «законно избранными представителями трудящихся» и в этом качестве находились в постоянной связи как с органами народной власти, администрацией предприятия, так и с профсоюзами рабочих и служащих [4, 1945, 30 VII]. Правом выбирать и быть избранными в рабочие органы контроля пользовались все рабочие, служащие и ученики обоего пола, занятые на данном предприятии (пассивное избирательное право с 18 лет). Закон определял и число уполномоченных, избираемых на каждом предприятии по пропорциональной системе: от 5 до 20 человек — избирался один уполномоченный, от 21 до 50 человек — трое, далее на каждые 50 рабочих и служащих избиралось еще по одному уполномоченному. Однако на одном предприятии не могло быть избрано более 20 уполномоченных. Филиалы предприятий имели свои органы рабочего контроля.

Законом были определены функции органов рабочего контроля. Статья 3 гласила: «Задачей рабочих уполномоченных является защита социальных и экономических интересов рабочих и служащих, борьба за лучшую организацию и повышение производства».

В области социальной уполномоченные были должны: 1) совместно с профсоюзами подготавливать и заключать коллективные договоры с администрацией, осуществлять контроль за их выполнением; 2) участвовать в разрешении всех трудовых споров; 3) участвовать в разработке и утверждении производственных норм, аккордных тарифов, средних и минимальных размеров заработной платы (если они не урегулированы в коллективном договоре), осуществлять контроль за их выполнением; 4) осуществлять контроль за выполнением на предприятиях всех законов и поставлений правительства и профсоюзов в области здравоохранения, социального обеспечения, рабочего времени; 5) участвовать в организации деятельности рабочих клубов и домов культуры своего предприятия, детских садов, столовых и т. п.; 6) вести учет и контроль приема на работу и увольнения рабочих и служащих, информировать надлежащие органы народной власти о всех несчастных случаях на предприятиях; 7) способствовать повышению квалификации рабочих и служащих [4, 1945, 30 VII].

В области экономической рабочие уполномоченные: 1) совместно с администрацией предприятий и профсоюзными организациями ведут борьбу против саботажа, поднимают трудовую дисциплину и повышают производственную инициативу трудящихся; 2) борются за рентабельную работу предприятия, выявляют недостатки, обсуждают их на собраниях рабочих и служащих и предлагают меры для их ликвидации. Организуют движение за рациональные методы производства, повышение производительности труда и максимальное использование производственных мощностей предприятия; 3) следят за правильным и повсеместным внедрением на предприятии единой системы бухгалтерского учета, отчетности, введенной специальным декретом правительства от 1 февраля 1945 г. [3, № 6].

Осуществляя учет и контроль, рабочие уполномоченные не вмешивались в непосредственное руководство производством, но давали администрации рекомендации, направленные на улучшение организации производства, рациональное использование заводского оборудования, повышение качества производимых товаров и т. п. Установленные законом функции учета и контроля уполномоченные осуществляли на общественных началах, не получая за это никакого материального вознаграждения. Наравне со всеми рабочими они выполняли свои производственные задачи, не отрывались от коллектива и не становились частью управленческого аппарата. Это обстоятельство имело исключительно важное значение для организации строжайшего и повсеместного учета и контроля производства и распределения продуктов. Только при такой постановке дела уполномоченные могли работать бескорыстно, сознательно и творчески, налаживая новый тип производственных отношений, соответствовавший этапу революционных перемен в экономике.

Законом были определены правовые гарантии деятельности рабочих уполномоченных. Их нельзя было уволить с работы за выполнение ими своих обязанностей. Владельцы предприятий, чинившие препятствия уполномоченным в исполнении их функций, подвергались различным мерам наказания, вплоть до привлечения к уголовной ответственности.

Вместе с тем были предусмотрены меры ответственности и наказания уполномоченных, превысивших полномочия и злоупотреблявших своим положением. За свою работу уполномоченные были ответственны перед коллективом, избравшим их, и местными органами народной власти. За нарушения или недобросовестное выполнение возложенных на него задач, что квалифицировалось как нанесение ущерба интересам производства и предприятия, уполномоченный мог подвергаться общественному порицанию, денежному штрафу до 1000 динаров и, наконец, лишению мандата досрочно (статьи 6, 12). Полный текст Закона о рабочих уполномоченных был опубликован на страницах большинства газет Югославии: «Борба», «Рад», «Политика», «Ослобождение», «Омладина» и др.

Закон о рабочем контроле нашел самую широкую поддержку со стороны рабочего класса и всех трудящихся страны. Инициатива масс, как составная часть подлинной демократии, больше чем когда-либо проявилась именно теперь. Уже в период, предшествовавший выборам уполномоченных, в рабочих коллективах большинства предприятий прошли собрания, на которых закон о рабочих уполномоченных подвергался тщательному и всестороннему изучению применительно к данному заводу, фабрике, предприятию. Рабочие предлагали конкретные меры по совершенствованию контроля над производством и распределением продуктов, повышению трудовой дисциплины, максимальному использованию производственных мощностей и ресурсов. Центральные и республиканские газеты всесторонне освещали обсуждение закона трудящимися, публиковали многочисленные предложения, рожденные творчеством народных масс. Предложения эти были настолько значительными и важными, что вызвали необходимость пересмотра закона. 2 ноября 1945 г. был принят Закон об изменениях и дополнениях закона о рабочих уполномоченных от 23 июля 1945 г. [5, 1945, № 85]. Новым документом существенно расширились задачи уполномоченных в деятельности предприятий и прежде всего в контроле за организацией производства и выполнением планов.

Организуя рабочий контроль на производстве, КПЮ, профсоюзы и общественные организации руководствовались ленинскими идеями рабочего контроля и широко использовали богатейший опыт первой страны социализма. Сами документы, официально введшие рабочий контроль в народно-демократической Югославии, во многом были созвучны не только по содержанию, но и по форме с соответствующими документами Советской власти — Проектом положения о рабочем контроле, написанном В. И. Лениным, и Положением ВЦИК и СНК о рабочем контроле от 14 (27) ноября 1917 г. [2, т. 35, с. 30—31; 10, с. 77—85].

Однако Югославия не переносила механически советский опыт рабочего контроля, а поступала применительно к своим конкретно-историческим

условиям, с учетом новой политической обстановки и расстановки классовых сил, сложившихся в стране и мире после разгрома гитлеровской Германии и победы социалистической революции. Движение за рабочий контроль показало подготовленность и решимость рабочего класса Югославии к революционному вмешательству в организацию общественного производства. «Не чье бы то ни было нетерпение, не... пропаганда, а объективные условия... — вот что вынуждает переход к контролю за производством и распределением, за банками, фабриками и пр.», — указывал В. И. Ленин [2, т. 32, с. 121]. Именно сложившиеся объективные условия вызвали необходимость введения в Югославии рабочего контроля.

По предложению экономического отдела ЦК КРЮ и Главного комитета Единых профсоюзов рабочих и служащих Югославии правительство ФРНО приняло решение провести повсеместно выборы рабочих уполномоченных с 15 января до 15 февраля 1946 г. [4, 1945, 22 XI]. Они состоялись после внушительной победы Народного фронта на выборах в Учредительное собрание и вылились в настоящую демонстрацию неисчерпаемой энергии рабочего класса и его решимости отдать все силы делу восстановления народного хозяйства. Как отмечалось в статье «После выборов рабочих уполномоченных» [4, 1946, 18 II], на многих предприятиях одновременно принимались решения о добровольном труде с отчислением заработной платы в фонд Коммунистической партии и в фонд восстановления страны. Рабочие принимали конкретные обязательства на период первомайского соревнования 1946 г.

В течение 1946 г. рабочие уполномоченные вступили в тесный контакт с администрацией и профсоюзными организациями предприятий, оказывали им всестороннюю помощь и содействие в выполнении сложных задач в экономической, социальной и культурной областях. В тяжелых условиях разрухи рабочие учились большому и сложному искусству осуществлять пролетарскую диктатуру. Именно к середине 1946 г. институт рабочих уполномоченных как орган рабочего контроля получил свой законченный вид. Это нашло свое отражение и в Основном законе о государственных предприятиях, принятом 24 июля 1946 г., где особо подчеркивалась обязанность директоров способствовать работе уполномоченных, предоставлять им необходимые сведения и сотрудничать с ними в целях защиты социальных и экономических интересов рабочих и служащих (ст. 44).

Будучи по своей природе социалистическим мероприятием, рабочий контроль являлся одним из методов привлечения масс к управлению государством, служил великой школой социалистического воспитания народа. Введение рабочего контроля на частных предприятиях еще не означало ликвидации капиталистической собственности. Это была «опека пролетариата над капиталистическим производством, если рассматривать вопрос со стороны формальной, и регулирование его рабочими организациями, если рассматривать его по существу» [11, с. 87]. Значение рабочего контроля, широко охватившего частнокапиталистические предприятия, состояло не только в том, что он намного ограничивал возможность буржуазии, «все навыки и традиции» которой шли «против государственного контроля» [2, т. 36, с. 184], использовать свою экономическую силу в контрреволюционных целях, но еще и в том, что рабочие в процессе своего контроля учились управлять производством, приобретали навыки и опыт руководства хозяйственной работой.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что выработка у рабочего класса умения управлять общественным производством, многомиллионными массами трудящихся занимает длительный период, когда рабочие в упорной и повседневной борьбе за создание новой жизни постепенно овладевают знаниями, приобретают опыт. «Нужны, разумеется, не недели, а долгие месяцы и годы, — говорил В. И. Ленин, — чтобы новый общественный класс, и притом класс доселе угнетенный, задавленный нуждой и темнотой, мог освоиться с новым положением, осмотреться, наладить свою работу, выдвинуть *своих* организаторов» [2, т. 36, с. 192—193].

В Югославии в органы рабочего контроля было избрано около 17 тыс.

передовых, сознательных, пользовавшихся уважением и доверием коллективов рабочих. Это составляло 8,2% общего количества занятых в промышленности рабочих. Иными словами, каждый двенадцатый рабочий был причастен к решению насущных производственных задач, социальных, культурных и бытовых вопросов рабочего класса. Тем самым институт рабочих уполномоченных наряду с профсоюзами сыграл важную роль в подготовке квалифицированных руководящих кадров промышленности, в создании экономических, политических и психологических предпосылок ее национализации. Наряду с профсоюзами рабочие уполномоченные составляли надежную опору коммунистической партии в последовательной борьбе за установление социалистических форм собственности и победу новых производственных отношений. Вместе с тем следует подчеркнуть, что органы рабочего контроля не были специфическим, чисто югославским явлением. Они существовали во всех странах народной демократии с тем или иным своеобразием и функционировали в качестве инструмента привлечения трудящихся к управлению производством. Рабочий контроль представлял собой особую форму классово-пролетарской борьбы [12; 13]. Созданный в 1945 — первой половине 1946 г. институт рабочих уполномоченных был лишь временной мерой в период, предшествовавший национализации промышленности, после чего он перестал существовать.

Безусловно, институт рабочих уполномоченных был главной формой и занимал ведущую роль в системе общественного контроля над производством и распределением в годы становления социалистического производства и восстановления народного хозяйства. Вместе с тем имелись и другие формы общественного контроля. Назовем прежде всего народных контролеров, введение института которых представляло собой первую практическую попытку установления новых, непосредственно общественных форм контроля в народной Югославии. Народные контролеры являлись активистами, избранными по предложению народных комитетов и антифашистских организаций. Юридические основы для введения института народных контролеров содержались уже в Решении № 133 АВНОЮ от 13 февраля 1945 г., позднее в Законе о прокуратуре (*Zakon javnom tužilstvu*) [5, 1946, № 66]. Народные контролеры были не официальными, а добровольными функционерами прокуратуры, т. е. общественными органами, обязанностью которых было содействие соответствующим государственным службам в раскрытии нарушений и незаконных действий на производстве, а также разъяснение трудящимся принципов нового государственного строя, правовых документов, основ народной власти и народного законодательства. Народные контролеры избирались гражданами на предприятиях, в учреждениях, организациях, а также в кварталах больших городов, в деревнях и поселках (ст. 22). Особые задачи перед народными контролерами закон ставил в области промышленности. Совместно с городскими комиссиями государственного контроля они вели борьбу против саботажа, хищений государственного имущества, коррупции и т. п. Они помогали органам суда и прокуратуры осуществлять контроль за правильным выполнением законодательства в области производства, нормирования, снабжения, труда и заработной платы. Роль народных контролеров особенно была велика в период 1946—1950 гг. Формально их деятельность прекратилась с принятием нового закона о прокуратуре (1954).

Наконец, на первом этапе развития народно-демократической Югославии была сделана попытка введения еще одной интересной формы общественного контроля. Это был институт народных инспекторов, созданный в соответствии с Инструкцией по организации народной инспекции [5, 1948, № 2], а затем подтвержденный специальным указом о народной инспекции [5, 1949, № 28]. Народная инспекция являлась «особым инспекционно-контрольным органом трудящихся масс, через который массы сотрудничают с районными и городскими контрольными комиссиями, в первую очередь, в деле улучшения работы аппарата, органов народной власти и правильного претворения в жизнь законных прав граждан» [5, 1949, № 28].

Перед народными инспекторами ставились следующие задачи:

1) проверять, как аппарат государственных органов проводит в жизнь мероприятия по повышению жизненного уровня трудящихся и защите их прав;

2) бороться против бюрократизма вообще, в решении вопросов и предложений трудящихся, в частности;

3) бороться против хищений, расточительства и других проявлений нанесения ущерба общественной собственности;

4) рассматривать письма и жалобы трудящихся о нарушениях и неправильной работе отдельных органов народной власти [5, 1949, № 28].

В отношении трудовых коллективов народные инспектора осуществляли контроль: за работой столовых, ресторанов и магазинов; за деятельностью службы рабочего снабжения, амбулаторий, домов отдыха и интернатов предприятий; за правильным распределением и использованием потребительских карточек; за расходованием сырья, экономией материалов и горючего, а также использованием машин и производственных мощностей предприятий.

Группы народных инспекторов формировались первичными организациями Народного фронта по территориальному принципу, а также профсоюзными организациями тех предприятий и учреждений, которые имели на своем балансе больницы, санатории, столовые, дома отдыха, ясли и т. п. Народные инспектора, как и народные контролеры, избирались из активистов — членов Народного фронта, профсоюзов, Антифашистского фронта женщин, Народной молодежи и Союза борцов. Избирались они на собраниях, конференциях сроком на один год, свои обязанности выполняли на общественных началах. О всех выявленных недостатках народные инспектора ставили в известность надлежащие контрольные комиссии.

Все три формы общественного контроля имели важное экономическое и политическое значение. Общественный контроль превратился в сильное орудие народной власти, в орудие защиты и дальнейшего социально-экономического и политического развития. Именно поэтому общественный контроль, деятельность института рабочих уполномоченных прежде всего, в условиях народной власти представляли собой составную часть государственной системы, системы народной власти. Ленинская оценка рабочего, всеобъемлющего народного контроля как средства воспитания широких народных масс и приобщения их к управлению государством здесь полностью подтвердилась. Без широкого рабочего и народного контроля невозможно представить народную власть и всю общественно-политическую систему первых лет Социалистической Федеративной Народной Республики Югославии.

Кроме рабочего и общенародного контроля, в 1945—1949 гг. в Югославии функционировала достаточно стройная система административно-го, финансового и государственного контроля, но это выходит за рамки темы и требует специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2-е.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Службени лист ДФЈ, 1945.
4. Борба.
5. Службени лист ФНРЈ.
6. Tito J. B. Izgradnja nove Jugoslavije, t. II, knj. 1. Beograd, 1948.
7. Kardelj E. Problemi naše socijalističke izgradnje, t. I. Beograd, 1960.
8. Kardelj E. Naša državna uprava i kontrola. Narodna država, 1946, № 1.
9. Рад.
10. Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957.
11. Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. М., 1919.
12. Виноградов В. А. Ленинские идеи рабочего контроля в действии. М., 1969.
13. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 1982, с. 231, 242, 255, 265, 268.

СЛАВЯНЕ И ПРОТОБОЛГАРЫ В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД (V — VII вв.)

Основание болгарского государства является одним из наиболее значительных событий, определивших ход исторического бытия болгар на протяжении столетий. Это событие — не случайный акт, а результат продолжительных социально-экономических и политических процессов среди славян и протоболгар, развивавшихся задолго до их поселения на Балканском полуострове. В истории этих двух этносов налицо довольно долгий «догосударственный период», характеризующийся возникновением определенных форм социальной организации, и в нем следует искать корни сложившегося к концу VII в. славяно-протоболгарского государства.

Сведения о «догосударственном периоде» южных славян, начиная с 30-х годов VI в., довольно полны благодаря данным, сохранившимся в сочинениях тогдашних византийских писателей. В то время «склавины», как известно, занимали обширную территорию к северу от Дуная, простиравшуюся на восток почти до Днестра, а на запад — до Тиссы. Они населяли, следовательно, большую часть бывшей Скифии (ныне Украины), а также бывшие римские провинции Дакию (ныне Румыния) и Паннонию (ныне Венгрия) [1, с. 92; 2, с. 27].

Из произведений византийских писателей явствует, что в рассматриваемый период жившие к северу от Дуная славяне составляли в целом обособленную этническую общность со своими языком, бытом, правами и религией. Византийцы объединяли их под общим названием «склавины» (*Σκλαβῆνοι*), а занимаемую ими территорию именовали «Склавинией» (*Σκλαβίνια*) [3, с. 293; с. 284]. Эти два термина свидетельствуют об этническом единстве славянского населения по ту сторону Дуная. Политического единства, однако, не существовало. Подобно другим этническим общностям так называемого «варварского мира», южные славяне в рассматриваемый период разделялись на множество племен. Византийские писатели обычно обозначали такие группы славянского населения словом «этнос» (племя). Ряд примеров этого имеется в сочинениях Прокопия Кесарийского, Менандра Протиктора, Феофилакта Симокатты и в «Стратегиконе» Псевдомаврикия. Племенами правили вожди, которые в византийских источниках именовались по-разному — регес (*ῥῆγες*), архонты (*ἄρχοντες*), экзархи (*ἑξάρχοι*), гегемоны (*ἡγεμόνες*). Известны имена нескольких вождей дакийских славян во второй половине VI в. — Даврент, Мусокый, Ардагаст, Пирогаст.

Общественный строй славян в VI в. представлял собой конечную фазу первобытно-родовых отношений, известную как военная демократия. Уже существовало довольно развитое разделение труда, была известна частная собственность на землю, имелось имущественное неравенство. Об этом можно судить как по данным письменных источников, так и по материалам, полученным в результате археологических исследований. Уже выдвинулась влиятельная военно-племенная верхушка, в которую входили

богачейшие представители отдельных родов соответствующего племени и из среды которой избирался вождь племени. Именно эта верхушка стремилась к большим благам и богатству, к укреплению своего экономического и политического господства. Однако в период «военной демократии» еще не существовало необходимых предпосылок для внутренней эксплуатации, т. е. для приобретения богатств и благ руководящими слоями за счет простого населения путем обложения налогами, отягощения повинностями, изъятия у него земель и т. п. Все еще царило относительное «народовластие», о котором упоминается в сочинении Прокопия Кесарийского [5; 4, с. 126], т. е. вооруженные рядовые члены племени и племенная верхушка сообща принимали участие в решении разных вопросов. Все еще отсутствовал аппарат принуждения, который влиятельные в имущественном и политическом отношении слои могли бы использовать в своих интересах, не было сборщиков налогов, как и самих налогов, не существовало постоянных органов правосудия (судов и тюрем). Известно, что при возникновении конфликтов по поводу различных проступков (присвоение чужой вещи, убийство и пр.), дело решалось самосудом с участием потерпевшего рода или отдельной семьи [6, с. 228 и сл.]. Очевидно, что при социальном механизме, в котором не существовало специальных институтов с административными, финансовыми и юридическими прерогативами, не представлялось возможным осуществлять в широких масштабах и организованно эксплуатацию одних членов общества другими, что являлось одной из главных функций государства.

При этом следует отметить, что сами условия, в которых жили славяне на своих землях к северу от Дуная, не представляли особенно широких возможностей, даже при наличии аппарата принуждения, для удовлетворения возраставших потребностей поднявшегося над уровнем простого населения слоя аристократии. Пахотных и плодородных земель было мало, а развитие ремесленного производства все еще не достигло уровня, когда оно было бы в состоянии удовлетворить потребности родовой знати в большей роскоши. В таких условиях взгляды военно-племенной верхушки обращались на чужую территорию, и внешняя экспансия представлялась как единственно возможный путь к удовлетворению ее стремлений. И по-прежнему, как и для других варварских народов, самым соблазнительным объектом нападений оказывалась соседняя Византийская империя. Оттуда славянская аристократия могла получить столь желанные для нее дорогие одежды, оружие, драгоценности и т. п., приобрести больше продуктов, скота, рабов. Эта политика в большей мере соответствовала интересам и руководимых ею славянских воинов, которые также надеялись улучшить свое материальное благосостояние удачными военными набегами. Война и связанные с ней грабежи и обогащение превратились в своего рода «профессию» — явление, присущее «военной демократии» как определенному этапу общественного развития не только славян, но и других племен и племенных общностей в эпоху раннего средневековья.

В столкновениях вторгавшихся из-за Дуная славян с Византией можно выделить хронологически два периода. В первый период, охватывавший события приблизительно с начала царствования императора Юстиниана I (527 г.) до 90-х годов VI в., славяне довольствовались тем, что опустошали захваченные ими поселения и с награбленной добычей (одежда, домашняя утварь, скот, оружие и проч.) возвращались к себе, за Дунай. По известию Прокопия, такие набеги совершались почти каждый год. «С тех пор как Юстиниан взял власть над ромейским государством, — пишет он в своей „Тайной истории“, — в Иллирии и во всей Фракии, начиная с Ионического залива и кончая пригородами Византия, куда входят Эллада и область Херсонес, гунны, склавины и анты ежегодно производили опустошения и творили ужасные дела над жителями» [4, с. 151]. Особенно разорительными были их набеги, как явствует из повествования того же историографа, в 538, 547, 549, 550, 551, 558 гг.¹ Кроме захвата разнообразнейшей добычи, славяне угоняли с собой множество пленников.

¹ О славянских нападениях в первой половине VI в. см. [1, с. 98; 2, с. 34].

Интересно утверждение Прокопия, что во время своих первых набегов на территорию Византии славяне обычно убивали всех, «кто им попадался», но впоследствии стали угонять захваченных ими ромеев в свои земли. Впервые, как отмечает он, это произошло в 549 г. при нападении большого славянского войска на крепость Топир у Эгейского моря [4, с. 135]. Угон пленных за Дунай во второй половине VI в. стал обычным явлением, как следует не только из рассказов Прокопия, но и из сообщений последующих византийских историографов — Агафия, Менандра Протиктора, Феофилакта Симокатты, Псевдомаврикия. Эти пленные служили славянам своего рода «разменной монетой». Некоторых они сразу же продавали соседним племенам или возвращали самим византийцам, получая взамен определенную плату деньгами или натурой. Других оставляли себе, вероятно, в качестве слуг или сельскохозяйственных рабочих. Как отмечает уже Псевдомаврикий в своем «Стратегиконе», славяне «не держали в рабстве своих пленных неопределенное время, как это делали другие племена, а устанавливали им некий срок и предоставляли самим решать, хотят ли они вернуться домой за определенный выкуп или же остаться, но уже свободными людьми и друзьями» [4, с. 281; 7; 8, с. 130].

Набеги славян в пределы Византии продолжались с неослабевающей силой и при преемниках императора Юстиниана I во второй половине VI в. На земли к югу от Дуная нападали как «дакийские» славяне, так и славяне из Паннонии, выступавшие в тот период в качестве подданных аварского хагана и проводившие его политику. Постепенно начинался второй этап столкновений империи с «варварами» — этап прочного заселения ими балканских земель. Награбленная добыча уже не удовлетворяла ни славянскую военно-племенную верхушку, ни рядовых членов племени. Отсутствие достаточного количества плодородных земель, составлявших основу жизнедеятельности оседлого населения, заставляло славян выискивать места для новых поселений. В этом смысле Византийская империя с ее богатыми балканскими территориями была для славян самым заманчивым из возможных объектов колонизации.

Особенно неудержимым стал славянский натиск в начале VII в. после безуспешной попытки императора Маврикия перенести военные действия на север от Дуная и после свержения его с престола (602 г.). Примерно за полвека, как явствует из письменных источников и как подтверждается археологическими исследованиями поселений и некрополей, славянские племена заняли почти весь Балканский полуостров. Уже определенно выяснено, что в тот период они разделялись на две большие группы, условно называемые болгарской и сербохорватской. Славяне болгарской группы заняли, как известно, провинции Малую Скифию (ныне Добруджа), Верхнюю и Нижнюю Мизию (т. е. Северную Болгарию между Дунаем и Стара-Планиной от Черного моря до Тимока). Они поселились и во Фракии, вплоть до берега Эгейского моря и близ византийской столицы Константинополя, заселили всю Македонию и отдельные области в Северной, Средней и Южной Греции. Известны названия нескольких славянских племен болгарской группы — тимочане (в области Тимока), драговиты (под Костуром и Салониками), берзиты (близ нынешних городов Велес, Прилеп, Битоль), стримонцы (в бассейне реки Струма), сагудаты (поблизости от Салоник, к востоку от драговитов), ринхины (на полуострове Халкидика, вдоль берега Орфанского залива), смоляне (в южных Родопах, вдоль Месты), ваюниты (в южном Эпире), велегезиты (в Фессалии), озерцы («эзериты») и милинги (на Пелопоннесе) [9; 2, с. 42]. Из племен, населявших нынешние северо-восточные земли Болгарии, известно только племя северов, поселившееся в провинции Малой Скифии.

Захват обширных областей Балканского полуострова повлек за собой серьезные изменения социальной структуры славянских племен. Умножила свои богатства в первую очередь военно-племенная верхушка, в чьи руки попала львиная доля добычи — рабы, оружие, скот, драгоценности. Надо думать, что она завладела и самыми плодородными землями на захваченной территории. В результате расселения славян на территории империи резко усилился процесс имущественно-социального расслоения

и классообразования. А это, по существу, ускорило формирование государственной организации.

Другое весьма существенное последствие разыгравшихся в рассматриваемый период событий заключалось в том, что славяне не только стали владеть новыми территориями, но и получили власть над обитавшим там населением. Хотя во время нашествия часть населения погибла, часть разбежалась по другим областям, все же немало людей осталось в своих родных местах, где застал их завоеватель. В частности, в Мизии и Фракии, где осели славяне болгарской группы, основную часть населения, оказавшегося под их властью, составляли фракийцы. Одни из них были романизованы, другие — эллинизированы, а третьи сохраняли свою этническую и культурную самобытность. Между славянами и местными жителями складывались отношения владетелей и подчиненных. Возникла новая, неизвестная прежде в истории южнославянских племен форма подданства, при которой покоренное население обязывалось платить дань. Эта практика возникла еще в ходе заселения славянами Балканского полуострова. Как явствует из сообщения летописца Михаила Сирийского, славяне и авары, вторгшиеся в конце VI в. в Восточную Фракию и занявшие значительную ее территорию, говорили тамошним жителям: «Выходите, сейте и жните, мы возьмем с вас в качестве дани лишь половину»². Несомненно, на таких условиях дань взималась и впоследствии, когда славянские племена захватили уже почти весь Балканский полуостров и подчинили своей власти многие поселения вместе с их обитателями.

Возникшие в результате завоевания славянами балканских земель отношения господства и подчинения неизбежно вели к существенным изменениям социального механизма славянского общества. Элемент принуждения, сравнительно слабый в условиях родоплеменного строя, стал теперь необходим. Завоевателям, сломившим сопротивление Византийской империи и отнявшим у нее обширные территории, надо было утвердить свою власть над местным населением, заставить его выплачивать установленную дань, нести определенные повинности, участвовать вместе с ними в защите занятой земли от Византии и т. д. В этих целях родоплеменные порядки, принесенные славянами, следовало перестроить и развить примерно так же, как они были изменены у германских племен, завладевших несколькими веками раньше землями Римской империи. Органы родоплеменной организации должны были усилить свою власть, расширить свои функции, превратиться в постоянный аппарат управления. А это также означало шаг к образованию государства.

Процесс, стимулировавший становление государства у славян, обуславливался и другим обстоятельством — опасностью, грозившей извне и, прежде всего, со стороны Византийской империи, не примирившейся с потерями на Балканском полуострове и стремившейся вернуть себе захваченные у нее области. Угроза со стороны Византии вынуждала славянские племена, поселившиеся в ее бывших владениях, объединяться в союзы, образовать племенные объединения. Целью этих племенных союзов являлась прежде всего защита от византийцев и, по возможности, захват новых земель у империи. Союз с наступательными целями возник (как известно из «Чудес Димитрия Солунского») к 20-м годам VII в. среди болгарских славян в Македонии, Эпире и Фессалии. В союз входило, по словам автора жития, великое множество драговитов, велегезитов, берзитов и других племен [2, с. 40]. Задача состояла в захвате Салоник и поселении части славян в этом большом укрепленном городе, представлявшем собой в то время изолированный центр среди славянского моря. С этой целью, как гласит дальнейшее повествование, славяне «вели за собой домочадцев вместе с пожитками и предполагали, заняв город, поселиться там». Задуманную таким образом военную операцию возглавлял общий предводитель по имени Хацон. Вначале нападение было успешным, но затем славяне были разгромлены, и Салоники избавились от грозившей им опасности.

² Ср. соответствующий пассаж в издании Н. В. Пигулевской [10, с. 141; 6, с. 68].

Новое объединение болгарских славян в Македонии для борьбы против Византии образовалось во второй половине VII в. Его инициатором, как можно заключить из соответствующего рассказа в «Чудесах Димитрия Солунского», был вождь племени ринхинов (в бассейне нижнего течения Струмы), но его планы были раскрыты, и он был казнен [2, с. 41]. Вскоре после этого совместные действия предприняли стримонцы, ринхины и сагудаты, которые во главе со своими вождями направились к Салоникам и осадили город. Относительно хронологии событий существуют разногласия, но вероятнее всего это произошло в 675 или 676 гг. [41]³. В их поддержку выступили и князья друговитов, которые также решили участвовать в завоевании города. Из повествования автора жития явствует, что нападавшие располагали усовершенствованными осадными машинами, хорошей боевой техникой и овладели необходимыми навыками для ее изготовления — доказательство общего роста производительных сил у славянских племен в рассматриваемый период. А это свидетельствует и о возросших возможностях для более организованных и устойчивых форм управления. Однако племенная разобщенность все еще была слишком сильна, что, в конечном итоге, не позволило славянам добиться своей цели. Первоначальное единство между вступившими в соглашение вождями было нарушено, стримонцы отказались от дальнейшего участия в походе и возвратились на свои земли. В свою очередь, велегезиты Фессалии не только не примкнули к общему союзу, но согласились за плату снабжать жителей Салоник продовольствием. В результате всего этого, несмотря на первоначальные успехи, задуманное предприятие сорвалось, и нависшая над Салониками опасность и на этот раз была отведена.

Тенденции к образованию племенных союзов имелись не только среди славян в Македонии, но также и среди славян в Мизии. Хорошо известен из сведений летописца Феофана племенной союз, возникший, вероятно, во второй половине VII в. на землях к северу от Стара-Планины, в который вступили восемь славянских племен [2, с. 95; 13]. Все еще существуют разногласия относительно числа племен, а также размера занимаемой ими территории. С уверенностью можно утверждать, однако, что это было весьма сильное племенное объединение, созданное главным образом в целях защиты от Византийской империи и Аварского хаганата. В период намечившихся, таким образом, тенденций к постоянному сплочению славянских племен и переходу их к более устойчивой форме общественно-политической организации на Балканском полуострове появились протоболгары — событие, положившее начало общему для обоих народов славяно-протоболгарскому государству.

В IV—VI вв. протоболгары, вместе с другими этническими группами, населяли область к северу от Кавказа. В то время у них господствовало родоплеменное устройство. Основной социальной единицей был род, а несколько родов образовывали племя. Подобно славянам, протоболгары разделялись на множество племен, живших по соседству друг с другом. Из источников V—VII вв. известны наименования ряда протоболгарских племен — вхндур-булгар, кутригуры, котраги, утигуры, оногуры, оногондуры, купи-булгар, кучи-булгар, чдар-булгар. Как видно, к специфическому наименованию соответствующего племени порой добавлялось имя «булгар». Наименование «булгар» (в византийских источниках — βούλγαρος, в западных — очевидно, Bulgari) являлось обобщающим этнонимом для всей племенной массы протоболгар так же, как «славяне» было обобщающим этнонимом племенной общности южных славян [14, с. 1; 1, с. 110].

Как у славян, так и у болгар во главе каждого племени стоял вождь. Его тюркско-болгарское наименование — хан, а в византийских источниках он упоминается под обозначениями «рекс», «архонт», «гегемон» и др. Из конкретной истории протоболгарского этноса в IV—VI вв. известны имена — Ванд, Сиион, Бузан, Хиниалон, Сандилх, Заберган, а в VII в. — Кубрат, Аспурах, Алчек, Кубер и др. Такое многовластие у протоболгар

³ Согласно А. Бурмову, осада имела место в 645—647 гг. [12, с. 202].

производило впечатление на византийских писателей и особо было отмечено в сочинении Прокопия, который писал, что «эти варвары имели многочисленных вождей» [4, с. 150].

Родоплеменной строй протоболгар был тесно связан с военной организацией. Во время войн отдельные роды и племена продолжали жить обособленной жизнью вплоть до вступления в бой. Непосредственное свидетельство тому имеется в «Стратегиконе» Псевдомаврикия, описывающего приемы войны у тюркских народов, к которым относились и протоболгары. «Эти народы, — пишет он, — располагают свои войска не в укрепленном стане, как делают это персы и ромеи, но до дня сражения они рассеяны по родам и племенам и постоянно пасут свои стада и зимой и летом» [4, с. 279; 15].

Несмотря на политическую раздробленность в условиях родоплеменного строя, протоболгары обладали сознанием своего этнического единства и существующей между отдельными племенами языковой и культурно-бытовой общности.

Об оседлости как характерной черте протоболгарской этнической общности, независимо от все еще имевшего место кочевничества, можно судить по «Церковной истории» Захарии Ритора. В ней содержится перечень народов, тринадцати по счету, населявших область Северного Предкавказья. В их числе упоминаются и протоболгары, именуемые «булгарами» [10, с. 81]. Сведения Захарии Ритора подтверждаются и проведенными в последнее время археологическими исследованиями жизни поселений на занимавшейся протоболгарами обширной территории южнорусских земель в VI—VII вв. Установлено наличие больших каменных городищ и крепостей в низовьях Дона и городах Фанагория, Таматарха, Керчь, Саркел и др. [16].

В отличие от славян, которые даже при самом неблагоприятном развитии военно-политической обстановки сохранили свою территориальную обособленность и поселились на Балканском полуострове компактной этнической массой, территориальное единство протоболгарского этноса, начиная с конца IV в., неоднократно нарушалось в результате различных нашествий и завоеваний. Часть протоболгарских племен, как известно, была угнана гуннами при их переходе через южнорусские степи и вошла в созданный в начале V в. гуннский племенной союз в провинции Паннония (ныне Венгрия). Второе значительное территориальное раздробление протоболгар произошло к середине VI в. в результате нашествия аваров. Снова часть протоболгар (главным образом, из племенной общности кутригуров) была угнана далеко на запад и впоследствии влилась в состав возникшего в 567 г. в Паннонии Аварского Хаганата [17]. Это были так называемые «паннонские» протоболгары, историческая судьба которых была особой, отличной от судеб оставшихся в Причерноморских степях протоболгарских племен. В то же время, когда кутригуры попали под власть аваров, протоболгары были разгромлены западными тюрками (тюркутами), покоровшими их и включившими в свой племенной союз. Господство тюркутов продлилось до 30-х годов VII в., после чего освободившиеся от чуждого ига протоболгарские племена образовали сильный племенной союз, в источниках получивший наименование «Древняя Великая Болгария».

Территориальная разобщенность протоболгарских племен повлекла за собой и другое весьма важное последствие — они вступили в контакты с разнообразнейшими этническими группами, и это обстоятельство заметно отразилось на ходе всего их исторического развития. Особого внимания заслуживает тот факт, что в результате совершавшихся миграций протоболгары завязали в нескольких областях тесные связи со славянами. Долговременные контакты между двумя этническими группами установились и на территории к северу и северо-востоку от нижнего течения Дуная, в бассейнах Прута, Днестра и Днепра, т. е. на территории нынешней Молдавии и части территории Украины. Прямые свидетельства этого обнаруживаются в сочинениях Прокопия Кесарийского и Иордана (середина VI в.), а дополнительный вещественный материал дали проводившиеся

в последние годы археологические изыскания [18]. Территориальная близость славян и протоболгар в Паннонии, а также в обширной области низовий Дуная и долинах Днестра и Днепра, оказалась благоприятной предпосылкой для известного ознакомления и сближения двух этносов, что сыграло определенную роль в их дальнейшей судьбе и, в частности, в сравнительно быстром оформлении общего славяно-протоболгарского государства.

Анализ социально-экономической структуры протоболгарских племен в рассматриваемый период (IV—VI вв.) свидетельствует, что в их среде, как и у славян, происходил процесс разложения родоплеменного устройства. Все более четко выделялась богатством и влиянием родоплеменная верхушка во главе с ханом и его приближенными — боилами и багаинами. На передний план выдвигались отдельные роды, образующие в совокупности племенную аристократию. Таковыми являлись, например, роды Дуло, Угаин, Кубиар, Чакарар, Эрми и др., о которых упоминается в «Именном списке» болгарских ханов, а также в некоторых надписях на камне IX в. [19],

Наряду со светской родовой аристократией ведущую роль играло также жреческо-шаманское сословие. Оно следило за «чистотой» отцовской веры и было готово в случае ее нарушения устранить самого хана. Жречество вообще было весьма могущественным у тюркских народов, и в этом отношении они резко отличались от славян.

Преобладающую массу протоболгарского населения составляли крестьяне, занимавшиеся в основном скотоводством и, отчасти, земледелием и ремеслами. Наряду со свободными жителями имелось и некоторое количество рабов, главным образом военнопленных [8, с. 133]. Обычно их возвращали обратно на родину за выкуп, но иногда они надолго оставались у своих господ в качестве домашней прислуги, пастухов и т. п. Больше всего рабов было, разумеется, у военно-племенной верхушки. Вероятно, труд рабов использовался и при строительстве больших крепостей.

Как у славян, так и у протоболгар догосударственный период характеризуется не только усиленными процессами социально-экономического расслоения, но и постоянными набегами и военными действиями. В этом в истории обоих этносов есть очевидное сходство, которое объясняется одинаковым в основном уровнем их общественного и политического развития. Как и славянская, протоболгарская племенная аристократия стремилась к умножению своего имущества и укреплению власти, добываясь этого главным образом путем опустошительных набегов. И для нее война была своего рода «профессией», предоставлявшей благоприятные возможности для наживы. Для протоболгар также самым многообещающим объектом набегов была Византийская империя, сулившая огромную добычу — оружие, скот, драгоценности, рабов. При отсутствии организованного аппарата принуждения внутренняя эксплуатация в протоболгарском обществе, равно как и в славянском, была сравнительно слабой. Притом она не давала возможности удовлетворять потребности хана и господствующей знати в предметах роскоши ввиду все еще низкого уровня производительных сил.

Подобно славянам, протоболгары в своих набегах не только занимались грабежом, но и угоняли рабов. В «Тайной истории» Прокопий отмечает, что почти после каждого нападения антов, склавинов и гуннов (протоболгар), «число убитых и уведённых в рабство ромеев превышало двести тысяч человек, так что эти земли, естественно, походили на скифскую пустыню» [4, с. 151]. Это сообщение, несмотря на явно преувеличенную цифру, показывает, что удары, которым подвергалась Византийская империя, были для нее действительно весьма ощутимыми.

Нашествия протоболгар, совершавшиеся на протяжении примерно полутора веков, оказали значительное влияние на их общественно-экономическое развитие. Усилилось имущественное и социальное расслоение среди протоболгарских племен, умножились богатства родоплеменной знати, захватывавшей львиную долю добычи. Увеличивалась боевая опас-

ность наступательных операций протоболгарских воинов, притом против такого сильного противника, как Византийская империя. Все это создало предпосылки для ускорения процесса разложения родоплеменного строя у протоболгар и перехода к более устойчивым и организованным формам политической жизни. В данном случае последствия протоболгарских нападений и славянских нашествий на территорию Византии полностью совпали.

Непосредственно перед образованием Болгарского государства как некий промежуточный тип политической организации в Северном Причерноморье возникла «Древняя Великая Болгария» во главе с ханом Кубратом [2, с. 69]. Объединившая в своем составе несколько протоболгарских племен (уногондуrow, котрагов, купи-булгар, чдар-булгар и др.) и охватившая территорию в южнорусских степях до берегов Черного и Азовского морей, «Древняя Великая Болгария», бесспорно, свидетельствовала о весьма серьезной попытке протоболгарского этноса сплотиться политически и утвердить свое самостоятельное существование, которому не раз угрожали многие враги. Это племенное объединение возглавил общий владетель — хан Кубрат, намеревавшийся передать после своей смерти управление сыновьям, т. е. установить на практике наследственный принцип власти. Очевидно, однако, что это стремление выходило за рамки племенных традиций выбора вождя. Наряду с многочисленными сильными, укрепленными городами, был отстроен столичный центр объединения — Фанагория. Хотя в созданный под руководством Кубрата союз входило много разных племен, уже в то время объединение получило общее наименование — Болгария. Все эти элементы политической системы следует расценивать как высшую стадию развития у протоболгар элементов государственности в период до их поселения на Балканском полуострове. Племенное начало, однако, все еще было слишком сильным, а внутренняя спайка — недостаточно прочной, чем и объясняется сравнительно быстрый распад «Древней Великой Болгарии» под ударами хазар.

То, чего не удалось добиться ни славянам, ни протоболгарам путем племенных объединений, было достигнуто в 680/681 гг. в результате соглашения между Аспарухом и вождями восьми славянских племен в Мизии и победного окончания войны с Византийской империей. Сложилась устойчивая общественно-политическая организация, которая сплотила два этноса в единое целое и обладала чертами государства. Во-первых, над всей территорией страны установилась прочная власть протоболгарского хана, именуемого владетелем Болгарии (*χρῆσις βουλγρίας*)⁴ — так он обозначен в современных византийских источниках. Во-вторых, появился специальный аппарат гражданских и военных сановников, выходцев из кругов преимущественно протоболгарской знати, выполнявших функции разного характера — поддержание внутреннего порядка, сбор налогов, наложение наказаний, защита границ, организация военных походов и пр. Высшие органы административной власти возглавляли кавхан, ичиргу боил, тарканы и др. [6, с. 80]. Наличие специального административного аппарата в структуре общества, как известно, является одним из основных признаков, свидетельствующих о существовании государства. Речь шла уже не об обычном племенном устройстве, а о хорошо организованном механизме управления, имевшем возможность руководить и принуждать.

Основанное в 680/681 гг. государство известно под наименованием «Болгария». Название восходило по традиции к «Древней Великой Болгарии» и свидетельствовало о важной роли протоболгар Аспаруха в создании и утверждении нового государства. Оно имело и свою столицу — Плиску, которая начала быстро развиваться как военный и административный центр. Существовали и четкие, бдительно охраняемые границы. Имелись в Болгарском государстве и многочисленные рядовые подданные — славяне и протоболгары, а также местные жители, оставшиеся на местах своего прежнего поселения.

⁴ Так назвал византийский летописец Феофан хана Тервеля [20].

Обозрение событий, связанных с историей славянского и протоболгарского этносов в так называемый «догосударственный период» (V — VII вв.) и в первые два века после основания славяно-болгарского государства (VII—IX) позволяет сделать следующие важные заключения. Очевидно, социально-экономическое, политическое и этнокультурное развитие и славян и протоболгар до образования государства, несмотря на некоторые различия, протекало в целом в почти одинаковых направлениях. И для славян и для протоболгар была характерна племенная разобщенность с присущим ей многовластием, что производило особое впечатление на византийских писателей, живших в условиях самодержавного режима Византийской империи. Вероятно, в то же время, что и у славян, у протоболгарских племен, несмотря на их политическую разобщенность, существовало ясное представление о своем этническом единстве, общности происхождения, языка, нравов, быта.

Для социально-экономической структуры и славян и протоболгар в «догосударственный период» был характерен далеко зашедший процесс разложения родоплеменного устройства, связанный с усиливавшимся имущественным расслоением и обособлением богатой и влиятельной военно-племенной верхушки. В условиях все еще слабого развития производительных сил, недостаточно развитого аппарата принуждения, при сохранении относительного равенства членов племени в общественной жизни, когда эксплуатация внутри общества еще не играла существенной роли, социальная активность и славянской и протоболгарской племенной верхушки направлялась в основном на военную экспансию. Военные походы, нашествия и грабежи стали своего рода постоянным занятием вооруженных мужчин племени. Основным объектом нападений оказалась при этом Византийская империя. Многочисленные походы славян и протоболгар на ее земли к югу от Дуная начались примерно с конца V в. и продолжались, нарастая, в последующее столетие. Результатом этих нападений явилось ускорение процесса имущественно-классового расслоения в славянском и соответственно в протоболгарском обществе, что, в свою очередь, усиливало необходимость в создании более устойчивых форм политической организации, т. е. государства. Способствовало этому и то обстоятельство, что, вступив на Балканский полуостров, и славяне и протоболгары вынуждены были искать путь к сплочению для общей борьбы с сильными противниками — византийцами, хазарами и аварами. Надо было также утвердить свою власть над местным балканским населением, сделать его своими подданными и налогоплательщиками. Так, в силу совокупности предпосылок социально-экономического и политического характера, встреча славян и протоболгар на балканских землях имела решающее значение для преодоления племенной розни, сопровождавшей развитие обоих этносов в предшествующую эпоху. Все это привело в 680/681 гг. к созданию устойчивого военно-административного организма — общего славяно-протоболгарского государства, что означало конец «догосударственного периода». Открылась новая страница в общественно-экономическом, политическом, этническом и культурном развитии обоих этносов, прочно объединившихся на одной и той же территории и под одной и той же властью.

Традиции и институты, связанные с «догосударственным периодом», не могли исчезнуть сразу. Они продолжали свое существование в «Славиниях» — типичных славянских этнотерриториальных и этнополитических единицах времен родоплеменного строя [1, с. 147; 21; 22]. Наличие этих традиций и институтов придавало особый характер политико-административной структуре Болгарского государства на протяжении примерно полутора веков после его основания. Оно представляло собой своего рода «союз» протоболгар и славян, или, точнее, союз между ханом и вождями отдельных славянских племен. Постепенно, однако, существовавший административный дуализм был изжит, и к середине IX в. конституировалось уже вполне централизованное государство, объединявшее население Мизии, Фракии и Македонии и являвшееся одним из главных факторов в процессе формирования единой болгарской народности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ангелов Д.* Образуване на българската народност. София, 1981.
2. История на България. Т. П. София, 1982.
3. Theophylacti Simocattae Historiae. Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887, p. 293.
4. Гръцки извори за българската история. Т. II. София, 1958.
5. Procopii Caesariensis Opera omnia, v. II. Rec. J. Hauray. Lipsiae, 1963; De bellis libri, VII, 14.
6. *Андреев М., Ангелов Д.* История на българската феодална държава и право. София, 1972.
7. Mauricius. Arta Militara, XI, 4. Ed. N. Michăescu. București, 1970.
8. *Ангелов Д.* Робството в средновековна България.— Исторически преглед, 1945—1946, № 2.
9. *Ангелов Д.* История на Византия. Т. I. София, 1976, с. 185.
10. *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941.
11. *Барший Ф.* Чуда Димитрија Солунског као историски извори. Београд, 1953, с. 11
12. *Бурмов А.* Славянските нападения в «Чудесата на Димитър Солунски» и тяхната хронология.— Год. на Соф. университет, философ.-ист. фак. Т. XI, кн. 2. София, 1952, с. 202.
13. *Петров П.* Образуване на българската държава. София, 1981, с. 87.
14. *Бурмов А.* Въпроси из историята на прабългарите.— Год. на Соф. универ., философ.-ист. фак. Т. XI, кн. 2, 1948, с. 1.
15. *Гюзелев В.* Икономическо развитие, социална структура и форми на социална и политическа организация у прабългарите до образуването на българската държава (IV—VII вв.).— Археология, 1979, кв. 4.
16. *Плетнева А. В.* От кочевий к городам. М., 1967, с. 25.
17. *Артамонов М.* История хазар. М., 1962, с. 111.
18. *Ангелов Д.* Славяни и прабългари до образуването на държавата.— Археология, 1979, кн. 2, с. 20.
19. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. София, 1979, с. 244.
20. Гръцки извори за българската история. Т. III. София, 1960, с. 266.
21. *Литаврин Г. Г.* Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII — первая четверть X в.).— В кн.: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982, с. 51.
22. *Литаврин Г. Г.* Славянии VII—IX вв.— социално-политическите организации славян.— В кн.: Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОЭТИКИ БАРОККО И РОМАНТИЗМА

Историко-культурные эпохи связаны между собой. Их преемственность — это синтез, совершающийся внутри художественных систем, при последовательной смене эпох и в их «перекличке». «Ни один из стилей не является замкнутым и неповторимым, самодовлеющим стилем. Каждый стиль, формируясь, обращается к предшествующим стилям, родственным ему по характеру» [1]. Известно, что романтизм, как вторичный стиль, тяготеет к барокко и к средневековью, и в этом тяготении проявляются усложненные и не лежащие на поверхности историко-культурного процесса связи.

Романтизм декларировал свою соотнесенность с искусством позднего средневековья. «Романтизм истинный — это средние века», «подлинно романтическая поэзия — это поэзия трубадуров». Подобные высказывания часто встречаются в сочинениях немецких, польских и русских романтиков (Л. Тик, А. Мицкевич, В. Ф. Одоевский). Романтики охотно избирают эту эпоху для художественного воспроизведения. Непосредственно предшествовавший век не обладал для них такой притягательной силой.

Искусство средневековья и барокко входят, по определению С. С. Аверинцева, в аристотелевский цикл развития литературы, которая жила под знаком риторики, характеризовалась рационализмом, нормативностью, статичностью жанровой системы [2].

Романтизм начал новую эпоху в истории культуры, объявил борьбу правилам, провозгласил господство чувства, освобождение от риторики. В новаторстве романтизма, при этом, есть нечто, противопоставляющее его классицизму (это противопоставление более всего занимало как самих носителей двух разных типов отношения к миру и к искусству, так и исследователей) и в то же время тесно сближающее с барокко. Происходит это потому, что барокко — это эпоха, которая своим доминирующим принципом избрала антитезу [3].

Антитеза лежит в основе барочной поэтики. Барокко давало художнику свободу и сдерживало его правилами. Содержание барочного произведения всегда может быть описано как набор антитез. Темный стиль и простой обязательно соседствовали. Комическое неразрывными нитями было связано с трагическим. Реальная деталь сопутствовала абстрактной аллегории. Все эти противостоящие особенности находились в динамическом соответствии и своим существованием и значением были обязаны одна другой. Вне противопоставления они теряли свою «барочность» и совпадали с другими признаками других художественных систем.

Из этого диалектического единства выделился и развился комплекс черт стиля, названного эпохой классицизма. Он взаимодействовал с барокко, порождая смешанные художественные формы. Как и барокко, он подчинялся законам риторики, выдвигал на первый план общее, а не особенное; произведения классицизма строились по законам синтезирующей поэтики.

Продолжая барокко, классицизм как бы «вытнул» его прерывистую, запутанную линию. Он сохранил и упрочил его нормативность, но отказался от разрушения и непрерывного взаимодействия канонических форм. Он сохранил ориентацию на план выражения, но предпочел однозначность соответствия знака и значения, а не неоднозначность, столь типичную для барокко.

При переходе от барокко к классицизму не произошло «скачка», «рывка» за пределы аристотелевской системы. Представители классицизма сохранили многие художественные принципы барокко, но только однородные по содержанию. Противопоставленные им они оставили в стороне. Сделав такой выбор, классицисты создали принципиально непротиворечивую систему, превратили прежние причудливые художественные формы в стройную логически завершённую систему. Только одна часть художественной системы барокко, притом вне оппозиции, продолжала развиваться в классицизме.

Классицисты отторгнули другую линию барокко, неразрывно связанную и переплетающуюся с ими избранной. Эта линия предполагала иное положение художника, иное отношение к тексту. Именно она в свое время определила новаторский характер барокко и могла бы его вывести за пределы аристотелевского ряда, но не сделала этого. Но непреложные законы рационального и риторического искусства были все-таки поколеблены. Занимая свое место в ряду систем «рефлектирующего традиционализма», барокко скрывало в себе огромные возможности подлинного переворота. Оно этот переворот не совершило, но подготовило. Совершал его уже романтизм, восприняв от барокко то наследие, от которого отказался классицизм.

Можно утверждать, что традиционные черты барокко претворились, нашли возможности для развития в классицизме. Новаторские его черты, поставившие барокко особняком в ряду историко-культурных эпох, полностью развились и реализовались в романтизме.

Схождения барокко и романтизма позволили многим чертам барокко проявляться еще в начале XIX в. Все романтики поклонялись Шекспиру и Рембрандту. «Приготовительная школа эстетики» Жан-Поля, содержащая многие программные положения новой поэтики, во многом близка по характеру к барочным энциклопедиям. Как мастер барокко, он играет смыслами, видит мир как «одичавший каталог», часто обращается к языку эмблемы [4]. Барочные мотивы присущи и другим немецким романтикам.

То же можно сказать и о драматической поэме «Дядя» А. Мицкевича; прекрасно чувствовал близость барочной литературы к романтизму Ю. Словацкий. Поздний романтик Я. Матейко писал полотна, заставляющие вспомнить поэтику барокко. В его творчестве как бы смыкались две великие художественные системы — барокко и романтизм [5]. Сады романтизма, важнейшая область архитектуры XIX в., воскресили барочную обманную перспективу, лабиринты, живописность [6]. Сближение этих двух художественных систем обеспечивалось их типологическим сходством.

Вымысел в поэтике барокко, хотя она и декларировала принцип подражания природе, занимал большое место. Художник имел право на фантазию, добивался правдоподобия, а не правды. Он не копировал действительность, и если преображал ее, то не в угоду дидактическим целям (ср. идеальные характеры классицистской комедии). Он создавал свой мир, что ему разрешали законы его искусства. Непременным условием его преобразования была идея о существовании мира высших значений. Принципы подражания и вымысла, взаимодействуя, противоборствовали. Первый усвоили и завершили во всей полноте классицисты, второй наследовали романтики.

Романтик, как и художник барокко, обязательно выдумывает, создает свои миры, а не подражает действительности. Он может перемещать их во времени, населять созданиями своего воображения. Он имеет право придумывать, только смысл его «выдумок» должен быть правдивым и жизненным. Не «внешним, случайным» обликам он придает первостепенное

значение, а их скрытому, но великому смыслу [7]. Он «духовно» подражает природе. «Внешняя природа становится каждый раз иной, преломляясь во внутренней, и отсюда это пресуществление хлеба в божественную плоть есть духовный поэтический материал...» [4, с. 75]. Поэт, по словам Мицкевича, создавая вымысел, открывает идеал, возвращает изображаемому его подлинную сущность, форму, которую оно могло бы и должно было бы иметь на земле.

Романтическая и барочная картины мира построены сходно. Двоемирие, мир внешний и мир внутренний, известно и барокко и романтизму. Мастер барокко неустанно открывал смысл окружающего мира. Стремился к его познанию и романтик. На противопоставлении и стяжении их водно строится драматическая поэма А. Мицкевича «Дядя». З. Красинский утверждал, что природа — это иносказательное отражение мира духов. Как и мастер барокко, романтик верит в невидимый мир, превышающий своим значением мир обыденных вещей. Там не встает тяжелое земное солнце, время летит на легких крыльях и царят иные языки [4, с. 71].

Двоемирие проецируется на героя. Романтическая рефлексия, раздвоение героя типологически сходны с барочными кругами аллегорических фигур, изображающих психологическое состояние персонажа или дающих оценку его поступкам, событиям. В «Акте о Калеандре» Целюдору аллегорическая фигура Совесть звонит в колокольчик, предупреждая об опасностях земного пути. Конрад Валленрод, как всякий романтический герой, испытывает муки совести от своего раздвоения.

И в романтизме и в барокко портрет героя условен. Схема внутреннего мира человека, универсальность представлений об отношениях людей между собою и с богом в барокко в какой-то мере сходны с романтическими. Романтический персонаж также никогда не бывает списан с природы, а дан в кругу универсальных проблем бытия, очищен от примесей реальной жизни. Если они и есть, то тщательно отобраны и преображаются в символы.

Строение мира в представлениях романтика и художника барокко принципиально разрешает тему двойничества. Всякий персонаж может иметь не только своего антипода, но и двойника. Им бывает близнец. В «Акте о Калеандре» Калеандр имеет брата-близнеца Алкабеля, его возлюбленная Неонида — брата-близнеца Эдомира. Герои раздваиваются, переодеваясь в чужие одежды, принимая чужие имена, запутывая действие, превращая аргументы драмы в клубок Ариадны. Двойничество играет сюжетобразующую роль и в романтической литературе, как в «Эликсирах сатаны» Э. Т. А. Гофмана. Отсюда в барокко и романтизме столь значимы мотивы тени, духа, зеркала.

Картина мира барокко и романтизма предлагает воспринимать человека как микрокосм, повторяющий в своем строении макрокосм вселенной. Эта идея звучит в «Дзядях» А. Мицкевича, в трудах М. Мохнацкого. Обязательна она в барочной лирике.

Идея о том, что все в мире взаимосвязано, присуща и барокко и романтизму. «Цель жизни» романтиков и соотносимость всех элементов мира, «симпатия» между ними в представлениях XVII в., сопоставимы.

В этой цепи, связи всех вещей внимание и романтика и мастера барокко концентрируется на явлениях несходных, противоречивых. Для барокко непротиворечивого мира не существует. Каждый его элемент, кроме того, противоречив изнутри. В этом можно видеть зерно будущей романтической диалектики. Будучи противоречивым сам по себе, любой элемент мира включается в бесконечные ряды оппозиций по любым признакам. Члены оппозиций легко меняются местами. Б. Грасиан, говоря о работе поэта со словом и слогами, неслучайно употребляет глагол «тасовать». Он знает, что поэту ничего не стоит не только поменять местами слоги, но и заменить существительное глаголом. Противоречие усматривается и высоко ценится в явлениях и причинах, его вызвавших, в явлениях и его атрибутах, в соотношении субъекта и действия, которое он совершает. Поэтика барокко знала остроумие идей, остроумие словесное и остроумие действия [8, с. 177—178]. Более всего оно проявилось в концепте, фигуре, где

гармонически сочетаются далеко отстоящие друг от друга понятия, часто противоположные.

В романтизме система противоречий также имеет огромное значение, но не имеет такого радиуса действия. Ее очертания несколько размыты, не так строго определены, как в барокко. Поэты романтизма используют контраст, но чаще всего — на уровне содержания. Конечно противопоставит бесконечному. Юмор унижает великое, чтобы рядом с ним поставить малое и возвысить его (Жан-Поль). Многие из романтических контрастов были знакомы барокко. Таков контраст внутреннего и внешнего: зерна и шелухи, ядра и скорлупы, из более возвышенных явлений окружающего мира — вулкана. А. Мицкевич писал: «Z wierzchu zimna i twarda, sucha i plugawa, Lecz wewnątrz ognia sto lat nie wyziębi» («Dziady», cz. III, sc. VIII). Часто повторяющееся противопоставление жизни и смерти в поэзии XIX в. (ср. «Книги жизни и смерти» С. Гоциньского) — ведущее в культуре барокко. Молодость и старость — обязательное противопоставление романтиков (ср. «Ода к молодости» А. Мицкевича), часто разрабатывалось в барокко. Описывая мир в противоречиях — противопоставляя новому старое, смешное — трагическому, романтизм диалектичен. Меняя местами понятия и оценки, романтики не только играют, как мастера барокко. Кстати, их игра тоже имела глубокий философский смысл. Она свидетельствовала о взаимозаменяемости всего сущего, о взаимозависимости всех элементов мира. Известная триада: тезис — антитезис — синтез — это не только философские категории, это категории историко-культурные. «В основе романтической картины мира лежит принцип антиномии и иррационального противоречия», что сближает его с противоречивым барокко [9].

Описывая мир в его противоречиях, следуя фантазии, вымыслу, и романтики и художники барокко пользовались языком символов. Незначащих деталей в их произведениях не существовало. Их символ — это «не только образ или знак идеи, но действительная жизнь самой идеи... в нем все чувственно и действительно» [10]. Символ барокко не был игрой воображения мастера. В поисках элементов символического языка он обращался к энциклопедиям символов, их реестрам. Символ барокко был задан, но не создан. Одно и то же явление вещного мира могло означать целый ряд абстрактных понятий. Соответственно, одно и то же понятие могло символизировать не один элемент вещного мира. Символ таил в себе загадку, он удивлял своей непонятностью. Читатель был обязан его разгадать, и это разгадывание было интеллектуальным процессом, требовавшим определенных знаний. Неясности, расплывчатости поэтика барокко не признавала. Читателю предлагался веер значений, и каждое из значений было точным. Определив эти значения, в чем ему помогали те же энциклопедии, что и создателям символов, читатель (зритель) знал, что его эстетические и интеллектуальные задачи решены. Символ барокко был символом-знаком, который условно определял некую абстрактную категорию.

Символ романтизма был преднамеренно неопределен, неясен, зыбок. Он предельно выражал мироощущение романтиков, предпочитавших точности, ясности очертаний неопределенность. Символ романтизма «мерцал», «дрожал», не договаривал. Символом поэт должен был намекать «на смысл того, что скрывается за его образами. Пускай он вводит нас постепенно от твердой почвы ясного в царство провидения и мечты. Можно дать почувствовать благоухание почки — цветок все равно останется нежной тайной» [11]. Реестров романтических символов не существовало, они создавались поэтом. По словам А. Ф. Лосева, символ был порождающим принципом романтизма. Он указывал на бесконечность и глубину смысла, на обобщенное и в то же время неопределенное значение, как сказал бы романтик, на то, чему нет названия — на все то, что таинственно, безгранично, что можно ощутить, но не воспринять разумом. Большая часть романтических символов черпалась из области природы, вся природа для романтика была символом. Мастер барокко также обращался к природе и даже не гнушался низкими проявлениями жизни, что, по его мнению только возвеличивало идею, ими выражаемую.

Символ романтика обращен к чувствам воспринимающего искусство. Символ барокко — к его интеллекту. Символ барокко контрастен по построению: телесное может значить духовное, как в «Эмблемах» Зб. Морптына. В романтизме намечилось движение к согласованности между знаком и значением. Бестелесное означало духовное, а плотское — земное. Символ романтика не обязательно лежал на поверхности произведения. Читатель должен был его услышать, почувствовать и соотнести с произведением в целом. Символ барокко сразу приглашал читателя начать интеллектуальную игру. Романтический символ был неясен не только в своем значении, но и неоднозначен. Он зависел от контекста, тонко отзывался на свое окружение. Барочный символ не в такой степени был связан со своим контекстом. Он зависел не от текста, а от метатекста культуры.

Символ барокко сближался с аллегорией и всегда ей сопутствовал. Аллегория как явно рационалистическая фигура не признавалась романтиками. Как нечто нежелательное, ими воспринималась и аллегоричность символа, хотя для романтиков произведение оставалось иероглифом, и они снабжали свои картины подписями, приближая их к структуре эмблемы («Капричос» Гойи).

И в романтизме и в барокко символ играл определяющую роль, более того, символ барокко как бы предвещал символ романтизма. Обладая многозначностью, он давал читателю возможность выбора. Романтический символ также не мог быть раскрыт без попыток связать его с абстрактной категорией или с реальным явлением. Обнаружение связи не давало окончательного ответа, так как единственного решения поэтика романтизма не допускала. Таково значение розы в видении Евы в III части «Дзядов» (цветок — богородица — сердце поэта — поэт). Путь построения и раскрытия символа барокко и романтизма был сходен, хотя и не сама его природа.

Романтизм и барокко метафоричны. Для поэта барокко творение мира было метафорой, высшим остроумием. Его поэтика разрешает обнажать механизм построения метафоры, предлагает любоваться ее конструкцией. Романтическая метафора более тщательно скрыта и не обнаруживает немедленно своего устройства, как, например, в романтизме, и в барокко метафора, а не метонимия, как, например, в реализме, — есть средство художественного воспроизведения мира.

Символы и метафоры романтизма не способствовали однозначности, определенности выражения. Эта черта романтизма сходна с темным, преднамеренно неясным стилем барокко. Только в барокко он был призван оживить интеллектуальную работу читателя, а в романтизме — ориентировался на его чувства. Соответственно темный стиль существовал в динамическом противопоставлении со стилем ясным, простым. В барокко неясный смысл, создаваемый темным стилем, мастер должен был раскрыть. Истина может быть «прикрыта и скрыта, а когда мысль раскрыта нелегко, она больше ценится, более заманчива» [8, с. 208]. В романтизме такой задачи перед поэтом не стояло.

Историю культуры романтизм обогатил важным открытием. Он утвердил множественность идеалов красоты. Для него античность перестала быть единственным образцом. И древнеиндийское, и национальное, и искусство соседних народов вызывали не только живой интерес, но и желание по их образцу выстроить новую эстетическую систему [12]. Множественность художественных решений романтизма сопоставима с обязательным их противопоставлением в барокко, для которого единого решения также не существовало.

Это открытие романтизма не только было основой для создания национальной литературы, национального искусства. Оно дало толчок развитию индивидуальных стилей. Отказавшись от правил, унифицировавших творческие устремления, романтики начали создавать «личные» художественные языки. Провозвестником этих языков было барокко. Его великие мастера утверждали, что создать прекрасное произведение можно, только нарушив правила. Романтики также твердо знали, что «произвол поэта не терпит над собой никакого закона». Барокко было «сплошным наруше-

нием всех „правил“ целостности» [13, с. 172]. Романтизм ему в этом наследовал.

Отношение к творчеству в барокко и романтизме во многом было сходным. Поэта рядом с богом ставил и М. К. Сарбевский и другие теоретики искусства. Так высоко оценивалось созидание. Сравнение поэта с богом в романтизме — это также не литературный прием, а часть философии искусства и культуры. Называя бога совершенным поэтом, романтики возвеличивали поэта, разрешали даже богоборчество, как А. Мицкевич в «Дзядях» («Импровизации» Конрада). Как бог поэт создавал мир, имел неограниченную свободу. Художник барокко ощущал себя творцом и в знак своего равенства с богом играл с формой. Каламбуры, анаграммы, ребусы и другие интеллектуальные игры барочной поэзии — это свидетельство равноправия художника с создателем. Поэт барокко создавал открытые формы. Барочный роман был бесконечен, принципиально не ограничен и мог вмещать в себя какое угодно количество новелл-приключений. Писатель не был здесь связан никакими предписаниями. Он манифестировал творческую свободу, о которой также заявлял и романтик, прежде всего в иронии. Она «еще раз подчеркивает бесконечность творческого духа человека, для которого никакая художественная форма не может быть вполне соответствующей и только для того создается, чтобы свободный человеческий дух мог преодолеть ее и подняться над ней» [10, с. 150].

Художник барокко всегда опасался, что его мир останется непонятым. В текст непременно включалась интерпретация изображаемого, и ей придавалось не меньшее значение, чем тому, что изображалось. Романтик смотрел на свое произведение не как на часть жизни, зафиксированную на полотне искусства, а как на выражение некоей идеи. Совершенство формы служило ее раскрытию. Правда, он не стремился выразить ее буквально, но отношение и романтика и художника барокко к идее сходно. В ней видят суть произведения, а на него смотрят как на реализацию идеи: таково отношение А. Мицкевича к «Дзядям», где выражена идея двоemiрия, которой подчиняется весь текст; Ст. Г. Любомирского — к его «Притчам», где мораль подана как более значимый элемент текста, чем все остальные.

Описывая некое явление, делая его предметом художественного изображения, мастер барокко концентрировал внимание не столько на его облике, сколько на отношении к нему. Достаточно вспомнить описания С. Твардовского в его поэме «Прекрасная Пасквалина» или принципы ведения действия в школьной драме, где описание отношений персонажей к событиям всегда занимают большее место, чем изображение самих событий. Во многом сходную позицию занимают романтики. Неслучайно они сделали своим кумиром Шекспира, которого обычно упрекали в неестественности классицисты, а вслед за ними и реалисты, ибо для них в центре внимания был сам предмет, а не аспекты отношения к нему. Не столько чувство, сколько его анализ, отношение к нему сделалось содержанием романтической лирики. В IV части драматической поэмы Мицкевича «Дзяды» Густав описывает свое отношение к возлюбленной, но не ее самое, свое теперешнее отношение к своей любви, но не самую любовь. Таким путем поэт достигает художественного эффекта. Освещение одного предмета, явления с разных сторон, в разных аспектах заставляет его оживать, «переливаясь различными красками», как сказали бы сами романтики.

Подход к изображаемому предмету через отношение к нему, представление его, следовательно, в динамическом состоянии, а не в покое подчиняется тенденции поэтики и барокко и романтизма, — показать мир в движении. Мир, человек, его чувства в барокко никогда не бывают показаны статично. Самый яркий пример — это барочная скульптура и архитектура. Скульптура всегда дает человека в движении; он или бежит, или находится в позе, которую вскоре должна сменить другая. Если он и находится в покое, то очевидно, что он обрел его недавно. Архитектурные памятники барокко нельзя рассматривать с одной точки. Они требуют постоянной смены позиции наблюдателя. «Ни один из объектов не воспринимается отдельно, их членения подчинены непрерывному движению» [13, с. 174]. Недаром изменчивый Протей — символ барочного искусства [14].

Романтик также видел действительность в постоянном движении, отображал изменчивость внутреннего мира человека, в природе воспринимал постоянно меняющиеся картины. Одним из главных завоеваний культуры первой половины XIX в. был исторический взгляд на общество. Оно уже не осмыслилось как раз и навсегда данное и неизменное, но постоянно эволюционировало. В науке о человеке, о мире, об обществе восторжествовали идеи эволюции: все двигалось и было сопрячено бесконечности.

Одним из проявлений этой тенденции к движению был синтез всех видов искусств. Поэтика барокко и романтизма выдвигала идею синтеза и даже ставила во главу угла, но в художественной практике его не достиг ни XVII, ни XIX век. Барокко стремилось к синтезу в театре, сочетая слово, музыку, жест, элементы изобразительного искусства. Поэты добивались его в литературе, придавая поэмам живописность, стиховому ряду — музыкальность. Наибольшего стяжения воедино разных искусств достигли художники и архитекторы — в окказиональном искусстве. В синтезирующих тенденциях барокко огромную роль играет идея о равноправности искусств в системе, игровое начало: одно можно сказать через другое, заменить средства выражения и сделать однородным неоднородное. Неоднократно повторяя одно и то же на разных языках, обращаясь к средствам разных искусств, мастер барокко таким образом пытался высвободить смысл сказанного, усилить его. Возможно это было потому, что все виды искусств были в состоянии передать мир высших значений. Синтез был способом создать метаязык искусств, т. е. такой язык, который свободно заменил бы все частные языки, какими представлялись отдельные виды искусства. Мастера барокко стремились к полной идентификации художественных языков, к универсальному языку, по крайней мере, в теории. Об этом не раз говорил в своих трудах известный во всех школах теоретик А. Поссевин. Помогала объединить искусства в целях создания нового языка и риторика, которой подчинялись все виды искусства: музыка тогда была риторичной [15], в теории живописи функция света и тени сравнивалась с таким разделом риторики, как *elocutio*. В искусстве барокко тенденция к синтезу проявилась прежде всего в метафорике, в эмблематике. В соединении слова и живописи главенствующую роль играла последняя. Молчащая поэзия, говорящая живопись — такими были названия многих сборников гравюр, эмблем.

В XVIII в. невозможность слить все виды искусства стала очевидной. Искусства стремительно расподоблялись, очерчивали свои границы. Только в низших слоях культуры, в народных празднествах, например, тенденция к синтезу искусств давала себя знать.

В начале XIX в. положение вновь изменилось. Романтики охотно делали одно искусство темой другого — художники рисовали певцов и музыкантов, поэты писали о музыке, музыка стала программной. Шли поиски новых художественных средств, и находили их у других видов искусств. Для романтиков «синтез как принцип всеобщего взаимодействия и взаиморастворения является универсальной формой связи и объединения как в природе, так и в культуре» [13, с. 8]. Тенденция к синтезу не была только проявлением заботы о форме. В ней скрывался глубокий философский смысл. Идея о невозможности высказать себя, исчерпать смысл высказывания была присуща всем художникам того времени. Может быть, — считали художники, — преодолеть этот барьер значения и выражения удастся с помощью метаязыка искусства. Под чертами и гаммами «кроется таинственный, почти доселе неизвестный язык — но общий художникам, — без знания которого... нельзя понять ни поэзии вообще, ни какого-либо изящного произведения, ни характера какого-либо поэта» [16]. В романтическом синтезе на первое место выдвигается музыка (ср. высказывание Гегеля о колорите как о музыкальности художника). Среди театральных жанров первое место занимает опера. Оперные декорации оказывают существенное влияние на романтический пейзаж.

Как искусство, синтезирующее в себе разные виды искусств, театр барокко и романтизма имеют много общего. Тема «мир — театр» звучит и в барокко и в романтизме. Барочные актеры выходили не только на теат-

ральную сцену, они играли на *theatrum mundi*. О вечном спектакле времени говорил Жан-Поль. Персонажи барокко и романтизма свободно меняли роли и маски. Увлечение маскарадом и разными театральными играми было свойственно обеим эпохам. Романтический театр возродил мистерию. Их писали Дж. Байрон, Л. Тик, А. Мицкевич, З. Крasiunский. Человеческая жизнь вновь стала проекцией евангельских событий, на сцене появились посланцы неба и ада.

Тенденция к синтезу охватила не только искусства, но и науки. Барочные представления об ученом поэте были близки романтикам. На искусство барокко наука оказала огромное влияние. Архитектура XVII в. была немыслима без математики. Математика оказала влияние на трактовку времени и пространства в изобразительном искусстве. «Книги эпохи барокко ломились от учености. Писатели щеголяли знанием древней истории, мифологии, поэзии, редкими и удивительными сведениями в самых различных областях... Полигисторство было знаменем времени» [17]. Проза воздействовала на научный стиль.

В XIX в. стремление наук и искусств объединяться повторилось, только с удесyатеренной силой. На союз физики, философии, поэзии надеялись романтики, увлеченно изучая теорию электричества, магнетизма, основы аналитической химии. Они полагали, что только в единстве точного знания и интуиции, художественного подхода и теории откроется им истинная картина мира. Синтез наук и искусств вызвал к жизни поэта, который занимался математикой, геологией, физикой, как Новалис, писателя, писавшего музыку и ставившего химические опыты, как В. Ф. Одоевский. А. Мицкевич в своих лекциях по славянской литературе беспрестанно обращается к достижениям современной ему физики. Всем известен и пример Э. Т. А. Гофмана, писателя, композитора, дирижера, подлинного человека театра.

Тенденцией к синтезу науки и искусства в поэтике барокко и романтизма в какой-то мере определяется их отношение к мифу. Отношение барокко к античной мифологии — это отношение к одному из способов выражения; отношение к христианской мифологии — это отношение к содержанию [18]. Художники барокко сталкивали античную и христианскую мифологию, получая таким образом новую форму для старых ценностей, достигая столь любимого ими контраста. Миф для них был неисчерпаемым источником для составления интеллектуальных задач. Романтики создавали свою собственную мифологию, как, например, миф о всемирной любви, о голубом цветке, и в любой религии, в любой мифологии видели скрытую истину. Миф был для них принципом объяснения мира, первичной формой поэзии. В мифологии, кроме поэзии, присутствовали и история, и философия, следовательно, в ней налицо элементы всеобщего синтеза, к которому стремились романтики. Она была символической и потому притягивала к себе романтиков.

Не только к мифологии, но и к фольклору обращались романтики, развивая такое важное направление как фольклоризм. Обращение к народному искусству свойственно и барочной низовой литературе, о чем свидетельствуют народные календари, рыбалтовская драма, совизжалская поэзия [19].

Есть множество частных сходжений этих двух художественных систем, но не менее важных, чем выше названные. Художники барокко и романтизма предпочитали изображать предмет, находящийся в отдалении, рассматривать его на расстоянии. Они принципиально вводили в художественный текст экзотические мотивы. Ориентализм барокко и романтизма, проявлявшийся и в темах поэзии, и в интерьере, и в костюме, — одно из частных проявлений тяги к необычности. Барочная страсть к раритетам, курьезам и любовь романтика ко всему непонятному, таинственному в какой-то мере сходны. Эстетика безобразного, ужасного была знаком и XVII в. и XIX в. Пляски смерти и огромное число призраков, привидений, картины распада, разложения можно встретить в произведениях и барокко и романтизма (ср. барочный натюрморт, на котором часто изображаются отвратительные насекомые и мелкие пресмыкающиеся как симво-

лы известного девиза: *memento mori* и заключительную IX сцену «Дзядов», где некоторые персонажи появляются после смерти).

Мотив *Vanitas*, тема смерти звучит в медитативной лирике барокко, присутствует он в интерьере барочных храмов и в романтических пейзажах, парках. А. Мальчевский написал однажды: «Червяк скрывается в буйных цветах», что напоминает барочные натюрморты.

Барочная тема «жизнь есть сон» возродилась в романтизме. Сон вообще играет в его художественной системе огромную роль. Если в классицизме и в барокко он служил прежде всего предсказаниям, которые предупреждали и определяли развитие действия, то в романтизме сон — это жизнь души героя. Герой романтического произведения часто засыпает, и во сне его посещают мечты, видения. Их изображение служит раскрытию характера героя. Все персонажи «Дзядов» спят почти в каждой ведущей сцене. Спит Конрад/Густав, спит Петр, спит Сенатор. В ночных сновидениях посещают Еву ангелы.

И романтик и мастер барокко владеют искусством гротеска. Гротеск был известен низовому барокко [20]. Он служил созданию комического. Пользуется им А. Мицкевич для создания уничтожающих характеристик представителей зла на земле, а также посланцев ада.

Барокко и романтизм сходны и в плане отношения искусства и общества. Барочные формы, например, театральные, влияли на общественные церемонии. Этикет подчинялся во многом эстетическим задачам. Молодой человек первой трети XIX в. строил свое отношение к миру, во многом исходя из опыта Вертера, героев Байрона. Граница между искусством и действительностью перестала быть непреодолимой. Искусство входило в жизнь и иным путем — путем распространения и «внедрения» художественного опыта. Благодаря школе, которая давала навыки стихотворства, необходимые сведения из области мифологии, эмблематики, в эпоху барокко за перо брались многие. Любительские формы искусства (бесчисленные панегирики, послания, надгробные слова, любовная лирика, шуточные стихотворения) поставлял своему близкому окружению почти всякий получивший образование польский шляхтич. В писательстве было проявление его общей культуры, выполнение норм общения того времени, но вовсе не поиски средств самовыражения. Это началось в XIX в., когда искусству уже не нужно было учиться, им мог овладеть всякий, кто хотел выразить себя. За перо, кисть взялись тогда многие. Домашние формы музицирования были основой, на которой выросли предшественники Шопена. Искусство как жизнь чувства оказалось открытым для нескольких поколений эпохи романтизма.

Можно было бы продолжить ряд сходжений двух великих эпох, но и тех, которые были описаны, достаточно, чтобы утверждать типологическую общность барокко и романтизма, обусловленную также и генетически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 177.
2. Аверинцев С. С. Древнегреческая поэтика и мировая литература. — В кн.: Поэтика древнегреческой литературы. М., 1981, с. 7—8.
3. Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII — первой половины XVIII в. Польша. Украина. Россия. М., 1981, с. 15.
4. Жан-Поль. Приготовительная школа эстетики. М., 1981.
5. Тананаева Л. И. К вопросу о предромантизме в польском изобразительном искусстве. — В кн.: Польский и восточнославянский романтизм. М., 1973, с. 283.
6. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982.
7. Mochnicki M. O literaturze polskiej w wieku dziewiętnastym. Kraków, 1923.
8. Грасиан Б. Остроумие, или Искусство изощренного ума. — Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977.
9. Лотман Ю. М. Риторика. — В кн.: Труды по знаковым системам. Тарту, 1981, вып. 12, с. 15.
10. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. С.-Пб., 1914.
11. Уланд Л. О романтическом. — В кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980, с. 159.
12. Mickiewicz A. Pisma estetyczno-krytyczne. Kraków, 1924, s. 94—113.

13. *Мурина Е. Б.* Проблемы синтеза пространственных искусств. М., 1982.
14. *Karłowicz M.* Sztuka polska XVII wieku. Warszawa, 1975.
15. *Захарова О.* Риторика и западноевропейская музыка XVII — первой половины XVIII в. М., 1983.
16. *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Л., 1975, с. 103.
17. *Морозов А. А.* «Симплициссимус» и его автор. Л., 1984, с. 82.
18. *Софронова Л. А.* Миф и драма барокко в Польше и России.— В кн.: Миф. Фольклор. Литература. Л., 1978.
19. *Мочалова В. В.* Мир наизнанку. Народно-городская литература Польши XVI—XVII вв. М., 1985.
20. *Мочалова В. В.* Гротескно-фантастический жанр новин польских совиэжалов.— В кн.: Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979.

О МЕТРИКЕ СИЛЛАБОТОНИЧЕСКОГО СТИХА

Слова́ *метр* и *ритм* образуют без малого анаграмму — как бы символ взаимосвязи и взаимопроникаемости этих важнейших стиховедческих категорий. Их легко смешать, спутать, подменить одно другим. Говоря о метрике, мы часто и непроизвольно переходим на язык ритмологии, язык близкородственный тому, какого нужно было бы придерживаться, но отнюдь не тождественный ему. И в том и в другом — *ямбы*, *анapestы* и много иного общего, однако в аспекте метрики ямб не совсем то, что в аспекте ритмики, и об этой разнице полезно помнить.

Казалось бы, навести во всем этом должный порядок не так уж трудно. Достаточно условиться, что с точки зрения метрики силлаботонический стих — это расположение сильных и слабых позиций, а с точки зрения ритмики стих — это чередование ударных и безударных слогов, т. е. метрическая характеристика стиха сводится к бинарной оппозиции «сила — слабость», а ритмологическая — к оппозиции «ударность — безударность» (слога). Выявляя метр, определяем слоги как сильные или слабые, но не как ударные или безударные; постигая ритм — поступаем наоборот.

Такое разграничение не отменяет понятия «метрическое ударение» и не снимает, разумеется, интересного и спорного вопроса о том, до каких пределов ритмический рисунок стиха может отклониться от метрической схемы, не совпав с нею. «Идеальный» случай — это когда сильные позиции заняты ударными, а слабые — безударными слогами, как в державинском ямбе «Глагол времен! металла звон!», но допустимы и различные отклонения, как, например, в стихе из той же оды «Смерть, трепет естества и страх!» — со спондеем и пиррихием, в соответствии с чем на первую слабую позицию пришелся ударный, а на вторую сильную — безударный слог, причем это не столь уж и дерзкое «нарушение».

Материалы свидетельствуют о том, что в размерах русской силлаботоники нет слабых позиций, которые вообще не могли бы быть заняты ударными слогами, и нет сильных позиций, которые не могли бы быть заняты безударными слогами. Значит ли это, что ритму «все позволено» и он способен демонстрировать свою полную независимость от метрической схемы в условиях русской силлаботоники? Стиховедами искались ограничения и запреты. Формулировались правила, несоблюдение которых можно было бы расценить как техническую ошибку поэта, не справившегося с механизмом стиха. Это занятие несколько рискованное и ненадежное (нечто от «нормативной поэтики»). Осмотрительнее просто признать: сила сильной позиции проявляется в том, что в большинстве случаев, а подчас в подавляющем большинстве случаев ее занимает ударный слог; слабость же слабой позиции в том, что в большинстве случаев ее занимает слог безударный. Версификация — система предпочтений, а не свод непреложных правил. И тем не менее, если все-таки такие правила или хотя бы одно такое правило есть на самом деле, то найти и сформулировать их или его — увлекательнейшая задача.

Так, было замечено, что в двухсложных размерах — ямбе и хорее — внеметрическое ударение падает лишь на односложное слово: если слабый слог ударный, то он является отдельным словом. К этому стоило бы прибавить: и в амфибрахии — то же самое. Замечено, далее, что в трехсложных размерах внеметрическое ударение может падать не только на односложное, но и на двухсложное слово [1]. Стоило бы уточнить: в дактиле и анапесте, но не в амфибрахии. Таким образом, слово, чей ударный слог занимает слабую позицию, должно все целиком уместиться в этой слабой позиции: нельзя, чтобы его безударный слог пришелся на сильную позицию. Так ли? Это остроумно найденное ограничение, но ведь не секрет, что оно практически соблюдается поэтами далеко не всегда. Не говоря уж о достаточно частых фигурах двухсложного слова с ударением на первом слоге в начале ямбической строки (одна из разновидностей хорямба), имеются и другие несоблюдения. В четырехстопных ямбах Рылеева: «Почто, почто в *битве* кровавой...»; в четырехстопных дактилях Лермонтова: «*Окружи* счастьем душу достойную...». Налицо «запретная» переакцентуация — причем у больших поэтов, не новичков в области стихосложения. Можно согласиться, что такое встречается намного реже, чем «узаконенные» ударения в слабых позициях и неударения в сильных. Но такое все же встречается, и нет оснований настаивать на недозволенности подобных ходов.

Выдвигалось как обязательное еще одно правило: последняя сильная позиция в стихе занята ударным слогом [2]. Однако это происходит не всегда. В трехстопных ямбах Цветаевой есть стих «Накачиваются» (рифмуется с «отца»), здесь единственное ударение приходится не на последнюю, а на первую сильную позицию. В хорейческой частушке, распевавшейся Остапом Бендером: «У Петра Великого / Близких нету никого» — последнюю сильную позицию начального стиха занимает безударный слог. В контексте нерифмованных пятистопных ямбов вполне естественно присутствие десятисложников с безударным последним слогом: «Все то же здесь, но я-то — тот же ли?» (Батеньков). При определенном подходе необходимость ударения на последней сильной позиции можно было бы расценивать не как исключение, а как вполне обыденную ситуацию. Но прежде чем пояснить это, зададимся вопросом: действительно ли «все позволено» в силлаботоническом стихе, если снимаются рассмотренные ограничения?

Нет, о вседозволенности говорить не приходится. Стихотворный силлаботонический размер перестал бы быть таковым, если бы ни на одной из сильных позиций его метра не было ударного слога. Пусть не на последней и даже не на предпоследней, а на третьей или четвертой от конца, но ударение должно состояться. Если же его все-таки нет, как у Кольцова в одном стихе, окруженном двухстопными анапестами: «Пред Тобою, мой Бог, / Я свечу погасил, / *Премудрую книгу* / Пред Тобою закрыл», — то, значит, такое стихотворение не монометрично; среди анапестов появилась строка амфибрахия.

Одно-единственное ударение на целую строку — это не так уж мало, коль скоро в русском языке есть весьма пространные слова, размером с длинный стих, например, *невыговаривающиеся*. Оно соответствует метрической схеме четырехстопного дактиля и пятистопного ямба. В первом случае метрическое ударение приходится на вторую от начала и третью от конца сильную позицию, во втором — на вторую от начала и четвертую (!) от конца. Так или иначе, в этом громоздком десятисложнике ударен только один слог. А остальные? Они не ударны, но не все из них абсолютно безударны.

В соответствии с жесткой логикой стихотворного метра несостоятельно-противоречивым является суждение типа: «такая-то позиция не сильная, но она в общем-то и не слабая». Но гибкая реальность ритма позволяет рас судить так: «данный слог не является ударным, но он не вовсе безударен». Пока мы сопоставляем две оппозиции: «сила — слабость» и «ударность — безударность» — картина взаимоотношений метра и ритма не представляется особенно сложной. Она заметно осложнится, если место второй бинар-

ной оппозиции займет тернарная ритмологическая модель: «ударность — полуударность — безударность». И, видимо, еще сложнее, если средний член этой триады расслоится, размножится адекватно разнообразию ритмических «оттенков»: $\frac{1}{4}$ -ударность, $\frac{1}{3}$ -ударность, $\frac{2}{3}$ -ударность и т. п.

Лингвистам-акцентологам известно явление так называемого второстепенного ударения [3]. В исследованиях стиха, изредка обращающихся к данному вопросу, традиционно используется другой термин — «полуударение» [4]. При этом, как правило, имеются в виду заударные слоги длинных слов — на некоторые из них и падают полуударения. Но это понятие позволительно распространить и на многие односложные слова, учитывая ритмико-интонационный аспект и логического, и фразового неполного ударения, или, условно, полуударения, так что словосочетания типа «мой друг» окажутся и не ямбом и не спондеем, а каким-то гибридно-промежуточным ямбо-спондеем.

Что нового вносит данное соображение в наши представления о метрике силлаботонического стиха? Как будто бы все остается на своих местах, как и было: сильная позиция — сильной, слабая — слабой (никакой ни «полусилы», ни «полуслабости»), и неполноударный слог свободно и без каких бы то ни было ограничений может занять либо ту, либо другую. Не выдержал бы серьезной критики соблазн упорядочить систему отношений между метром и ритмом за счет того, что посчитать неполноударными все ударные слоги в слабых позициях и безударные в сильных: заманчиво-стройное, но совершенно неверное умоначертание! В окружении пушкинских ямбов стих «В час незабвенный, в час печальный» демонстрирует не полу-, а как раз усиленно-подчеркнутую ударность первого слога; и, напротив, обмякшую безударность второго.

И все же учет неполноударности не обойдется без ощутимых последствий. Несколько выше шла речь о том, что, согласно едва ли не общему мнению, на последнюю сильную позицию силлаботонического стиха всегда приходится ударение. Приводились контрпримеры, свидетельствующие о необязательности этого правила. Но они выглядели как бы исключениями, не посягающими всерьез на общую закономерность. Теперь на это можно взглянуть иначе. Последнюю сильную позицию стиха как угодно часто может занимать неполноударный — следовательно, не ударный — слог. Особенно это касается односложных слов, не несущих на себе ни фразового, ни логического ударения. Возьмем к примеру известное пушкинское двустишие:

Все это значило, друзья:
С приятелем стреляю я.

Последнее «я» — ударно ли? Логического ударения на нем нет, поскольку не подчеркивается, что стреляться буду именно «я», а не кто-то другой; фразового — тоже. Весь этот стих, отдельно взятый, вполне мог бы показаться не четырехстопным ямбом, а трехстопным с дактилической клаузулой, точно таким, как у Некрасова в «Кому на Руси...»: «Не грешен, не живился я...», где «я» и вовсе безударное. Скорее же всего, у Пушкина неполноударное «я» рифмуется с ударным «я» в слове *друзья* — такое объяснение представляется наиболее правдоподобным.

Методика учета неполных ударений позволяет под особым углом зрения рассмотреть некоторые откровенно «странные» версификационные ситуации. В «Онегине» есть поистине уникальный случай — стих «Со сна садится в ванну со льдом», рифмующийся с «Гарольдом». Здесь принято акцентировать предлог *со* (см. указатель к статье «Лед» в Словаре языка Пушкина), а *льдом* произносить как безударный слог. Это мотивируется заботой о соблюдении правильного стихотворного размера и рифмы, интуитивным ощущением того, что иначе стих просто сломается. Искусственность такой акцентировки: «сб льдом» — очевидна, но с ней мирятся, как мирятся с именем Моцарта вместо Мбцарта в маленькой трагедии (ср. «Связующий Моцарта и Сальери» с «Из Мбцарта нам что-нибудь...»). И никого не убедили бы возможные контрвозражения такого характера: чтение «со льдбм» теоретически допустимо, ибо ударное *льдом* в слабой

позиции — односложное слово (а это «разрешается»), безударное *со* в последней сильной позиции — тоже не криминал, а рифмы бывают и разνούдарные: Гарбльдом — со льдбм. Логически безупречно, но явно неприемлемо. Однако решение может быть и более тонкое — не только соотносно с логикой, но и падающее читательскую интуицию: как *со*, так и *льдбм* — неполноударные слова, и дело искусного стихопроизнесения — воспроизвести это место соответствующим образом (так, чтобы не пострадало, с одной стороны, чувство ритма, а с другой — чувство языка).

Приведенные примеры свидетельствуют, в частности, о том, что ритмические интерпретации стихотворных текстов — вещь спорная, несводимая к однозначным решениям, поскольку ритмы прихотливы, обманчиво-подвижны и весьма вольно ведут себя по отношению к заданной метрической схеме. Тут с одной проблемой ударности/безударности — и то достаточно хлопот (далеко не всегда ясно, ударным или безударным является данный слог), а если еще фиксировать к тому же разные степени неполноты, характеризующие «ущербную» ударность, то задача тем более осложняется. По сравнению с ритмом, метр — сама стабильность, торжество неизменной схемы. Рассматривая, например, схему ямбического метра, отмечаешь безупречную четкость в чередовании сильных и слабых позиций, и, коль скоро они расположены в известном, установленном для ямба, порядке, можно, казалось бы, не сомневаться: перед нами действительно ямб, а не что-нибудь иное.

Но и здесь не все просто и не все бесспорно. Опознавая метр, мы подчас сталкиваемся с возможностью различных метрических интерпретаций стихотворного текста. Вопросы, которые приходится при этом решать, — не те, что возникают в процессе ритмологического анализа и были затронуты выше: у них своя специфика, свой профиль. Силлаботонический стих в этом плане мыслится как стопный, стопа — как определенное сочетание сильных и слабых слогов (или позиций), тяготеющих соответственно к ударности и безударности. Нижеследующие заметки — о мнимых и подлинных неоднозначностях стихотворного метра.

Общезвестен и, пожалуй, неоспорим принцип, согласно которому, определяя метр данной стихотворной строки, полезно во избежание ошибок или неточностей обратиться хотя бы к ближайшему контексту, проверить и уточнить им намечающийся диагноз (точно так же любой объект, осознаваемый как часть какого-то целого, мы увереннее постигаем тогда, когда имеем в виду это целое). Иначе — риск сделать промах. Например, вне контекста взятый пушкинский стих из X главы «Онегина» «Преследуя свой идеал» наверняка покажется не ямбом, каковым он является на самом деле, а амфибрахийем, чье соседство с другими амфибрахическими стихами было бы вполне естественно. Представим себе хотя бы такую комбинацию его со строкой Исаковского: «Летят перелетные птицы, / Преследуя свой идеал, или же со строкой Некрасова: «Преследуя свой идеал, / На зимушку хлеб запасал»: И только возвращение данного стиха в контекст соответствующей онегинской строфы убедит в том, что перед нами все-таки самый настоящий и в общем-то безупречный четырехстопный ямб: «Одну Россию в мире видя, / Преследуя свой идеал, / Хромой Тургенев им внимал...» и т. д. Конечно, это не частый случай, ибо обычно ямб распознается легко и сразу. Но это и не исключительная редкость. В том же «Онегине» можно указать три подряд стиха, которые могли бы быть прочитаны как амфибрахические:

...Внимательным иль равнодушным;
Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив...

т. е. здесь пужен, по-видимому, еще более широкий обрамляющий контекст для того, чтобы стала очевидной ямбическая природа приведенных строк. Тут нет ничего сложного, и осведомленному человеку, наверное, легче соблюсти правильный размер, чем сбиться с ритма. Ясно, что пушкинские ямбы — не амфибрахии, а некрасовские анапесты типа «И рудню свою седебородую» — именно анапесты, а не пятистопные хорей, каковы-

ми могут казаться (опять-таки: сравним возможную хорейческую контаминацию этого стиха и есенинской строки «И родню свою седебородую / Никогда не бил по голове» с подлинным анапестическим текстом «И родню свою седебородую / Не гоняешь с порога в толчки»).

Итак, бывают ситуации, когда один стихотворный размер, не распознав его, ошибочно принимаешь за другой. Бывает и другое. Некоторые отдельно взятые строки просто вызывают недоумение. Наготове нет ни верного, ни неверного решения относительно их метра, ни даже колебаний между верным и неверным решениями, зато есть ощущение того, что перед нами что-то непонятное, и тем настоятельнее дает о себе знать потребность обратиться к контексту, без чего так и останешься в недоумении. Вот, например, стих Н. А. Добролюбова: «Унес он на тот свет». Невозможно догадаться, что это двустопный амфибрахий, если не прочитать весь катрен, из которого выбрана данная строка: «Зачем нашу ссору / Унес он на тот свет? / Ужель и за гробом / Меня не простит он?» Или такие стихи Добролюбова:

Что это за чудо вдруг сделалось ныне со мною?
Что это за пошлую роль я разыгрывать начал?

Опять-таки только с помощью контекста опознаваемые амфибрахии — пятистопные (кстати, у того же Добролюбова есть другое стихотворение, начинающееся с тех же слов «Что это за чудо», но там эти слова образуют хорейский метр). Может возникнуть впечатление, что в этих амфибрахиях допущен ритмический перебой. Однако правильность метра здесь никак не нарушена: хотя сам по себе вопрос «Что это?» естественно интонировать и как дактиль, и как палимбакий, все же имеются достаточные основания дать ему амфибрахическую интерпретацию.

Сознавая несомненную целесообразность обращений к возможно более широкому контексту при метрической характеристике каждого данного стиха, следует отметить, что отнюдь не всегда мы располагаем самой возможностью таких обращений. Взять хотя бы так называемые моностихи, т. е. стихотворения, состоящие всего из одной строки: ни о каком контексте здесь, понятно, не может быть и речи. Причем, как правило, это никого не смущает: метр моностихов кажется самоочевидным и не провоцирует сомнений. Вот, к примеру, классический моностих-эпитафия Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра». Сразу видно, что это шестистопный ямб с женской клаузулой. Услужливое воображение тут же подсказывает, каким мог бы быть контекст, если бы он был: разумеется, александрийские стихи парной рифмовки, и «утра», конечно, рифмовалось бы с «перламутра». Но откуда, собственно, такая уверенность и оправданна ли она в строго-теоретическом отношении? Ведь возможны и другие предположения на этот счет. А вдруг перед нами, скажем, силлабический тринадцатисложник с «глазной» цезурой после седьмого слога, случайно, как это нередко бывает в силлабике, совпадающий с метрической схемой ямба? Или: а вдруг это смешанный размер, у которого, допустим, первая стопа — амфибрахий, а дальше идут хорей и допускается пиррихий? Или даже более затейливая логадического типа фигура: первая стопа — ямб, вторая — ямб, третья — амфибрахий, четвертая — либо дактиль либо хорей и т. д., комбинаций и вариантов тут сколько угодно. Все это представляется исчезающе маловероятным, и, наверное, любой здравомыслящий стиховед останется при твердом убеждении, что в данном случае перед нами все-таки не что иное как шестистопный ямб. И такая убежденность небезосновательна, хотя, казалось бы, речь идет о вещах недоказуемых, а возможный скепсис по этому поводу и демонстрация других теоретически допустимых решений скорее всего будут восприняты как надуманное, искусственное усложнение в общем-то простого вопроса.

Но вернемся к «нормальным» и распространенным случаям, когда имеется возможность переходить от рассмотрения отдельно взятой строки к ее контексту, и зададимся вопросом, от всех ли сомнений избавит нас метрический анализ контекста. По-видимому, не от всех, а лишь от не-

которых — «от и до». Вот, например, отдельно взятый стих из «Онегина»: «Какое низкое коварство». Допустим такое предположение: здесь первая стопа — амфибрахий («какое»), вторая — дактиль («низкое»), и третья, скажем, ямба или же опять амфибрахий («коварство»). Однако настаивать на том, что в онегинском стихе вторая стопа дактилическая, нам не поволит ближайший контекст — хотя бы рифмующаяся с приведенным стихом строка «Печально подносить лекарство», где слово «подносить», метрически координируемое с дактилическим «низкое», являет фигуру уже не дактиля, а анапеста. Вывод: четвертый, пятый и шестой слоги онегинского стиха не образуют ни дактиля, поскольку могут совпадать с анапестом, ни анапеста, поскольку могут совпадать с дактилем, — позиции взаимоопровергающие друг друга. Таким образом контекст отвел наше некорректное предложение. Но все точки над *i* пока не поставлены — и не будут поставлены. Не одно — так другое; не один смешанный размер — так другой. Так, можно упорствовать в том, что первая стопа онегинского стиха — амфибрахий, а последующие — хорей с участием пиррихийев или без них. Такая метрическая интерпретация окажется неопровержима чисто метрическими выкладками, если учесть допустимость некоторых узаконенных модификаций амфибрахической стопы (имеется в виду замена ее трибрахией, т. е. пропуск метрического ударения, или же наличие внеметрических ударений на односложных словах). «Адриатические волны!» — здесь можно утверждать: на первой стопе не пиррихий вместо ямба, а трибрахий вместо амфибрахия. «Бал петербургский описать» — даже такой стих не свидетельствует против предложенной интерпретации, и на недоуменный вопрос типа «*Бал петер...* — какой же это амфибрахий?» можно ответить: *бал петер...* точно так же соотносим с амфибрахиями, как *бал пе...* — с ямбами. Так же закономерно с одной стороны, пропуск метрического ударения, с другой — внеметрическое ударение на односложном слове, т. е. нет тут запретной переакцентуации.

Итак, обращение к контексту устраняет лишь известную часть сомнительных толкований стихотворного метра, но не решает всех проблем этого порядка. Почему же, несмотря на это, мы остаемся с неколебимым убеждением относительно того, что «Мой дядя самых честных правил» — четырехстопный ямба, а не смешанный размер, а «Покойся, милый прах, до радостного утра» — шестистопный ямба, а не силлабический тринадцатисложный? По-видимому, здесь выдвигаются на первый план и становятся определяющими соображения, связанные с такими категориями, как «авторская воля» и «стиль эпохи». Взятые отнюдь не из стиховедческого обихода, эти понятия тем не менее имеют свой стиховедческий аспект. Если мы знаем, что сам поэт — и отнюдь не вопреки очевидности — считал свое творение ямбическим, то нам просто незачем затевать разговор о возможности логаздических или, скорее, якобы логаздических интерпретаций данного метра. Если мы знаем, что поэт работал в эпоху безраздельного господства силлаботоники и не помышлял ни о какой силлабике, то у нас нет оснований подозревать, что такой-то его стих — будто бы силлабический, и т. п.

Непраздным в этой связи оказывается вопрос о том или ином типе стопосложения, господствовавшем в ту или иную эпоху, определяя стиль ее стиховой культуры. Замечено, что «большинство современных стиховедов отрицает наличие стопы как ритмической реальности в силлаботоническом стихе» [5], и у них есть для этого веские основания. Но в былые времена стопа ощущалась и как ритмическая реальность, и как необходимый фактор методики овладения тайнами версификации, да и сейчас разговор о стопосложении не должен оказаться беспредметным. Если бы в начале XVII в. М. Смотрицкий догадался бы заменить псевдоопозицию «долгота слога — краткость слога» на реальную оппозицию «ударность — безударность», и ее бы, эту реальную, положил в основу конструирования ямбов, трохеев, дактилей и т. д., и утвердилась бы, представим на миг, уже тогда силлаботоника, то она, скорее всего, сильно бы отличалась принципами стопосложения от той, которая возникла у нас в XVIII в. в результате реформы Тредиаковского — Ломоносова. Преобладали бы, судя

по предлагавшимся рецептам, смешанные размеры — логоэды и дольники, а чистый ямб прозябал бы на периферии. Ломоносов же распорядился иначе: возобладали и прочно заняли центр именно чистые размеры, а смешанные были оттеснены в сторону и к пушкинскому времени их продуктивность вообще оскудела (гекзаметр — исключение). В этом и сказалось то, что применительно к стиху можно условно назвать стилем эпохи. Вот почему ямбы, возникшие под знаком «пушкинского канона», решительно не воспринимаются как смешанные размеры. Тому же способствуют в ряде случаев и некоторые авторские волеизъявления: языковский стих «Мой бойкий ямб четверостопный» и блоковский «Дроби, мой гневный ямб, камня» тем более невозможно воспринимать иначе, как только ямбические (равно как и стих Маяковского: «Я даже ямбом подсюсюкнул...»).

Здесь, впрочем, напрашивается еще и один чисто теоретический ход, применив который — в конце концов это дело договоренности стиховедов — мы сами лишим себя права интерпретировать некоторые стихотворные размеры как смешанные. Для этого достаточно принять такое правило: если данный текст может быть прочитан как выдержанный в чистом размере — в ямбе, в хорее, в дактиле и пр., то условимся считать его соответственно ямбическим, хорейским, дактилическим — и только; к смешанным же размерам относить лишь такие, которые метрически не совпадают ни с одним из чистых — например, сапфический стих. Или гликоновый, образец которого был удачно воспроизведен еще Смотрицким: «Ум чист и непорочное / Дажь ми сердце, Исусе мой», т. е. метрическая схема спондеев — дактиль — дактиль (гликонов стих) логоэдична, это подлинно смешанный размер. А вот последовательность пиррихий — дактиль — дактиль («На позицию девушка» Исаковского) уже не логоэд и вообще не смешанный размер, поскольку метрически перераспределяется на двустопный анапест с дактилической клаузулой. Или, допустим, «Румяной зарею» — это не стопа ямба плюс стопа анапеста, что опять-таки выглядело бы как смешанный размер, а правильный, чистый двустопный амфибрахий.

Это — наша уловка или решение проблемы? Вопрос спорный, и предложенная теоретическая выкладка не кажется оптимальным решением, поскольку данная проблема, которая вышеуказанным образом нейтрализуется и сводится на нет, ощущается как действительно существующая и не на пустом месте возникающая. Если и есть что-то искусственно-надуманное в примерах с четырехстопными ямбами, которые вдруг померещились в виду амфибрахически-хорейских метров, то вот другой пример. Стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» вошло в историю стиха и в историю стиховедения последних десятилетий [6] не просто как образец, а как этапный в известном смысле образец пятистопного хорей. Что же это такое, если не пятистопный хорей? Однако еще Б. М. Эйхенбаум писал о «совершенно особом ритмическом впечатлении», которое создает данный текст: «как бы сочетание анапестической вступительной стопы с трехстопным ямбом» [7]. А за два века до Эйхенбаума Ломоносов демонстрировал «тетраметры, из анапестов и ямбов сложенные», и в числе примеров привел такой, который мы приняли бы за пятистопный хорей: «На восходе солнце как зардится». И опять мы перед дилеммой: то ли хорей, то ли смешанный, анапесто-ямбический размер, причем противоположные на данный счет мнения весьма авторитетны. Пренебречь одним из них, имеющим столь мощные и глубокие корни, было бы неосмотрительно.

К изложенному остается прибавить, что некоторым коротким размерам — трех-, четырех-, пятистопным — неизбежно сопутствует явление биметрии. Чаще такое случалось в силу того, что либо невозможно, либо очень трудно отличить одностопный анапест от двустопного хорей: то ли в анапесте имеется внеметрическое ударение на первом слоге, чем создается хорейский эффект, то ли в первой стопе хорей пропущено метрическое ударение, чем создается анапестический эффект [8]. В связи с этим неясно, сильную ли позицию занимает первый слог в таком стихе (тогда — хорей), или же слабую (тогда — анапест). Примерами могли бы служить некоторые стихи

Полежаева и Кольцова, Мятлева и Добролюбова. Стихи эти достаточно известны, да и самый механизм подобной биметрии в главных чертах ясен.

Вне статьи остался вопрос о возможности включения данного стихотворного текста в разные версификационные системы. Например, и у Кантемира, и у Маяковского есть стихотворения, выдержанные в размере четырехстопного хорея, без единого отступления от соответствующей метрической схемы. Следовательно, и то и другое силлаботоника? Или первое — силлабика, а второе — тоника? Имеются аргументы в пользу обоих противоположных решений; но это уже тема для другой специальной работы — разговор не только о силлаботонической, но и об иных системах стихосложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Холшевников В. Е.* К спорам о русской силлабо-тонике. — Проблемы теории стиха. Л., 1984, с. 171.
2. *Гаспаров М. Л.* Еще раз к спорам о русской силлабо-тонике. — Проблемы теории стиха. Л., 1984, с. 177.
3. *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985, с. 8, 179—180.
4. *Шенгели Г.* Трактат о русском стихе. М.-Пг., 1923, с. 32; *Панов М. В.* Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 231.
5. *Холшевников В. Е.* Существует ли стопа в русской силлабо-тонике? — Проблемы теории стиха. Л., 1984, с. 58.
6. *Тарановский К.* О взаимодействии стихотворного ритма и тематики. — *American Contributions to the 15-th International Congress of Slavists*, v. 1. The Hague, 1963, p. 287—332; *Вишневский К. Д.* Экспрессивный ореол пятистопного хорея. — В кн.: Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М., 1985.
7. *Эйхенбаум Б.* О поэзии. Л., 1969, с. 432—433.
8. *Беззубов А. Н.* Пятисложник. — В кн.: Исследования по теории стиха. Л., 1978, с. 104.

КОНСТРУКЦИИ С ОТГЛАГОЛЬНЫМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ КАК ЧАСТЬ ПЕРИФЕРИЙНОГО ПОЛЯ ЗАЛОГОВОСТИ (на материале чешского языка)

1. Отглагольные существительные в современном чешском языке [в статье рассматриваются только существительные на -п(і), -т(і), далее ОС] со словообразовательной точки зрения — результат транспозиции части речи: глагол — имя существительное. Это обусловило двойственный, гибридный характер ОС. Относясь по своим морфологическим признакам к категории имен существительных, выполняя в предложении синтаксические функции подлежащего и дополнения, характерные для этой части речи, они сохраняют семантику действия (состояния, признака) по мотивирующим глаголам (МГ). Это постоянное противоречие находит свое выражение на разных языковых уровнях: лексическом, морфологическом и синтаксическом.

Такие чисто «глагольные» категории, как вид, залог, переходность/непереходность (как отражение интенционной структуры глагола) не подавляются в семантике производного ОС. Напротив, при сохранении присущей глаголу ономаσιологической категории действия, процесса ОС потенциально обладает всеми глагольными значениями.

В качестве семантических компонентов в зависимости от коммуникативных целей говорящего эти значения (аспектуальные, залоговые) или проявляются в определенном контекстном окружении, или же могут быть «обобщены и дремлют в виде скрытых сем, всегда готовых к тому, чтобы быть объективизированными, выведенными на поверхность» [1].

В настоящей статье речь пойдет о способности ОС выражать значение залога некатегориальными средствами, выступать в номинализованных конструкциях в качестве семантических эквивалентов целых высказываний. С этой целью подвергаются анализу ОС, взятое не изолировано, в качестве словарного материала, а в условиях речевого контекста, что позволяет рассмотреть ОС с учетом их функциональной значимости в системе языка, установить условия функционирования ОС как микросистемы в ее отношениях и связях с МГ.

2. Процессуальные ОС, как показал анализ конкретного материала, полностью наследуют интенционную структуру МГ и, как следствие этого, синтаксические связи МГ (см. [2]).

На интенцию глагольного действия как на категорию семантическую, отражающую отношения действия и субстанций, с которыми это действие связано (см. [3]), опирается грамматическая категория залога. Залог грамматическими средствами отражает отношения между элементами интенционной структуры: агенсом, действием и пациенсом. При совпадении агенса действия с субъектом глагольного действия налицо актив, в противном случае — пассив. Иначе говоря, «одно и то же понятийное соотношение „Sub — понятие действия — Ob“ интерпретируется при активе и пассиве с разной перспективой, с разными фокусами — со стороны Sub, осу-

ществующего действие, или со стороны ob, которое действие испытывает» [4].

Крупным вкладом в теорию залога явился монументальный труд Б. Гавранека о славянском глагольном залоге [5]. Все последующие исследования чехословацких лингвистов по вопросам залога так или иначе базируются на концепции, разработанной Гавранеком.

Развивая идею одного из основоположников Пражской лингвистической школы В. Матезиуса [6], чехословацкие лингвисты разрабатывают понятие грамматической перспективы предложения, которая определяется отношением между основными элементами его грамматической структуры. Это отношение может быть грамматически активным или неактивным (пассивным). Для реализации грамматической перспективы предложения служит грамматическая категория залога (*genus verbi*) [7, с. 118].

Глагол располагает морфологическими средствами выражения актива и пассива. В активной конструкции выступает переходный глагол в спрягаемой форме. Пассивная конструкция реализуется с помощью рефлексивной формы глагола (*dům se staví* 'дом строится') или с помощью глагола *byť* и страдательного причастия (*dům byl postaven* 'дом был построен'). Все сказанное относится к глаголу как к грамматическому ядру залога.

3. Однако и ОС, как неоднократно отмечалось в работах чехословацких [8—11] и польских [12; 13] лингвистов также способны выражать залоговые значения. При этом речь всегда шла об ОС, мотивированных глаголами с возвратными частицами (чешск. *se, si*; словацк. *sa, si*; польск. *się*), т. е. рефлексивами. Ср. чешск. *zamyšlení se, učení se, vydávání se*, словацк. *prekonávanie si, osvojenie sa, prívychovanie sa*; польск. *zacieranie się, pogodzenie się, ubieranie się*.

Указанные авторы отмечают, что случаи выражения возвратности ОС с помощью возвратных компонентов в чешском и словацком языках в отличие от польского очень редки. Даже тогда, когда такое выражение возвратности возможно, оно остается факультативным. Более узок и диапазон функций подобных ОС в чешском языке сравнительно с польским. ОС с возвратным компонентом, мотивированные возвратными глаголами со значением пассива, не встречаются (*dům se staví — *stavení se*). Если в отношении чешского и словацкого языков функцию возвратной формы ОС следует считать лишь «частной», «несобственной», то в польском языке, принимая во внимания регулярность образования ОС с компонентом *się* от соответствующих возвратных глаголов, можно говорить об их категориальном значении.

Наличие возвратного компонента при ОС служит, как и у МГ, показателем непереходности, т. е. категории, тесно связанной с залогом, так как с делением глаголов на переходные и непереходные связано выделение возвратных глаголов.

Для выражения взаимно-возвратных значений в чешском языке используются ОС без возвратного компонента, хотя они и мотивированы возвратными глаголами. Однако взаимно-возвратный характер значения ОС очевиден, во-первых, благодаря уже самой семантике действия, заключенного в ОС; во-вторых, взаимно-возвратный залоговый оттенок возвратного компонента при МГ выражается зависимыми членами синтагмы: *jejich hádání* 'их ссора' — притяжательное местоимение 3 л. мн. ч. как указание на наличие по меньшей мере двух субъектов (участников) действия; *setkání s Monikou* 'встреча с Моникой', *sblížení mezi kým* 'сближение между кем' — сохранение глагольного предложного управления со значением совместности; *vzájemné ochlazení* 'взаимное охлаждение' — согласованное определение со значением взаимности и т. п. Таким образом, ОС даже без возвратного компонента способны выражать те же оттенки залоговых значений, что и возвратный МГ.

Итак, ОС (с возвратной частицей или без нее), выражая различными средствами оттенки значений возвратности и взаимности, участвуют в синтаксических конструкциях актива, т. е. передают активную грамматическую перспективу.

4. Пассивная грамматическая перспектива, как и активная, может передаваться не только пассивными глагольными конструкциями, но также и другими синтаксическими и лексическими средствами. «Пассивная перспектива иногда содержится вне предиката в номинализованных компонентах, в свернутом виде» [14]. Конструкции с ОС, служащие для выражения значения пассива, являются частью периферийного «неглагольного» поля залоговости.

Рассмотрим некоторые способы передачи пассивной перспективы с помощью ОС. Во-первых, пассивная перспектива может передаваться именной структурой с родительным пациенса, ядром которой является ОС: *Tato činoherní přehlídka přispěje k zintenzivnění života našich divadel (aby život byl zintenzivněn)* 'Этот показ спектаклей будет способствовать интенсификации жизни наших театров' (тому, чтобы жизнь была интенсифицирована); *Albert Einstein přispěl k rozšíření obsahu pojmu hmoty (aby pojem byl rozšířen)* 'Альберт Эйнштейн способствовал углублению содержания понятия материи' (чтобы понятие было расширено); *Usnesení měla sloužit jako základ pro co největší zpřístupnění kulturních hodnot lidovým vrstvám (aby byly zpřístupněny)* 'Постановления должны были служить основой для того, чтобы сделать культурные ценности как можно более доступными народным массам'. Во-вторых, пассивная перспектива может передаваться различными типами глагольных структур, составной частью которых является ОС и в которых пациент ОС может занимать различные актантные позиции: а) пациент—субъект: *Obě disciplíny našly široké uplatnění v praxi (byly uplatněny)* 'Обе дисциплины нашли широкое применение в практике' (были применены); *Za své kvality by zasluhoval lepšího ocenění (aby byl lépe oceněn)* 'За свои качества он заслуживал более высокой оценки' (должен быть выше оценен); *A když odsouzení dostali od kněze Jana rozhřešení, měli být odvedeni na popráviště (byli rozhřešeni)* 'И когда осужденные получили от епископа Яна отпущение грехов, их должны были отвести на место казни' (были прощены); б) пациент — объект; при этом само ОС может занимать позицию субъекта: *Obratem se mu dostalo ujištění, že až nastane vhodná doba, sejde se rodina zase pospolu (byl ujištěn, že)* 'В ответ он получил заверение в том, что вся его семья соберется снова вместе' (был заверен в том, что...). Кроме того, в конструкциях типа б) ОС может играть роль косвенного объекта: *...neúprosný věřitel předložil k proplacení směnkou (aby byly proplaceny)* 'Неумолимый кредитор предъявил векселя к оплате' (чтобы они были оплачены).

Следует отметить, что предикат в таких глагольных структурах информативно недостаточен, основную смысловую нагрузку несет ОС, обеспечивая полноту и информативность сочетания: *nalézt uplatnění, přispět k zintenzivnění, přispět k rozšíření, zasluhovat ocenění, dostat se (komu) ujištění, dostat rozhřešení, sloužit (jako základ) pro zpřístupnění*. Русские эквиваленты и их трансформы (см. соответствующие переводы) свидетельствуют о том, что использование конструкций типа *získat pochopení* 'получить признание', в обоих языках в значительной степени совпадают.

Приведем несколько примеров на функционирование номинализованных конструкций с пассивным значением в польском языке: *zdobycь uznanie -bycь uznany* 'получить признание, быть признанным'; *otrzymacь zapewnienie-bycь zapewniony* 'получить заверение' (букв. 'быть заверенным'); *miecь zastosowanie-bycь zastosowany* 'иметь применение, быть примененным'; *otrzymacь wybaczenie-bycь wybaczony* 'получить прощение, быть прощенным'.

Подобные лексикализованные сочетания, как правило, являются принадлежностью официально-делового, публицистического и научного стилей. В целом же функционирование номинализованных конструкций, где основную семантическую нагрузку несет ОС, результат транспозиции глагол → имя, подтверждает тезис О. Лешки [15] о том, что этот вид транспозиции способствует интеллектуализации речи, является средством более глубокого логического анализа¹.

¹ С этой точкой зрения полемизирует В. Г. Гак, предполагая, что конструкция «глагол + отглагольное существительное» носит универсальный характер. В. Г. Гак

5. Пассивную перспективу могут выражать и такие синтаксические конструкции, где в позиции сказуемого выступает лексический фразеологизм «глагол *být* + предлог + ОС». Ср.: *To dopoledne nebyl nikdo k nalezení (nemohl být nalezen)* 'В это утро никого нельзя было найти' (никто не мог быть найден); *Zásadně nezamykal dvířka ve voze, třebaže bylo ledaco k rokažení (mohlo být rokaženo)* 'Он принципиально не запирает дверцы, даже если в машине можно было что-нибудь сломать' (могло быть сломано); *Stojí na koberci a neví, kam se hnout, je k politování (je ho líto)* 'Он стоит на ковре и не знает, что ему делать, он достоин сожаления (его можно пожалеть)'.

Здесь также выражена пассивная перспектива, но нет пассивной предикации, так как формально это неопределенно-личные предложения с активной залоговой формой сказуемого.

Близка к приведенным выше и конструкция *upadnout do/v zapomnění/zapomenutí/pozapomenutí* 'быть забытым, быть преданным забвению'. Ср. *Móda však upadla v zapomnutí (byla zapomenuta)* 'Мода, однако, была забыта (предана забвению)'.

6. Еще один способ передачи пассивной перспективы заключается в употреблении ОС, мотивированных объектными глаголами со значением физического действия, производимого субъектом, функцию которого обычно выполняет существительное со значением лица или группы лиц. При этом подлежащее со значением лица является объектом действия. Например: *Jed si vzala ze strachu před mučením (že bude mučena)* 'Яд она приняла из страха перед мучениями' (что ее будут мучить); *Člověk, který vydržel týrání a mučení gestapa (byl týrán a mučen gestapem)* 'Человек, который перенес тиранства и мучения в гестапо' (был замучен; его тиранили и мучили).

Морфологическая оформленность ОС как имени существительного делает невозможным категориальное выражение лица по способу личных глагольных форм. Однако невыраженность лица у ОС компенсируется синтаксически. Способы выражения субъекта носят, как правило, эксплицитный характер. Ср.: *Tento trest ho postihl pro velké vraždění Bavorů (Bavoři byli vražděni, on vraždil Bavoře)* 'Это наказание его постигло за великое избиение (убийство) баварцев' (он убивал баварцев). Здесь на субъект действия указывает винительный падеж личного местоимения *ho*, тогда как пациенс выражен родительным объекта при ОС. Ср. еще один пример с конструкцией, в которой субъект действия выраженного ОС, является подлежащим: *Existuje komise pro stíhání nacistických válečných zločinců (aby byli stíháni nacističtí zločinci)* 'Существует комиссия по поимке нацистских военных преступников' (чтобы были пойманы...).

Таким образом, как показал анализ различных типов конструкций с ОС, они способны передавать значение пассива. Отглагольные существительные, будучи по отношению к глаголу категорией периферийной, сохраняют значение действия и интенционную структуру МГ, благодаря чему они могут участвовать в организации синтаксических конструкций и моделей, способных выразить значение такой глагольной категории, как залог. Не обладая морфологическими средствами для выражения пассива, ОС участвуют в передаче пассивной перспективы с помощью лексических и синтаксических средств, т. е. передают значение грамматической категории залога некатегориальными средствами.

Сопоставление функционирования ОС в чешском и русском языках, а также сравнение с польским на основе эквивалентных переводов и их трансформ говорит о структурной и семантической близости изучаемых явлений (интенция глагольного действия, залог) при определенном расхождении в дистрибуции формальных средств их выражения (ср., например, способы выражения пассива, оформление категории возвратности и др.).

пишет: «Что касается стилового диапозона, то аналитические конструкции широко представлены в разговорной речи различных групп населения» [16, с. 88], и связывает употребление номинализованных конструкций с расширением номинативных средств в языке.

Сопоставительный анализ функционирования отдельных категорий, как указывает А. В. Бондарко, «подчеркивает специфику разных языков в соотношении категориальных и некатегориальных семантических элементов» [17].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. М., 1981, с. 154.
2. Ацаркина Т. А. Интенционная структура отглагольных существительных и их синтаксическое функционирование в чешском языке. — Вестник Московского университета. Филология, 1985, № 2, с. 33—41.
3. Pauliny E. Štruktúra slovenského slovesa. — In: Štúdiá lexikálno-syntaktická. Bratislava, 1943.
4. Бондарко А. В. Теория значения и трактовки категории залога. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 45—46.
5. Havránek V. Genera verbi v slovanských jazycích. Praha, 1928.
6. Mathesius V. Vyjadřování pasívní perspektivy v české větě. — In: Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, 1947.
7. Качала Я. О грамматической и семантической перспективе предложения. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 118.
8. Baláž G. Abstraktné deverbatíva v ruštině, slovenčine a češtine. — Sovětska jazykověda, 1954, № 4, s. 21.
9. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Т. II. Братислава, 1960.
10. Křížková H. K problematice podstatných jmen slovesných v ruštině v porovnání s češtinou. — Ruský jazyk, 1959, № 5, s. 201.
11. Elínek M. Podstatná jména slovesná s zvrátným zájmenem. — Naše řeč, 1963, № 5, s. 229.
12. Tokarski J. Czasowniki polskie. Warszawa, 1951.
13. Safarewiczowa H. Rzeczowniki «zwrotne» w języku polskim. — Język polski, 1954, № 5, s. 332—348.
14. Зимек Р. Понимание пассивной перспективы предложения в чешской лингвистике. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978, с. 87.
15. Leška O. K otázce tzv. transpozice. — In: Ruskó-české studie. Praha, 1960, s. 43—46.
16. Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта. — В кн.: Синтаксис и стилистика. М., 1976, с. 82—92.
17. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978, с. 149.

АНДЕРШ И. Ф.

БЕСПОДЛЕЖАЩИЕ СТРУКТУРЫ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С УКРАИНСКИМ

Сопоставительно-типологическое описание языков должно опираться на четкую систему единиц, выделяемых на различных языковых уровнях. На синтаксическом уровне такой единицей следует считать модель (схему) предложения [1; 2 и др.], представляющую собой минимальную синтаксическую структуру, по образцу которой образуются элементарные, но достаточные в структурном и информативном отношении конкретные предложения-высказывания. При этом количество и качество конституирующих модель предложения компонентов должно определяться с учетом валентно-интенционных свойств глагола, выступающего в роли предиката, что позволяет включать в ее состав не только главные члены предложения, но и различные детерминанты.

Функционируя в речи, отдельные компоненты (позиции) модели предложения как единицы системы языка могут реализоваться или не реализоваться. Нереализованность той или иной функциональной позиции ведет к модификации модели, которая может быть потенциальной, реверсивной или неподлежащей. Потенциальная модификация связана с незамещением позиции подлежащего или детерминантов (ср.: *Он пишет роман* → *Пишет*). При реверсивной модификации позиция подлежащего сохраняется, но агент из нее устраняется (ср.: *Ученый создал теорию* → *Теория создана ученым*). При неподлежащей модификации позиция подлежащего устраняется вообще, а предикат начинает выражать действие как «замкнутый в самом себе процесс» [3, с. 746] (ср.: *Ветер сорвал крышу* → *Ветром сорвало крышу*).

Объектом данного исследования являются неподлежащие модифицированные структуры в современном чешском литературном языке в сопоставлении с украинским. Цель исследования — не только выявить и описать эти структуры, но и показать их типологическое своеобразие в обоих близкородственных языках.

В зависимости от характера оформления предиката в современных чешском и украинском литературных языках можно выделить три типа неподлежащих модификаций: 1) модификация, при которой глагол-предикат не видоизменяется; 2) модификация, при которой глагол-предикат приобретает рефлексивную форму и 3) модификация, при которой глагол-предикат приобретает форму на *-no, -to*.

1. Исключение именительного подлежащего из состава конститутивных компонентов структурной модели имеет следствием то обстоятельство, что глагол-предикат теряет способность к согласованию с выраженным или потенциальным подлежащим и приобретает так называемую безличную форму, т. е. форму, которая совпадает с 3-м лицом единственного числа среднего рода¹, ср.: *V lese vonělo trávou. U lici našlo travou. — Kluka mrazilo. Хлопця морозило.* ■

¹ Такую форму имеют также глаголы, на базе которых образуются односоставные немодифицированные структуры типа: *Svitá. Ceimae* и др.; в этой работе они не рассматриваются.

Данная модификация связана со следующими превращениями двусоставных структурных моделей в односоставные²: Sn — Vf — Adv → Vf imp — Adv: *V kamnech zahučelo. У грubi загуло; Sn — Vf — Sd — Adv → Vf imp — Sd — Adv: Ve hlavě tu hučí. У голові йому гуде; Sn — Vf — Sa — Adv → Vf imp — Sa — Adv: Píchá mě v očku. Мене коле в боці; Sn — Vf — Si → Vf imp — Si — Adv: V pokoji vonělo šerikem. У кімнаті пахло бузком; Sn — Vf — Sa → Vf imp — Sa — Si: Ovanulo ho vůní šeríku. Його обвіяло запахом бузку; Sn — Vf → Vf imp — Sg: Ubývá vodu. Вода убыває; Sn — Vf — Sa → Vf imp — Sa: Mrazí mě. Мене морозить и др.*

Хотя приведенные модифицированные структуры представлены как в чешском, так и в украинском языках, однако сферы распространения их в этих языках не совпадают. В частности, бросается в глаза ограниченность их употребления в чешском языке, в котором отдается предпочтение или двусоставным предложениям с формальным подлежащим, выраженным местоимениями *to, něco, cosi*, ср.: *V stroji to hrklo. — V prsou mi něco kamení. — V rodině to nějak neharmonuje. — Zabilo ho to. — Cosi tu škublo v koutcích úst* и др. (украинский язык также знает конструкции этого типа, ср.: *У моторі щось тріснуло. — Щось блиснуло в його очах. — Щось тихо застогнало поміж деревами* (М. Стельмах) и др., но они употребляются в нем значительно реже, чем в чешском), или двусоставным конструкциям с подлежащим, выраженным знаменательным словом, ср.: *Najednou (acetylka) zhasla, fouk do ní vítr ze stoly* (М. Majerová). *Pantom вона згасла, задуло вітром із штольні. — ...Vznášel jsem se jako anděl* (М. Majerová). *...Мене понесло в повітрі, мов ангела* и др.

Ниже мы представим краткую характеристику каждой из этих модифицированных моделей.

Структурная модель Vf imp — Adv

В данной модели конститутивным компонентом является обстоятельство, которое имеет значение локализатора действия. Например: *V zahradě pustlo. — V horách zahučelo. — V kamnech vyhaslo. — Z pece čadilo. — Z kuchyně dýmalo. — Ze střešch crčelo. — Dělal jako čert, až se z něho kouřilo* (J. Kozák); *У казанку булькало. — У кущах зашелестіло. — У небі загурило. — З труби чаділо. — Зі стріхи капало* и др.

Конститутивность (обязательность) компонента Adv в этой модели объясняется тем, что он воспринимается в некоторой степени в качестве носителя предикативного признака, компенсируя отсутствие номинативного подлежащего; об этом свидетельствует возможность превращения вышеуказанных предложений в двусоставные, ср.: *Zahrada pustla. — Kamna vyhasla. — Pec čadila; Казанок булькає. — Труба чаділа* и т. д. В тех случаях, когда односоставные предложения превращаются в двусоставные с помощью формальных подлежащих-местоимений *to, něco, cosi; щось*, компонент Adv теряет свою способность восприниматься в качестве носителя предикативного признака, приобретая чисто обстоятельное значение, ср.: *V zahradě to pustlo; У казанку щось булькало* и др.

Структурная модель Vf imp — Sd — Adv

Анализируемая модель отличается от предыдущей наличием компонента Sd (синтаксического имени существительного в форме дательного падежа), который обозначает человека. Его наличие обусловлено тем, что выраженное безличным глаголом действие локализуется в каком-либо орга-

² Используемые символы:

Adv	обстоятельство
Inf	неопределенная форма глагола
Sn, Sg, Sd, Sa, Si, Sl	синтаксическое существительное в форме именительного, родительного, дательного, винительного, творительного, предложного падежа
Vf	личная форма глагола
Vf imp	безличная форма глагола
Vf imp cop -no, -to	безличная форма глагола на -no, -to
Vf imp refl	безличная рефлексивная форма глагола.

не, принадлежащем человеку, ср.: *Louplo mi v koleně.* — *V prsech mi hrčelo.* — *Cuká mi v oku.* — *Dloube mi v boku.* — *Hvízdalo mi v krku.* — *Kručí jí v břiše.* — *Problesklo mi v hlavě.* — *Najednou se jí prudce rozsvítilo v očích...* (J. Kozák). — *V očích se jí čtverácky zalesklo* (J. Kozák) и др. Образованные по этой модели предложения выражают «физические ощущения человека, которые в своем протекании не зависят от его воли» [4, с. 246]. Кстати, некоторые из них также можно превратить в двусоставные конструкции, в которых локализатор действия передвигается в позицию номинативного подлежащего (Sn), ср.: *Kručí jí v žaludku* → *Žaludek jí kručí.*

В украинском языке большинство предложений этого типа возникает по модели Vf imp — y/v Sg — Adv, ср.: *У мене хруснуло в коліні.* — *У грудях у нього харчало.* — *У неї смикає в оці.* — *У мене коле в боці.* — *У нього в горлі свистить.* — *У животі в нього бурчить* и др., и меньшая часть — по модели Vf imp — Sd — Adv, ср.: *В голові йому немов світало, а на скупі полягала вага безнадійності* (М. Коцюбинський) и др. Компоненты y/v Sg и Sd могут в украинских предложениях опускаться, т. е. быть потенциальными, ср.: *У вухах свистіло, а земля під ногами м'яко пружинила* (В. Козаченко). — *В голові немов світало* и др.

По модели Vf imp — Sd — Adv могут образовываться (преимущественно в чешском языке) также предложения, в которых выражается отношение исполнителя действия к действию, ср.: *Pracovalo se nám dobře.* — *Spalo se nám výborně* и др. Общим для обоих типов предложений является то, что в них компонент Sd характеризуется как носитель состояния. Вместе с тем между ними существуют и некоторые отличия, и касаются они главным образом оттенков в семантике дательного падежа лица. В предложениях типа *Pracovalo se nám dobře* на семантику носителя состояния наслаивается оттенок агентивности: лицо, которое ощущает определенные физические и психические изменения, является одновременно и исполнителем действия, о чем свидетельствует возможность трансформации односоставных конструкций с Sd в двусоставные с Sn, ср.: *Spalo se výborně* → *Já jsem spal výborně.* Напротив, в предложениях типа *Hvízdalo mi v krku* присутствует оттенок посессивности: место, в котором «протекает» действие, представляет собой какой-либо орган или часть тела человека, а это означает, что между ним и нею и человеком существует реальное отношение принадлежности; об этом свидетельствует возможность превращения компонента Sd в чисто посессивное средство — притяжательное прилагательное (местоимение) или родительный падеж существительного, ср.: *V uších mi šumělo* → *V můch uších šumělo.* Поэтому дательный падеж лица в одних предложениях необходимо характеризовать как падеж агентивного носителя состояния, а в других — как падеж посессивного носителя состояния.

Оттенок посессивности (в комбинации с другими семантическими оттенками) может быть присущ компоненту Sd и в двусоставных предложениях, где он обозначает лицо, в связи с которым или относительно которого происходит действие, затрагивающее органы или части тела человека или предметы его собственности (принадлежности), например: *Někdy se při našich návštěvách oči Evě měnily v mlčenlivé a hluboké neproniknutelné tůně* (J. Kozák) → *Někdy se ... oči Evy měnily v mlčenlivé a hluboké neproniknutelné tůně.* — *Jindřiško, ten kluk vám jednou z toho gauče spadne!* (S. Rudolf) → *Jindřiško, ten váš kluk jednou z toho gauče spadne!* и др. Этот тип двусоставных глагольных предложений хорошо известен и в украинском языке, ср.: *Циков пересів на канапу, поклав йому на плече руку...* (Д. Бедзик) → *Циков пересів на канапу, поклав на його плече руку.* — *І слава мені груди лоскотить* (В. Симоненко) → *І слава мої груди лоскотить* и др.

Оттенок носителя состояния несколько ослабляется и, наоборот, оттенок притяжательности несколько усиливается в дательном посессивного носителя состояния в тех случаях, когда он вступает в посессивные связи с наименованиями предметов собственности или принадлежности лица, ср.: *Teče tu do pokoje* (→ *Teče do jeho pokoje*). — *Nateklo tu do bot* (→ *Nateklo do jeho bot*). — *Cuká tu v ráně* (→ *Cuká v jeho ráně*).

Предложения, образованные по этой модели, выражают физическое состояние лица, которого представляет компонент Sa; компонент Adv обозначает орган или часть тела человека, в котором или в которой локализуется действие. Например: *Pálí mě v krku. Пече мене в горлі.— Pícha mě v boku. Коле мене в боці* и др.

При трансформации этих предложений в двусоставные локализатор действия может передвигаться в позицию номинативного подлежащего, ср.: *Pálí mě v krku → Pálí mě krk. Пече мене в горлі → Пече мене горло.*

В украинском языке с компонентом Sa успешно конкурирует синонимичная ему аналитическая конструкция *y/v Sg*, ср.: *Коле мене в боці ↔ Коле у мене в боці*. Именно эта конструкция употребляется чаще всего при переводе соответствующих чешских предложений, ср.: *Loupe ho v kříži. У нього коле в попереку/У нього коле в крижах/У нього коле поперек/У нього колят крижі.— Pabolívá mě v krku. У мене поболую в горлі/У мене поболую горло.— Pálilo ho v očíh. У нього пекли очі* и др. Но: *Vodlo ho i srdce. Йому колынуло в серце.*

В чешском языке компоненты Sa и Adv являются обязательными (в исключительных случаях может опускаться лишь Adv, ср.: *Loupe ho v kříži → Loupe ho*). В украинском же языке как позиция Sa (или *y/v Sg*), так и позиция Adv могут быть потенциальными, т. е. не замещаться, ср.: *О, Україно! Сонце волі! Від ран твоїх мене болить (П. Тичина).— Вова біг, доки не почало колоти в боці (О. Копиленко)* и др.

Анализируемая модель пребывает частично в синонимических отношениях с *Vf imp — Sd — Adv*, ср.: *Louplo mě v zádech ↔ Louplo mi v zádech.— Brní ho v noze ↔ Brní mi v noze.— Zebe mě do nohou → Zebe mi v nohou.— Píchlo ji u srdce ↔ Píchlo jí u srdce*. Вместе с тем, между обоими типами предложений есть определенное смысловое отличие, обусловленное различием между винительным и дательным падежами имени существительного как таковыми: первый оформляет название лица, которое непосредственно и полностью охватывается действием (состоянием), а второй — название лица, в связи с которым состояние только мыслится. Кроме того, в грамматическом плане винительный падеж имени существительного (местоимения) связан только с глаголом, а дательный — как с глаголом, так и с именем, обозначающим орган или часть тела человека. Экспериментально это подтверждается тем, что, например, из двух предложений *Loupe mě v kříži* и *Loupe mi v kříži* первое будет понятным, если в нем пропустить компонент *v kříži* (ср.: *Loupe mě*), а второе — нет (ср.: **Loupe mi*), потому что компоненты *mi* и *v kříži* представляют собой единый possessивный комплекс, при разрыве которого высказывание становится грамматическим неотмеченным.

Структурная модель Vf imp — Si — Adv

По данной модели образуются предложения, в которых Adv обозначает источник действия, а Si — локализатор действия. В позиции предиката таких предложений выступают, как правило, переходные глаголы со значением «пахнуть», «вонять», «веять», «дуть» и т. п., например: *V kuchyni vonělo skořici.— Ve sklepe páchne vlhket.— Z luk zavanulo vůní; У спальні запахло одеколоном.— З моря повіяло свіжістю.— З річки подуло холодним вітром* и др.

Позиция локализатора действия (Adv) может не замещаться, т. е. быть потенциальной, ср.: *Zavanulo vůní; Запахло грозою*. В украинских предложениях может опускаться также и компонент Si, ср.: *З вікна дме.— Від моря дуг*. Особенностью чешских предложений является то, что в них изредка может присутствовать компонент Sd (ср.: *Z úst jí páchlo mlékem*), а партиципant источник действия — выражаться не только Si, но и *po Sl* или *od Sg* (ср.: *Z úst jí páchlo po mléku/od mléka.— V kuchyni vonělo po skořici/od skořice*). В украинском языке компонент Si пребывает в синонимических отношениях с *від Sg*: *У спальні запахло одеколоном/від одеколону*.

Анализируемые предложения соотносятся с двусоставными конструкциями двух типов, а именно: конструкциями, образованными по модели *Sn — Vf — Si*: *Kuchyně voněla skořici.— Louky zavanuly vůní; Спальня*

запахла одеколоном.— Море повіяло свіжістю и др. (в позиции подлежащего выступает локализатор действия), и конструкциями, в основе которых лежит модель Sn — V_f — Adv: *V kuchyni voněla skořice.— Z luk zavavula vůně; У спальні запах одеколону.— З моря повіяла свіжість* и др. (в позиции подлежащего выступает источник действия).

В сопоставительном плане отметим, что односоставные предложения, образованные по образцу данной модифицированной модели, употребляются чаще в украинском языке, чем в чешском, причем в украинском они являются более распространенными, чем соотнесенные с ними немодифицированные двусоставные конструкции. В чешском языке, наоборот, шире употребляются двусоставные предложения, которыми и переводятся преимущественно украинские односоставные конструкции, ср.: *З річки повіяло вітерцем. Od řeky zavavul vůněk.— Від нього несло табаком. С рѣл з нѣго табák* и др.

В чешском языке известны (хотя и в ограниченном масштабе) предложения типа: *V sále zvonilo číšemi.— V místnosti se hemžilo lidmi* и др., в позиции предиката которых могут выступать как нерелексивные, так и некоторые релексивные глаголы, употребленные безлично. Их также можно преобразовать в двусоставные конструкции, ср.: *V sále zvonilo číšemi → Sál zvonil číšemi/V sále zvonily číše/V sále zvonilo číšemi.— V místnosti se hemžilo lidmi → Místnost se hemžila lidmi/V místnosti se hemžili lidé/V místnosti se to hemžilo lidmi*; в позицию подлежащего попадает при этом исполнитель или локализатор действия или неопределенное местоимение *to*. На украинский язык такие односоставные предложения переводятся, как правило, двусоставными структурами, ср.: *Зал дзвенів бокалами/У залі дзвеніли бокалами.— Приміщення кишіло людьми/У приміщенні кишіли люди* (хотя возможно и: *У приміщенні кишіло людьми*; ср.: *Навколо неї кишіло людьми*) (М. Томчаний).

Структурная модель Vf imp — Sa — Si

В этой модели компонент Vf imp обозначает физическое действие, Si — исполнителя физического действия, Sa — лицо, в котором действием вызываются определенные физические ощущения. Чаще всего позиция безличного предиката замещается глаголами типа: *ovanout, ovát, ofouknout, polit, roztžást; обдати, обвіяти, обдуть, обсипати, облити* и др., а позиция Si — именами существительными типа: *vítr, zima, chlad, horko, vzduch, pot; вітер, холод, дощ, сніг, студінь, холодок* и др. Например: *Oválo ji větrem.— Polilo ho potem.— Roztžáslo ji chladem.— Ovanulo ho teplým vzduchem; Мене враз обдало жаром і холодом* (Ю. Збанацький).— *Іх обвіяло холодком.— Його обдало вітром.— Сергія аж морозом пройняло* (Г. Коцюба) и др.

От исходной модели Sn — Vf — Sa модель Vf imp — Sa — Si отличается тем, что в ней исполнителя действия оформляет не именительный падеж, а творительный. Следствием такой формальной перестройки является то, что исполнитель действия, переходя из независимой позиции Sn в зависимую Si, несколько теряет свою активность³, приобретая дополнительные семантические оттенки инструментальности и причины.

В украинском языке, в отличие от чешского, возможны преобразования типа: *Осколок поранив батька → Батька поранило осколком.— Хвиля відкинула його → Його відкинуло хвилею.— Вода затопила долину → Долину затопило водою* и др. При этой трансформации происходят формальные и семантические изменения. Основное формальное изменение состоит в том, что предикат получает безличную форму, а именительный подлежащего преобразуется в творительный дополнения. В семантическом отношении модифицированные предложения отличаются от исходных тем, что в них действие мыслится безлично, а агент имеет характер демиактивного исполнителя действия с оттенком инструмента.

Хотя рассматриваемая модификация представлена в украинском языке достаточно широко, она все-таки связана с определенными ограниче-

³ Преобразование двусоставных предложений в односоставные, при котором ослабляется активность исполнителя действия, иногда называют демиактивным [5, с. 69].

ниями. В частности, преобразованию подлежат только те исходные предложения, в позиции подлежащего которых выступают имена существительные, обозначающие неодушевленные предметы (чаще всего ими бывают *ветер, дождь, вода, молния* и др. «обозначения какой-либо стихийной, естественной или фатальной силы» [5, с. 129]), а в позиции предиката — глаголы с семантикой активного влияния на пациента (*ударити, розбити, вибити, розтроцити, залити, засипати, вбити, поранити* и др.). Позиция *Si* не реализуется, т. е. становится потенциальной, ср.: *Замело і ліси і степи...* (І. Нехода). — *Під час нападу німецької авіації на госпіталь Шуру поранило* (О. Гончар) и др.

Эквивалентами этих односоставных предложений в чешском языке являются двусоставные активные и пассивные конструкции, ср.: *Підвал залило водою. Sklep zaplavila voda.* — *Небо заволокло димом. Nebe zahalil kouř/Nebe se pokrylo kouřem.* — *Місток віднесло водою. Voda odnesla lávku/Lávka byla odnesena vodou.*

Структурная модель Vf imp — Sg

Обязательным компонентом этой модели является компонент Sg, т. е. синтаксическое существительное в форме родительного падежа: *Napadlo krup.* — *Připadalo sněhu.* — *Přibývalo žáků.* — *Ubývá vody.* — *Nebylo práce; Napadalo snígu.* — *Прибуло води.* — *Убуло запасів* и др.

Анализируемые предложения соотносятся с двусоставными конструкциями, в основе которых лежит структурная модель Sn — Vf, ср.: *Kroupy padaly* → *Napadlo kroup;* *Sníg napadal* → *Нападало снігу.* — *Запаси убули* → *Убуло запасів.* Отличие между ними состоит в том, что «безличная конструкция воспринимается на фоне личной, как особый вариант, связанный с большей неопределенностью, абстрактностью того понятия, которое могло бы быть подлежащим» [6].

При трансформации двусоставных предложений в односоставные именительный падеж преобразуется в родительный, а предикат приобретает форму 3-го лица ед. числа среднего рода, т. е. такую же форму, как и в безличных предложениях. Компонент Sg можно квалифицировать как родительный партитивный или родительный отрицательный. Однако в обоих случаях ему присущ семантический оттенок партитивности: родительный партитивный сигнализирует частичное участие в действии, а родительный отрицательный — нолевое участие в действии (что можно рассматривать как крайний случай партитивности [7, с. 113]).

Количество глаголов, которые способны выступать в роли безличного предиката конструкций с родительным партитивным, очень ограничено; собственно, речь идет о глаголах типа *přibývat, ubývat, napadat, připadat; przybuvat, ubuvat, napadati* и некоторых других, которые имеют значение увеличения или уменьшения в количестве, в объеме, в размере и т. п., например: *Vody stále přibývá* («Rudé právo»). — *K večeru napadlo sněhu* (J. Kozák); *Антоніна гребла, вибиваючись з сили, а вода в човні прибувала* (О. Довженко). — *Нехай побесідують люде, Досхочу медку поїдять, У мене його не убуде ...* (І. Манжура). — *Як по-вашому, коли отак багато снігу нападало, на врожай це чи не на врожай?* (О. Вишня) и др.

В конструкциях с родительным отрицательным предикат выражается главным образом личным бытийным глаголом, который в чешском языке имеет безличное отрицательное значение в настоящем, прошедшем и будущем времени, а в украинском — только в прошедшем и будущем, а также глаголами типа *nezbýt, nezůstat, neminout, nechybět; не існувати, не проходити, не минати, не залишатися, не достатися* и некоторыми другими лексемами того же типа, например: *Nebylo podvodů; každý si pokládal za čest, že má zapláceno* (M. Majerová). — *Po kole nezůstalo ani stopy; Не було і не буде воєню і заліза, Які владні спалити, звалити мій стяг* (М. Нагнибіда). — *Сьогодні ... доведеться, мабуть, збігати на базар двічі, бо з'їли чисто все, що було вдома, і на кухні не зосталося й крихти* (Ю. Смолич).

В украинском языке предложения этого типа встречаются очень часто. В современном же чешском литературном языке, в отличие от украинского, рассматриваемая модель с отрицательным Sg малопродуктивна [8].

Конститутивным компонентом этой модели является винительный падеж имени существительного или местоимения. В чешском языке она служит образцом для образования предложений, которые выражают физическое или психическое состояние человека: *Mraží mě.* — *Svírá ho.* — *Bolí ho.* — *Dusí ho.* *Štípalo ho.* — *Srbělo ho.* — *Loupe ji.* — *Píchá ho* и др. В украинском языке функциональные возможности данной модели значительно шире, чем в чешском; в частности, в нем представлены не только предложения типа *Мене морозить.* — *Його нудить.* — *Хлопця струсонуло* и др., но и такие конструкции, как *Cycida вбило.* — *Греблю прорвало.* — *Машину перекинуло* и др., в которых предикат выражает активное действие, а компонент Sa — объект этого действия. На чешском языке последние переводятся двусоставными структурами, ср.: *Cycida вбило.* *Souseda to zabil/Soused se zabil/Soused byl zabit.* — *Греблю прорвало.* *Hrás to protrhlo/Hrás se protrhla/Hrás byla protržena.* — *Машину перекинуло.* *Vůz to převrátilo/Vůz se převrátil/Vůz byl převrácen.*

Структурная модель Vf imp — Si

По этой модели, в которой зависимый компонент имеет форму творительного падежа имени существительного или местоимения, образуется всего несколько чешских предложений: *Škublo jím.* — *Janem trhlo* и др. На украинский язык они переводятся конструкциями с компонентом Sa: *Його сипонуло.* — *Яна пересмикнуло.*

2. В ряде случаев преобразование двусоставных структурных моделей в односоставные сопровождается приобретением глаголом-предикатом рефлексивной формы. При этом компонент Sn может трансформироваться в Sd или устраниться вообще из состава модифицированной структуры. В семантическом отношении речь идет о двух типах модификаций: а) модификации, при которой выражается отношение исполнителя действия к действию, причем исполнитель (чаще всего лицо) «участвует в действии непроизвольно, „со стороны“, выступая, скорее, носителем предрасположения к действию» [9], например, *Píše se mi dobře.* *Пишеться мені добре* и др., и б) модификации, при которой выражается «само действие как таковое» [9], например: *O tom se mluvilo.* *Про це говорилося* и др. Первую модификацию, при которой передается отношение исполнителя действия к действию (т. е. выражается значение носителя предрасположенности к действию) можно назвать диспозиционной, а вторую, при которой такое отношение не передается, — действенной [7, s. 71].

2а) Диспозиционная модификация.

При диспозиционной модификации двусоставные глагольные предложения преобразуются в такие односоставные, в основе которых лежат структурные модели Vf imp refl — Sd — Adv и Vf imp refl — Sd (они отличаются наличием / отсутствием компонента Adv).

Структурная модель Vf imp refl — Sd — Adv

По этой модели образуются предложения, в составе которых есть дательный падеж синтаксического существительного и качественное наречие; существительное, обозначая лицо, исполняет роль дополнения, наречие — обстоятельства. Например: *Synovi se žije špatně.* *Живеться сину погано.* — *Dýchá se mi lehce.* *Дихається мені легко.* — *Spí se jí dobře.* *Спиться їй добре* и др.

Хотя обе зависимые позиции в данной модели являются конститутивными, однако в определенных речевых ситуациях они могут не замещаться, т. е. быть потенциальными. В частности, компонент Sd опускается тогда, когда действие имеет обобщенный характер и касается всех людей или любого человека, ср.: *Ve městě se žij dobře.* *У місті живеться добре.* — *Tady se dýchá lehce.* *Тут дихається легко.* Носителя предрасположенности к действию можно всегда вербализировать в таких предложениях с помощью существительных *lidem, člověku; людям, людині, чоловіку*, ср.: *Ve městě se lidem/člověku žije dobře.* *У місті живеться людям/людині добре.* Интересно отметить, что при отсутствии компонента Sd обстоятельство места (*ve městě, tady; у місті, тут*) приобретает статус конститутивности, ср.: *За переправу полегшено зітхнулось* (О. Гончар).

Что касается компонента Adv, то он может опускаться в эмоционально окрашенных высказываниях, в которых качественная характеристика сигнализируется имплицитно семантикой самого глагола-предиката и интонацией, ср.: *Jim se žije! Ём живеться!* Качественный компонент всегда можно вербализировать с помощью качественных наречий, ср.: *Jim se žije dobře/výborně/krásně. Ём живеться добре/гарно/прекрасно.*

В тех случаях, когда позиция Sd не реализуется, диспозиционные предложения могут совпадать формально с действительными, ср.: *Hrálo se dlouho* и *Hrálo se dobře*. Однако оба вида этих предложений, благодаря разному характеру наречий, воспринимаются однозначно и легко разграничиваются: первые выражают само действие как таковое, что подтверждается возможностью трансформации их в двусоставные активные конструкции типа: *Hráli jsme dlouho. — Jeli jsme pomalu*, а вторые характеризуются наличием потенциальной позиции носителя предрасположенности к действию, о чем свидетельствует возможность преобразования их в структуры типа: *Hrálo se nám dobře. Jelo se nám krásně*. Правда, изредка оба вида модифицированных предложений (диспозиционных и действительных) могут восприниматься неоднозначно; это бывает тогда, когда в позиции Adv этих предложений выступает одно и то же качественное наречие, но с различными семантическими оттенками. Например, фразу *Pletlo se dobře* можно понять и как *Pletli jsme dobře*, и как *Pletlo se nám dobře*.

Диспозиционные предложения лучше представлены в чешском языке, чем в украинском. В украинском языке с ними довольно успешно конкурируют синонимичные им конструкции с инфинитивом, ср.: *Живеться нам погано* и *Жити нам погано. — Дихається їм важко* и *Дихати їм важко*. Кстати, последние могут быть использованы в качестве одного из эквивалентных средств при переводе на украинский язык соответствующих чешских диспозиционных предложений. Например: *Chodí se mi v nich dobře. Ходиться мені в них добре/ Ходити мені в них добре. — Těžko se tomu věřilo. Важко в це вірилось/Було важко в це повірити* и др.

Структурная модель Vf imp refl — Sd

Данная модель отличается от предыдущей отсутствием в ней конститутивной позиции для качественного наречия. Она хорошо представлена в украинском языке, например: *Учням не працювалося. — Хлопцєві не читалось. — Мені не лежиться* и др. (компонент Sd, обозначающий носителя предрасположенности к действию, может в этих предложениях опускаться). В чешском языке известны лишь предложения: *Říhá se mi. — Kому se nelení, tomu se zelení* и некоторые др. (компонент Sd — обязательный).

В составе предложений, в основе которых лежит анализируемая модель, могут выступать также дополнения и обстоятельства, имеющие конститутивный или факультативный характер, например: *Про це нам навіть не мріялося. — Йому думалось про наречену. — Дома хлопцям не сиділось; О том се ти ani nesnilo. — Zastesklo se jí po vlasti*⁴ и т. д. Кроме того, предикат может усложняться модальным глаголом *chtít; xomíti* и реализоваться в виде аналитической конструкции «*chtít; xomíti* + инфинитив», ср.: *Nechtělo se mi jít. Mení ne хотілось їсти. — Nechtělo se mi dělat. Mení ne хотілось працювати*. В речи инфинитив может опускаться: *Nechtělo se nám domů. Нам не хотілось додому*. Кстати, чешские предложения с аналитическим предикатом можно использовать при переводе украинских конструкций типа: *Mení ne працюється. Nechce se mi pracovat. — Її снівалось. Chtělo se jí zpívat* и т. п.

В обоих языках предложения, образованные по рассматриваемой модели, усложненной или неусложненной факультативными или конститу-

⁴ Приводя подобное предложение (*Zastesklo se mu po dětech*), М. Грепл считает, что в нем речь идет «не о рефлексивной форме глагола, а о рефлексивном глаголе» [7, с. 92]. Однако это не совсем так, что подтверждается возможностью трансформации: *Zastesklo se mu po dětech* → *Zasteskl (si) po dětech*.

тивными дополнениями или обстоятельствами, чаще всего употребляются в отрицательном виде. При этом интересно отметить, что в тех случаях, когда предикат выражает психические действия, а не физические, семантическое отличие между модифицированными и немодифицированными предложениями минимально, ср.: *Йому мріялось про нові зустрічі/Він мріяв про нові зустрічі* и *Мені не працювалось/Я не працював*. Наверное, это объясняется тем, что в семантическом отношении партиципаны, которых обозначают соответственно компоненты Sd и Sn, при психических действиях характеризуются почти одинаково (как носитель состояния), а при физических эта характеристика является несколько отличной: признак носителя состояния (т. е. носителя предрасположенности к действию) преобладает в квалификации партиципанта, которого сигнализирует дательный падеж, в то время как партиципаны, которого сигнализирует именительный, выступает как агенс.

2б) Действенная модификация.

Действенная модификация связана с таким преобразованием двусоставных структурных моделей в односоставные, при котором позиция подлежащего ликвидируется, а глагол-предикат, приобретая рефлексивную форму, начинает выражать обобщенное действие, ср.: *Chlapci čakali na Jana → Čekalo se na Jana.* — *Kolchozníci počítali s nepohodou → Počítalo se s nepohodou.*; *Vystupujúci говорили про це на зборах → Про це говорилося на зборах.* — *Автори нагадували про це в передмові → Про це нагадувалось у передмові* и др.

Основное отличие между украинскими и чешскими действительными предложениями состоит в том, что в первых можно употребить факультативно компонент Si со значением агенса, а во вторых — нет, ср.: *Про це нагадувалось авторами в передмові* и **Čekalo se chlapci na Jana*. Вместе с тем действенная модификация не получила в украинском языке такого большого распространения, как в чешском; это объясняется тем, что в украинском языке для устранения позиции подлежащего (Sn) из состава конститутивных компонентов двусоставной структурной модели и превращения ее в односоставную используется чаще всего неопределенно-личная модификация, ср.: *Про це говорили на зборах.* — *Стріляли з усіх боків* и др.⁵

В чешском языке переход двусоставных предложений в односоставные конструкции этого типа происходит часто; это объясняется тем, что в нем рефлексивная форма образуется практически от любого глагола, включая модальные глаголы *moci, mít, smět, musít/muset*. При этом анализируемая модификация реализуется как в случаях, когда исполнитель действия не известен говорящему, так и тогда, когда он является вполне конкретным лицом или лицами, например: *O tom se ještě dodnes vypravuje/O tom ještě dodnes vypravují/Lidé o tom vypravují ještě dodnes/Všichni o tom vypravují ještě dodnes.* — *(Včera jsme byli v restauraci.) Tam se pilo a jedlo/Tam jsme pili a jedli.* — *Brzy ráno se jede do Prahy/Brzy ráno jedu do Prahy.* — *Tady se může stát/Tady můžete stát* и др.

С формальной точки зрения можно выделить две разновидности действительных структурных моделей: модель без конститутивных детерминантов (Vf imp refl) и модель с конститутивными детерминантами (дополнениями и обстоятельствами).

Модель Vf imp refl представлена только в чешском языке, например: *Hrálo se.* — *Jelo se.* — *Šlo se.* — *Troubilo se a bubnovalo se.* — *Pilo se a jedlo.* — *Flamuje se* и др.

Модифицированная модель с дополнениями и обстоятельствами как конститутивными компонентами, обусловленными семантической относительностью глагола-предиката, функционирует в обоих языках, ср.: *Necítilo se za exotismem* (J. Сарек); *За веселим законом життя й моці народного духу говорилося й співалося про веселе й радісне і про найдужче, що так щедро виявлялося в радянській людині в ці полум'яні літа* (О. Дов-

⁵ Ср.: «В украинском и русском языках для выражения деятельности неопределенного агенса преобладает конструкция с невозвратным глаголом в 3-м лице мн. числа, в чешском — с возвратным глаголом в 3-м лице ед. числа» [10, s. 35].

женко). В роли дополнения могут выступать разные падежные и предложно-падежные формы. Правда, употребление винительного падежа в качестве дополнения в украинском языке очень ограничено (например: *Готувалося два гусаки, молоденьке поросля, пироги з яблуками, холодець, кисіль, качки...* (І. Микитенко)⁶), а в чешском оно «единично и носит отпечаток нелитературного употребления» [3, с. 749]: (*Nemá rád, když se ho burcuje. — Vybíralo se nějaký byt. — (I) kdybys to stokrát udělal, tedy se m'čí a nezatahuje se do toho kamarády.*

В роли конститутивных обстоятельств, которые распространяют модель Vf imp refl, превращая ее тем самым в структуру Vf imp refl — Adv, выступают преимущественно качественно-количественные наречия типа *rychle, pomalu, vydatně, vášnivě, odvázně* и др., например: *Jelo se pomalu. — Dlouho se čekalo. — O tom se debatovalo vášnivě. — V této restauraci se vydatně jí. — Tam se pilně pracuje*⁷.

3. Ликвидация позиции подлежащего может иметь следствием такое преобразование двусоставных структурных моделей в односоставные, при котором глагол-предикат приобретает безличную форму на *-no*, ср.: а) Sn — Vf — o Sl/npo Sa → Vf imp cop *-no, -to* — o Sl/npo Sa: *Vedení o tom už rozhodlo* → *O tom už bylo rozhodnuto. — Учитель забыв про це* → *Про це було забуто*; б) Sn — Vf — Sd — na Sa → Vf imp cop *-no, -to* — Sd — na Sa: *Kolegové připili tátovi na úspěch* → *Bylo připito tátovi na úspěch. — Майстер указав учневі на недолики* → *Учневі було вказано на недолики*; в) Sn — Vf — Sd — Inf → Vf imp cop *-no, -to* — Sd — Inf: *Otec tu dovolil se posadit. — Было ту дозволено се посадит. — Командир наказав йому стояти* → *Йому було наказано стояти* и др.

В семантическом отношении модифицированные предложения отличаются от исходных тем, что в них исполнитель действия не получает эксплицитного выражения, поскольку он неизвестен говорящему или говорящий не желает конкретизировать его. Этот семантический признак (неопределенность, неочерченность агенса) рассматриваемых предложений «сближает их с неопределенно-личными предложениями и делает вполне возможным вопрос кем?» [4, с. 251]. Правда, изредка (только в украинском языке) исполнитель действия (агенса) может эксплицитроваться в форме творительного падежа имени существительного или местоимения, ср.: *...МРІІ було мобілізовано кардиналом і кинуте на першу лінію оборони* (Я. Галан)⁸.

В обоих языках предикативные формы на *-no, -to* образуются чаще всего от глаголов совершенного вида (например: *Bylo dosaženo dobrých pracovných výsledků; План і соціалістичні зобов'язання було виконано*), однако они возможны и от несовершенных глаголов (ср.: *Je na to pamatováno; Про це казано не раз*), хотя это и «довольно редкостное явление» [14].

Основное различие между чешскими и украинскими предикативными формами на *-no, -to* состоит в том, что первые, в отличие от вторых, не способны управлять винительным падежом имени существительного или местоимения; украинским односоставным предложениям с предикативной формой на *-no, -to* и прямым дополнением, оформленным винительным падежом, в чешском языке соответствуют в большинстве случаев двусоставные пассивные конструкции, ср.: *Knihu napsáno. Kniha je napsána*. Собственно, способностью предикативных форм на *-no, -to* управлять компонентом Sa можно объяснить их значительную распространенность в украинском языке.

⁶ Рассматривая данное явление, А. С. Мельничук делает вывод о том, что «для восточнославянских языков совсем не характерны конструкции с прямым дополнением при таких глаголах, как в польском *Szyje się bluzką* (разг.)» [11]. Фактический материал, который имеется в нашем распоряжении, позволяет уточнить этот вывод в том отношении, что конструкции с прямым дополнением представлены в современном украинском литературном языке, хотя их употребление в нем не типично [10, с. 34 — 35].

⁷ Некоторые из этих примеров цитируются по: [12]. О разграничении действительных и диспозиционных предложений, образованных по омонимичной модели Vf imp refl — Adv, см. выше.

⁸ Употребление творительного агенса в украинских причастных конструкциях на *-no, -to* иногда объясняется «интерференционными языковыми процессами» [13].

Базой для образования предикативных форм на *-no*, *-to* в чешском языке являются объективные глаголы, т. е. глаголы, требующие дополнения в форме беспредложных падежей (кроме винительного), предложно-падежных образований, инфинитива или придаточного предложения, например: *Cíle je dosaženo. — Bude na to zapomenuto. — Bylo o tom mluveno. — Je ti dovoleno se koupat. — Bylo jí řečeno, aby šla spát.* Конструкции же с предикативными формами на *-no*, *-to*, образованными от неobjективных глаголов, воспринимаются в современном чешском литературном языке как ненормативные, ср.: *Bylo běženo do města. — Je chozeno na pivo* и т. д. (нормативными являются высказывания: *Běželo se do města. — Chodilo se na pivo*). Правда, выражение *Bylo zazvoněno*, по свидетельству В. Шмилауэра [15], прижилось в чешском языке, т. е. имеет отпечаток литературного употребления, ср.: *Znovu bylo zazvoněno, urputně, neodbytně* (F. Štamek).

В украинском языке предикативные формы на *-no*, *-to* образуются от переходных глаголов, способных управлять как винительным падежом имени существительного или местоимения, так и другими косвенными падежами и предложно-падежными формами, а также употребляются с инфинитивом и придаточными предложениями, например: *Листа написано різними атраментом, за кілька прийомів* (Ю. Яновський). — *План розвідки було виконано...* (В. Кучер). — *Про ваше поводження з арештованим буде повідомлено вашого безпосереднього начальника! — прогрімів він на весь двір* (Ю. Смолич). — *Ім буде повідомлено про ваші розшуки і вашу адресу* (В. Логвиненко). — *Все тут було зроблено його руками, окрім скла, горщиків і богів* (М. Стельмах).

В обоих языках конструкции с предикативными формами на *-no*, *-to* функционально соотносятся с неопределенно-личными предложениями. Кстати, последние являются тем эквивалентным средством, которое часто используется при переводе на чешский язык украинских фраз с анализируемыми предикативными формами, управляющими винительным падежом, ср.: *...Нібито Ксаверія було розстріляно в дворі районного спиртного заводу* (Г. Гуцало). *...Prů ho zastřelili na dvoře okresního lihovaru.* Кроме того, в чешском языке, в отличие от украинского, предложения с формами на *-no*, *-to* соотносятся с действительными конструкциями типа: *O tom se už rozhodlo. — Na to se pamatovalo* и др. (ср.: *O tom už bylo rozhodnuto. — Na to bylo pamatováno*).

Таким образом, рассмотрение бесподлежащих структур, образованных в результате перехода двусоставных предложений в односоставные, показало, что как в чешском, так и в украинском языках представлены три типа модификаций, при которых глагол-предикат может не видоизменяться, или приобретать рефлексивную форму, или приобретать форму на *-no*, *-to*. Вместе с тем объем и качество этих модификаций в отдельных анализируемых языках не всегда совпадают. В частности, хотя в обоих языках модификация, при которой глагол-предикат не видоизменяется, реализуется в основном с помощью одинаковых структурных моделей (*Vf imp — Adv, Vf imp — Sd — Adv, Vf imp — Sa — Adv, Vf imp — Si — Adv, Vf imp — Sa — Si, Vf imp — Sg, Vf imp — Sa*), последние широко употребляются лишь в украинском; это объясняется тем, что в чешском более частотны синонимичные с ними двучленные структуры, содержащие в своем составе формальное подлежащее, выраженное местоимениями *to*, *něco*, *coś*.

Обе разновидности модификации, при которой глагол-предикат приобретает рефлексивную форму, — диспозиционная и действительная — лучше представлены в чешском языке, чем в украинском; это объясняется тем, что в украинском с диспозиционными структурами довольно успешно конкурируют конструкции с инфинитивом, а с действительными — неопределенно-личные предложения, не получившие в чешском широкого распространения.

Что касается модификации, при которой глагол-предикат получает форму на *-no*, *-to*, то ее активность в украинском языке значительно выше, чем в чешском; это объясняется способностью украинских форм на *-no*,

-to, в отличие от чешских, управлять прямым дополнением в форме винительного падежа имени существительного или местоимения.

Кроме того, чешские и украинские бесподлежащие структуры могут отличаться своими синонимическими связями, ср.: в чешском языке Vf imp — Sa — Adv ↔ Vf imp — Sd — Adv: *Louplo mě v kříži* ↔ *Louplo mi v kříži*, а в украинском Vf imp — Sa — Adv ↔ Vf imp — y/e Sg — Adv: *Кольнуло мене в боці* ↔ *Кольнуло у мене в боці* и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская грамматика. Т. 2. М., 1980, с. 92.
2. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 98.
3. Русская грамматика. Т. 2. Прага, 1979.
4. Сучасна українська літературна мова. Синтаксис. Київ, 1972.
5. Адамец П. Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Прага, 1982.
6. Курс сучасної української літературної мови. Т. 2. Синтаксис. Київ, 1951, с. 57.
7. Bauer J., Grepl M. Skladba spisovné češtiny. Praha, 1980.
8. Hausenblas K. Vývoj předmětového genitivu v češtině. Praha, 1958, s. 109—113.
9. Мразек Р. Модели русских конструкций с возвратной глагольной формой. — *Ceskoslovenská rusistika*, 1968, № 2, s. 103.
10. Savicky N. Tzv. «neosobní věty» s finitním slovesem v ukrajinštině ve srovnání s ruštinou a češtinou. — In: *Studie ze slovanské syntaxe*. Praha, 1971, s. 3—52.
11. Мельничук О. С. Розвиток структури слов'янського речення. Київ, 1966, с. 150.
12. Мразек Р. Модели чешских конструкций с возвратной глагольной формой. — В кн.: *Исследования по современному русскому языку*. Сб. статей, посвященный памяти проф. Е. М. Галкиной-Федорук. М., 1960, с. 171.
13. Заповканюк М. До характеристики українських конструкцій типу *козаченька вбито*. — *Slavia*, 1984, seš. 1, s. 6.
14. Вихованець І. Р., Городенська К. Г., Русанівський В. М. Семантико-синтаксична структура речення. Київ, 1983, с. 120.
15. Šmilauer V. Novočeská skladba. Praha, 1969, s. 125.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

КОПАШЕВА М. И.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА ХАРИТОНОВИЧА КЛЕВАНСКОГО

Практически вся научная творческая жизнь видного советского историка, крупного специалиста по новейшей истории Чехословакии, доктора исторических наук, коммуниста А. Х. Клеванского была связана с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, в котором он работал с 1957 г.¹

После демобилизации из рядов Советской Армии, в которой он служил с 1939 г., а затем участвовал в боевых действиях с первых дней Великой Отечественной войны, пройдя с боями до Варшавы и Берлина (был ранен, награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями), А. Х. Клеванский в 1946 г. поступил на Исторический факультет Московского государственного университета.

В студенческие годы началось его увлечение богемистикой, которой посвятил свою жизнь. Закончив там же заочную аспирантуру, А. Х. Клеванский в 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Классовая борьба чехословацкого пролетариата в годы послевоенного революционного подъема». В связи с подготовкой этой работы он опубликовал ряд статей [1], которые стали отправной точкой монографического исследования по истории чехословацкого интернационалистского движения, принесшего ему заслуженное признание советских и зарубежных коллег.

В Институте славяноведения и балканистики АН СССР Александр Харитонович всегда принимал самое активное участие в создании крупных коллективных трудов, определявших пути развития советской славистики. В конце 50-х — начале 60-х годов таким изданием являлась трехтомная «История Чехословакии». А. Х. Клеванский был автором глав по истории Чехии и Словакии в период первой мировой войны (т. II, М., 1959) и об образовании Чехословацкой республики (т. III, М., 1960). Забегая вперед, можно отметить, что одной из последних его работ стал раздел, посвященный периоду 1900—1945 гг., для «Краткой истории Чехословакии», выход из печати которой Александру Харитоновичу уже не пришлось увидеть. Он же был ответственным редактором этого труда. За время, прошедшее между созданием этих обобщающих страноведческих работ, А. Х. Клеванский стал одним из ведущих специалистов по новой и новейшей истории Чехословакии.

Он внес большой вклад в историографию движения зарубежных интернационалистов. В начале 60-х годов в «Ученых записках Института славяноведения» А. Х. Клеванским были опубликованы крупные монографические статьи «Из истории чехословацких политических организаций в России (1914 — февраль 1917)» (т. XXV, М., 1962) и «Из истории чехо-

¹ В 1954—1958 гг. он читал спецкурсы по новой и новейшей истории Чехословакии и ее внешней политике в Московском государственном Институте международных отношений МИД СССР.

словацких политических организаций и воинских формирований в России (февраль — октябрь 1917)» (т. XXVI, М., 1963), где прослеживалась история возникновения чехословацкого интернационалистского и буржуазно-националистического движения в России в годы первой мировой войны. К 50-летию Великого Октября советскими учеными совместно с зарубежными коллегами была проведена большая работа по созданию обобщающих трудов по истории интернационалистского движения в нашей стране. Первым из них явился сборник статей «Интернационалисты в боях за власть Советов» (М., 1965). Сборник открывает большая статья А. Х. Клеванского, посвященная одной из основных проблем интернационалистского движения — участию военнопленных Центральных держав в революционных событиях в России.

Александр Харитонович принимал участие в подготовке других коллективных трудов об интернационалистском движении в годы Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР: «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов» (в качестве члена редколлегии и автора статей «Развитие интернационалистского движения в феврале — октябре 1917 г.» и «Чехословацкие интернационалисты») и «Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции» (здесь ему принадлежит статья «Некоторые нерешенные вопросы истории военнопленных и интернационалистского движения»). Оба труда вышли в свет в 1967 г. Он — член редколлегии сборника «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики» (М., 1971). Все эти работы А. Х. Клеванского получили высокую оценку в советских и чехословацких научных кругах [2].

Главным итогом исследования указанной проблематики, к которой А. Х. Клеванский обращался и в последующие десятилетия [3], стала его монография «Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914—1921 гг.», опубликованная в 1965 г. Спустя два года на эту же тему он защитил докторскую диссертацию [4]. В рецензиях на книгу [5] советские и чехословацкие ученые отмечали, что она написана на основе тщательного исследования широкого круга исторической литературы, мемуаров, периодической печати и богатейшего документального материала, почерпнутого из чехословацких и советских государственных и партийных архивов. Причем, что особенно важно, не только центральных, но и архивов тех мест, где разворачивались события (Омска, Новосибирска, Томска, Иркутска). Все это позволило всесторонне отразить длительный и сложный процесс внутреннего политического размежевания в чешском и словацком национальном движении в России в годы первой мировой войны и двух революций, дало возможность объективно осветить причины и ход контрреволюционного мятежа чехословацкого корпуса, показать тесную связь его руководителей с чехословацкой, российской и международной реакцией, а также раскрыть действительную роль чешских и словацких интернационалистов в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне.

Высоко оценивая монографию А. Х. Клеванского, чехословацкий ученый Ю. Кржижек подчеркнул, что советскому историку впервые удалось воссоздать целостную картину чехословацкого интернационалистского и буржуазно-националистического движения в их тесной связи с общественно-политической историей России [6]. Большим достоинством этой этапной работы в советской и чехословацкой литературе является ее полемическая направленность против буржуазной историографии, как чехословацкой, так и западноевропейской и американской, превратившей историю легионерского движения и деятельность революционных чехов и словаков в России.

В 1973 г. книга А. Х. Клеванского была издана в Праге на чешском языке [7]. Приветствуя выход в свет в Чехословакии этого глубоко научного и политически актуального исследования, чехословацкий историк К. Герман высказал сожаление, что оно не было осуществлено на несколько

лет раньше [8]. За это время А. Х. Клеванскому удалось дополнить свое исследование, прежде всего за счет привлечения новых материалов о внешнеполитическом аспекте чехословацкого движения в России. Его книга внесла много существенно нового в историю общественно-политических отношений между народами СССР и Чехословацкой республики.

В период между двумя изданиями своей монографии А. Х. Клеванский включился в разработку истории советско-чехословацких отношений. В конце 60-х — начале 70-х годов выйдут в свет его статьи о начальном периоде развития этих отношений, испытавших серьезные осложнения в связи с контрреволюционным мятежом чехословацкого корпуса [9]. В течение пятнадцати лет вплоть до последних дней своей жизни А. Х. Клеванский принимал деятельное участие в издании многотомной публикации «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. 1917—1948». Он являлся членом совместной советско-чехословацкой редколлегии, редактором-составителем первого тома (1917—1922), участвовал в подготовке последующих сборников. Блестящий ученый, трудолюбивый и скромный человек, добрый и отзывчивый товарищ — Александр Харитонович был душой коллектива советских и чехословацких публикаторов, испытывавших к нему чувства глубокого уважения и признательности за помощь в повседневном кропотливом труде. Вместе с другими редакторами этого издания А. Х. Клеванский был удостоен совместной премии АН СССР и ЧСАН 1979 г.

Одной из главных проблем научных изысканий Александра Харитоновича являлась тема: ленинизм и пути исторического развития зарубежных славянских народов. Еще в 1961 г. он в соавторстве с М. А. Бирманом, А. Я. Манусевичем и Г. М. Славиным опубликовал статью «Ленин и образование коммунистических партий в зарубежных славянских странах» [10], которая послужила импульсом для последующего глубокого осмысления им значения идей и интернациональной деятельности В. И. Ленина для развития революционного движения в Чехословакии. В опубликованных им на эту тему статьях в советских и чехословацких изданиях проводится мысль о том, что создание при поддержке В. И. Ленина революционной рабочей партии нового типа стало первоначальным звеном подготовки победы социалистической революции в Чехословакии [11]. В коллективном труде «В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1973) А. Х. Клеванском принадлежит раздел о Чехословакии (рецензию на этот труд см. [12]). В этой и других его работах анализ теоретического наследия В. И. Ленина связан с рассмотрением конкретных проблем становления коммунистического движения в Чехословакии. На основе новых материалов Клеванским обстоятельно освещены связи В. И. Ленина с деятелями Центральной Федерации иностранных групп РКП(б), при этом уточнены оценки позиций и деятельности чехословацких коммунистов, которые после возвращения на родину сыграли важную роль в подготовке и создании КПЧ. Прослежено влияние ленинских идей на переход революционной чешской и словацкой социал-демократии на позиции Коммунистического Интернационала, причем особое внимание уделено 21 условию приема в Коминтерн и другим резолюциям II конгресса, сформулированным Лениным. Глубоко и всесторонне показано значение выступлений В. И. Ленина на III конгрессе Коминтерна, его контактов с Б. Шмералем в деле преодоления оппортунистических и левацких ошибок в КПЧ. Раскрыто также значение ленинской идеи единого рабочего фронта для разработки новой тактики чехословацкого коммунистического движения.

К этому же ряду исследований А. Х. Клеванского можно отнести статью, написанную совместно с чехословацкими историками И. Кремпой и В. Ваврой — «К истории возникновения чехословацкого коммунистического движения в Советской России (Чехословацкая секция Российской коммунистической партии (большевиков)» [13], а также главу (в соавторстве с И. Кремпой) о влиянии идей Великого Октября на революционный подъем в Чешских землях и Словакии в совместном советско-чехословац-

ком издании «Интернациональное сотрудничество КПСС и КПЧ. История и современность» (М., 1984) (см. рецензию в [14]).

Важным направлением в научной деятельности Александра Харитоновича в 70-х годах становится изучение борьбы коммунистических партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы за создание народного фронта против фашизма и угрозы войны. Опыт антифашистской и антивоенной борьбы в этом регионе в 30-е годы является по сути одной из ступеней того процесса, который В. И. Ленин называл подходом к социалистической революции. Серьезным результатом обобщения опыта антифашистской борьбы в зарубежных славянских странах в первой половине 30-х годов является статья, подготовленная А. Х. Клеванским совместно с В. Ф. Кадацким, И. В. Михутиной и М. М. Сумароковой «Компартии Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии на пути к новой политической ориентации и VII конгресс Коммунистического Интернационала» [15]. С наибольшей полнотой проблематика движения за создание единого рабочего и широкого народного фронта в указанном регионе разработана в коллективной монографии «VII конгресс Коминтерна и борьба за создание Народного фронта в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1977). А. Х. Клеванским проделана большая работа по научному редактированию этого обобщающего труда, им написано введение, заключение (в соавторстве с К. К. Шириней) и раздел о Чехословакии в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. В проблемной статье «Опыт сравнительного изучения истории антифашистской борьбы 30-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», написанной А. Х. Клеванским для чехословацкого издания [16], содержатся интересные выводы и обстоятельные обобщения общих и специфических черт осуществления компартиями этих стран новой стратегии и тактики международного коммунистического движения. Исследование этой темы А. Х. Клеванским получило высокую оценку советских и чехословацких ученых [17].

В последние годы жизни внимание А. Х. Клеванского было сосредоточено на анализе буржуазных политических систем стран Центральной и Юго-Восточной Европы, динамики развития, общих и специфических форм проявления их кризиса в межвоенное двадцатилетие. Участие в монографическом исследовании узловых проблем истории первого этапа общего кризиса капитализма в сравнительно-историческом плане закрепило за Клеванским авторитет крупного специалиста по новейшей истории зарубежных славянских стран. Александр Харитонович участвовал в качестве автора глав по Чехословакии и члена редколлегии в таких коллективных трудах как «Кризис политической системы капитализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период» (М., 1982, совместное советско-венгерское издание), «Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период» (М., 1984), «Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1986) и др. Над коллективной монографией «Политическая система стран Центральной и Юго-Восточной Европы (1918—1929 гг.)» Александр Харитонович работал до последних дней своей жизни. Главу по Чехословакии в этом труде дописывал его ученик канд. ист. наук Фирсов Е. Ф.

В процессе работы над этой сложной и недостаточно изученной проблематикой А. Х. Клеванский опубликовал статью «Некоторые теоретические вопросы истории кризиса буржуазных политических систем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» [18], выступал с докладами на Всесоюзной конференции историков-славистов [19], международных симпозиумах, на научном заседании Комиссии историков СССР и ЧССР [20]. В названной статье и во введении к книге «Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя» изложены исходные теоретико-методологические позиции сравнительного изучения категории «политическая система капиталистического общества» и понятия ее кризиса в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы. В этих работах со всей пол-

нотой проявился научный талант А. Х. Клеванского, для которого характерны исчерпывающие знания историографии вопроса, тщательное изучение фактов и процессов, глубина обобщений, ясный и четкий стиль изложения.

Плодотворная научная деятельность А. Х. Клеванского многогранна. Им опубликовано около 80 трудов², которые прочно вошли в историческую науку. Как признанный специалист по истории Чехословакии он участвовал в подготовке вузовских учебников — «История южных и западных славян» (М., 1969) и «Новая история. Второй период» (М., 1984)³. Им написан ряд статей для «Советской исторической энциклопедии», «Большой советской энциклопедии» и энциклопедии «Гражданская война и интервенция в СССР» (М., 1983).

А. Х. Клеванский — автор предисловий к работам чехословацких историков, изданных в СССР (он же их ответственный редактор): Ч. Аморт. «Освобождение Чехословакии Советской Армией» (М., 1976); И. Кремпа. «За интернациональное единство чехословацкого рабочего движения (1919—1921)» (М., 1979); М. Марко. «Психологическая война и чехословацкий эксперимент» (М., 1972). Он написал вступительные статьи к советскому изданию книги О. Ржиги «Октябрьская революция и образование Чехословацкой республики» (М., 1960) и к сборнику воспоминаний чехословацких красноармейцев «За Советскую Россию» (Брно, 1978), историческую справку и комментарии к роману бывшего легионера Я. Кратохвила «Истоки» (М., 1970), примечания к названной книге М. Марко и к публикации «Кедровый бор. Проза о Словацком национальном восстании 1944 г.» (М., 1984).

Трудно перечислить публицистические выступления А. Х. Клеванского на страницах журналов «Tudeník aktualit», «Praha — Moskva», «Огонек», «Новое время», в газете «Красная звезда».

Творческая натура Александра Харитоновича Клеванского проявлялась и в научно-организационной работе. Он был членом Научного совета по национальным проблемам и Научного совета «История внешней политики и международных отношений» при Президиуме АН СССР, а также заместителем председателя Комиссии историков СССР и ЧССР, достойно представляя нашу науку.

Его жизнь оборвалась внезапно в расцвете творческих сил, и многие замыслы остались неосуществленными. Разделяя чувство невосполнимой утраты тех, кто хорошо знал Александра Харитоновича, чехословацкий ученый Й. Грозичек писал в журнале «Historický časopis»: «Уход из жизни нашего, как мы привыкли его называть, Саши тем тяжелее для чехословацких историков, что А. Х. Клеванский посвятил себя изучению проблематики одного из ключевых периодов всемирной и нашей национальной истории — Великой Октябрьской социалистической революции и возникновения государства чехов и словаков, Чехословакии. Поэтому его будет недоставать не только советской, но и чехословацкой исторической науке» [23].

За заслуги в укреплении советско-чехословацкого научного сотрудничества А. Х. Клеванский награжден серебряной медалью Государственного университета им. Я. Пуркине в Брно, а также памятными медалями в честь 30-й годовщины Словацкого национального восстания и Майского восстания чешского народа и освобождения Чехословакии Советской Армией.

² Библиографию важнейших работ А. Х. Клеванского см. в библиографических словарях-справочниках [21; 22].

³ В «Истории южных и западных славян» А. Х. Клеванским написаны разделы о Чехии и Словакии в годы первой мировой войны, о периоде послевоенного революционного подъема 1918—1923 гг. и о культуре Чехословакии в межвоенное двадцатилетие. К проблематике образования Чехословацкой республики Александр Харитонович обращался и в конце 70-х годов, опубликовав в «Советском славяноведении» интересные статьи: «Освободительное движение славянских народов и национальные программы социал-демократии России и Австро-Венгрии» (в соавторстве с Исламовым Т. М.) (1971, № 1), «К истории распада Австро-Венгрии и образования чехословацкого буржуазного государства» (1978, № 5).

Своим большим научным опытом этот замечательный ученый и человек щедро делился с аспирантами, которые теперь сами занимаются исследовательской и преподавательской деятельностью. Александр Харитонович Клеванский остался для нас Учителем и примером бескорыстного служения науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клеванский А. Х.* Великая Октябрьская социалистическая революция и революционные партии в Чехословакии (1918—1921). — В кн.: Из истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957; *Клеванский А. Х.* Некоторые вопросы истории чехословацких революционных организаций в России (1917—1921) в связи с новейшими работами чехословацких историков. — История СССР, 1958, № 5; *Клеванский А. Х.* Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на образование зарубежных государств и подъем революционного движения в этих странах. — Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. Т. XXX, 1961.
2. Вопросы истории КПСС, 1965, № 12, с. 135—136; Советское славяноведение, 1966, № 3, с. 78—81; Новая и новейшая история, 1968, № 5, с. 144—148; *Historie a vojenství*, 1971, č. 4, s. 657—660.
3. *Klevanskij A. Ch.* Českoslovenští internacionalisté v Rusku. — In: Za Sovětské Rusko. Vzpomínky československých rudoarmejců. Brno, 1978; *Клеванский А. Х.* Русская эпопея Гашека. — Новая и новейшая история, 1983, № 2.
4. *Копылов В.* Защита диссертации А. Х. Клеванским на ученую степень доктора исторических наук. — Советское славяноведение, 1967, № 5, с. 126—127.
5. Новая и новейшая история, 1966, № 1, с. 158—160; Советское славяноведение, 1966, № 1, с. 83—86; *Slovánský přehled*, č. 6, s. 368—369; *Československý časopis historický*, 1966, č. 1, s. 91—92.
6. *Československý časopis historický*, 1966, č. 1, s. 91—92.
7. *Klevanskij A. Ch.* Českoslovenští internacionalisté a legionářský sbor v Rusku. Praha, 1973.
8. *Slovánský přehled*, 1974, č. 2, s. 147.
9. *Клеванский А. Х.* Борьба советского правительства за нормализацию советско-чехословацких отношений (конец 1918 — начало 1920 гг.) — Вопросы истории, 1969, № 2; *Klevanskij A. Ch.* Leninské principy sovětské zahraniční politiky a sovětsko-československé vztáhy (1917—1922). — *Slovánský přehled*, 1974, č. 2.
10. Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, т. XXXI. М., 1961, с. 3—49.
11. *Клеванский А. Х.* В. И. Ленин и борьба за создание революционной партии чехословацкого пролетариата. — Советское славяноведение, 1969, № 4; *Зуев Ф. Г., Клеванский А. Х., Конобеев В. Д.* Ленинизм и пути исторического развития зарубежных славянских народов. — Советское славяноведение, 1970, № 2. *Klevanskij A. Ch.* V. I. Lenin a boj za vytvoření KSC. — *Slovánský přehled*, 1981, č. 1, s. 58—75; č. 2, s. 97—116.
12. Новая и новейшая история, 1974, № 5, с. 178—180; Вопросы истории, 1974, № 10, с. 157—160; *Slovánský přehled*, 1974, č. 1, s. 84.
13. *Československý časopis historický*, 1981, č. 6, s. 808—825.
14. Новая и новейшая история, 1986, № 2, с. 155—157.
15. Советское славяноведение, 1975, № 4, с. 12—29.
16. Sborník k problematice dějin imperialismu. Sv. 5. — Současné problémy studia fašismu a antifašistického boja v Evropě mezi světovými válkami. Díl 1. Praha, 1978, s. 69—95.
17. Советское славяноведение, 1979, № 2, с. 104—107; № 4, с. 94—100; Украинський історичний журнал, 1978, № 11, с. 143—145; *Historica*, 1985, č. 25, s. 833—834.
18. Советское славяноведение, 1983, № 3, с. 36—44.
19. Узловые вопросы советского славяноведения. Ужгород, 1982, с. 8—9.
20. *Slovánský přehled*, 1979, č. 5, s. 430—431.
21. Историки-слависты СССР. Харьков, 1969.
22. Историки-слависты СССР. М., 1981.
23. *Historický časopis*, 1985, č. 5, s. 799.

КНИЖНОЕ СОБРАНИЕ М. П. И Н. М. ПЕТРОВСКИХ

Значительный вклад в русское дореволюционное славяноведение внесли казанские ученые-слависты, отец и сын, Мемнон Петрович Петровский (1833—1912) и Нестор Мемнонович Петровский (1875—1921). Оба были профессорами Казанского университета и членами-корреспондентами Академии наук.

М. П. Петровский занялся славистикой в начале 1850-х годов под руководством известного русского ученого В. И. Григоровича, затем слушал в Праге лекции чешского профессора М. Гатталы и поэта К. Я. Эрбена. В сферу его научных интересов входили славянские языки, изучение древнеславянских памятников, история русского славяноведения. Как профессор он воспитал значительное число русских славистов-филологов. Особо следует отметить многочисленные переводы из славянских литератур, осуществленные М. П. Петровским, в частности, с чешского, польского и сербо-хорватского языков. В этом с ним активно сотрудничала его жена Э. Г. Петровская (1840—1927), освоившая во время пребывания с мужем в Праге чешский язык и переводившая на русский произведения Б. Немцовой.

Сын М. П. и Э. Г. Петровских Нестор Мемнонович пошел по стопам отца. После окончания в 1897 г. Казанского университета он был оставлен в нем при кафедре славянской филологии. Как и отец, он неоднократно выезжал в славянские страны, переводил на русский труды славянских ученых, произведения сербских, словенских, болгарских, чешских, словацких и польских писателей. Значительное место в научном наследии Н. М. Петровского занимают труды по южно-славянской и русской филологии и литературной истории.

М. П. и Н. М. Петровские на протяжении полувека активно участвовали в русской научной жизни, собрав ценный архив, содержащий автографы сочинений А. К. Толстого, И. С. Никитина, письма И. С. Аксакова, П. И. Бартенева, В. Н. Григоровича, Н. А. Котляревского, А. А. Шахматова, Ивана Франко и других; старинные рукописи; редкие печатные издания XVIII в. и т. д. Из собственно славистических материалов в архиве находились старинная чешская рукопись XV в., автографы Йозефа Добровского, «Славянские древности» Шафарика с его рукописными пометками и дополнениями (все это упоминается в письме Н. М. Петровского к А. А. Шахматову от 1 XI 1918 г.), а также тетрадь со стихотворениями Ганки, записанными им самим и посвященными И. С. Аксакову (1858—1859). В настоящее время значительная часть архива Петровских находится в Пушкинском Доме. Некоторые бумаги попали в рукописные отделы Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Шедрина и Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, а местонахождение отдельных материалов неизвестно.

Вместе с отцом Н. М. Петровский собрал богатейшую славистическую библиотеку, которая составляла предмет его особой гордости и заботы. В состав библиотеки входили десятки книг, которые были отрецензирова-

ны их владельцами. Особенно большое внимание рецензированию придавал Н. М. Петровский. В письме к А. А. Шахматову от 3 декабря 1917 г., благодаря за избрание членом-корреспондентом Академии наук и касаясь перечня своих работ, он замечает: «Я не исключил свои рецензии потому, что это наиболее любимая мною форма работы, в них я часто высказываю самостоятельные мысли, не говоря уже о лично мною подмеченных фактах; без новых фактических указаний я никогда не печатаю рецензий в серьезных журналах» [1].

После установления Советской власти, в связи с большой научной ценностью книжного собрания М. П. и Н. М. Петровских, Академия наук выдала его владельцу 29 октября 1918 г. специальное удостоверение, в котором говорилось: «Сим удостоверяется, что в квартире члена-корреспондента Российской Академии наук, профессора Казанского Университета Нестора Мемноновича Петровского (Казань, ул. Маркса, 43) находятся книги и рукописи, принадлежащие Академии наук, а также исключительно ценная библиотека, являющаяся по своей полноте первой в России библиотекою по славяноведению и совершенно необходимая профессору Н. М. Петровскому для выполнения порученных ему Академией научных работ и требует самой тщательной охраны, почему означенное выше имущество не подлежит реквизиции и вселение посторонних лиц в квартиру Н. М. Петровского не должно быть допускаемо.

В виду сего Российская Академия наук просит все учреждения и лиц, от коих сие зависит, охранять означенную квартиру от вселения в нее посторонних, признавая ее состоящей под особым покровительством Российской Академии наук» [2, оп. 1—1918, д. 31]. Документ был подписан непременно секретарем Академии С. Ольденбургом.

Однако сохранение библиотеки в то время оказалось для ее владельца достаточно сложным и затруднительным. Тревожась за ее судьбу, он решил безвозмездно передать ее Казанскому университету, однако этого не удалось сделать. Письмо Н. М. Петровского к заведующей книгохранилищем Библиотеки Академии наук Н. А. Пилкиной (из Казани от 15/28 октября 1920 г.) содержит строки: «Главная моя забота — спасение оставшейся мне от отца и еще увеличенной мною библиотеки, заключающей в себе приблизительно восемь тысяч названий¹. Вы отчасти видели ее: она занимает четыре с половиной больших комнаты и расставлена по памяти, без номеров на корешках и отнюдь не в алфавитном порядке, так что кроме меня никто разобраться в ней не может. Составлена она моим отцом по старому плану: со времен студенчества до года своей смерти, приблизительно в течение шестидесяти лет, он отказывал себе во всем для приобретения книг по славянской филологии в самом широком смысле, не исключая и *glossorum*. Унаследовав его научную специальность, я продолжал пополнять и библиотеку и могу по чистой совести сказать, что существование ее есть для меня вопрос жизни и смерти. Современные условия грозят ей гибелью; я хотел пристроить ее в Казанский университет, чтобы обеспечить ее целость, но встретил такое неприличное отношение к ней и себе (я предлагал ее безвозмездно с отнесением на счет У-та только расходов по перевозке, а меня обвинили в желании обмануть² ученую Коллегию), что взял свою бумагу о пожертвовании назад, или, что равносильно, не дал ей дополнительного хода. Раз поместить ее с гарантией нераздельности и сохранности некуда, остается держать при себе...» [2, оп. 1920, д. I]. Далее Н. М. Петровский высказывает свои опасения за библиотеку и просит помочь сберечь ее. Вскоре, в феврале 1921 г., Н. М. Петровский умер. Все заботы об архиве Петровских и их библиотеки легли на плечи вдовы Н. М. Петровс-

¹ Как видно из сохранившейся инвентарной описи библиотеки М. П. и Н. М. Петровских (о ней см. ниже), речь в данном случае шла именно о количестве названий, а общее число имевшихся в собрании книг доходило до 12 тысяч [3, д. 98, л. 7].

² Недоразумение возникло, по-видимому, в связи с тем что Н. М. Петровский, принося в дар библиотеку, просил, чтобы она сохранялась как целое в отдельном помещении, в чем ему не шли навстречу, то ли увидев в этом какую-то корысть дарителя, то ли из-за недостатка помещений.

кого — Е. Н. Петровской (1886—1973). Значительная часть архива в 1928 г. ею была передана в Пушкинский Дом, за что тогдашний его директор академик С. Ф. Платонов в знак благодарности передал ей бронзовую Пушкинскую медаль³. Иной оказалась судьба библиотеки.

Вскоре после кончины Н. М. Петровского, 20 марта 1921 г., декан историко-филологического факультета Казанского университета С. Шестаков и секретарь факультета Н. Грацианский обратились в Совет университета с отношением, в котором было сказано: «Историко-филологический факультет в заседании своем 18 февраля 1921 г. заслушал заявление вдовы профессора Н. М. Петровского Е. Н. Петровской о передаче ею, согласно воле покойного ее мужа, библиотеки последнего Историко-филологическому факультету, постановил: 1) дар принять, 2) использовать его как пополнение семинарской библиотеки по славянской филологии, коей заведовал Н. М. Петровский, 3) присвоить библиотеке название «Библиотека имени М. П. и Н. М. Петровских», поместить их портреты в названной библиотеке, 4) в виду невозможности в ближайшее время устроить необходимые полки для размещения книг, приобрести таковые у вдовы покойного и 5) испросить у Правления университета необходимые средства на перевозку названной библиотеки.

О вышеизложенном Историко-филологический факультет доводит до сведения Совета Университета» [4].

Однако этим решением судьба библиотеки Петровских не была определена. Летом 1921 г. историко-филологический факультет Казанского университета был объединен с организованным ранее на базе Юридического факультета Факультетом общественных наук, ставшим частью Восточного педагогического института ВОПИ [5]. Вместе с другими кабинетами бывшего историко-филологического факультета в его состав вошел и кабинет славяноведения, куда доцент А. М. Селищев поместил библиотеку Петровских. Там она фактически не использовалась, поскольку в Казани долгое время не было ни одного слависта (А. М. Селищев уехал оттуда осенью 1921 г.), а из славистических дисциплин в пединституте читался лишь краткий курс по славянскому языкознанию [3, д. 90, л. 22—25].

В 1927 г. благодаря усилиям А. М. Селищева, ставшего профессором Московского университета по кафедре славянской филологии, на Этнологическом факультете МГУ начали готовить славистов [3, д. 96, л. 28—31]. Вскоре (25 октября 1927 г.) А. М. Селищев обратился в деканат Этнологического факультета с докладной запиской: «В современной европейской науке, — писал он, — славяноведение представляет весьма значительную область изучений... Эти изучения с наибольшей интенсивностью должны вестись в России. Здесь сосредоточены богатейшие собрания славянской письменности. Здесь больше, чем в другой стране, может быть выделено работников по изучению славянства. Кроме научных задач усиление славистических изучений вызывается и нуждами практической жизни...» Для надлежащей постановки работы в области славяноведения Селищев считал необходимым иметь в МГУ кабинет славяноведения с соответствующей библиотекой. Отметив наличие трудностей, мешающих ее быстрому созданию, он писал в деканат: «Между тем, имеется одна замечательная по своему богатству славистическая библиотека... Это — библиотека Петровских в Казани. Эту библиотеку самоотверженно составляли двое выдающихся славистов университета М. П. Петровский и его сын Н. М. Петровский. Значительную часть своих средств они тратили на приобретение книг, усердно разыскивая их в России и за границей. В результате они собрали ценнейшую библиотеку по славяноведению, единственную по своему подбору...» [3, д. 90, л. 22].

А. М. Селищев предложил перевести библиотеку Петровских в МГУ. «С переводом в Московский университет, — писал он, — библиотека Петровских окажет огромную помощь в постановке и развитии славистических учебных занятий и специальных изучений в университете и вообще

³ Письмо от 12 октября 1928 г. из Пушкинского дома, адресованное Е. Н. Петровской, хранится в семейном архиве М. Н. Петровской.

в Москве. В московских библиотеках очень неполны славянские отделы. Библиотека Петровских будет привлекать к себе всех лиц, работающих в области славяноведения. С устройением ее в Московском университете можно смело объединить все славистические занятия в Институте славяноведения при университете...» [3, д. 90, л. 24—25].

Таким образом, по мысли А. М. Селищева библиотека Петровских должна была стать базой развития не только учебной, но и научной работы в области славистики, причем он выдвинул в докладной записке о библиотеке Петровских идею создания при МГУ научно-исследовательского славистического института.

Докладной записке Селищева был дан ход, и вскоре на ее основе было составлено специальное письмо в вышестоящие инстанции, подписанное ректором университета [3, д. 90, л. 21]. Однако положительный ответ на просьбу о передаче библиотеки Петровских университет получил лишь после длительных хлопот. Только 7 июня 1929 г. было, наконец, подписано соответствующее разрешение [3, д. 61, л. 98 об.] и в первой половине сентября А. М. Селищев принял библиотеку и перевез ее в Москву [3, д. 62, л. 1 об, 6 об.]. При этом в Казани, видимо, осталось некоторое (хотя и весьма незначительное) количество книг, «которые ВОПИ просил оставить ему как не имеющие специально славистического значения» [3, д. 98, л. 7].

Книги из библиотеки Петровских были помещены в Лингвистический кабинет МГУ, и в 1930 г. на них была составлена опись. Большая часть этой описи, вторая «Инвентарная книга собрания М. П. и Н. М. Петровских», сейчас находится у дочери Н. М. Петровского, М. Н. Петровской, проживающей в Москве⁴. Инвентарная книга, а также другие выявленные М. Н. Петровской и любезно предоставленные ею материалы, которые проливают свет на судьбу книжного собрания М. П. и Н. М. Петровских, и легли в основу настоящего сообщения.

С переездом в Москву перемещения библиотеки Петровских не закончились. В начале 1930 г. в МГУ перестали готовить славистов. М. А. Селищев вскоре получил предложение перейти на работу в образованный в 1931 г. в Ленинграде Институт славяноведения АН СССР. Новому славистическому центру была, естественно, необходима хорошая специальная библиотека, и книжное собрание Петровских переместилось в Ленинград. После прекращения деятельности института (1934) оно было передано ленинградской Библиотеке АН СССР, в фондах которой находится и поныне, правда уже не как единое целое. В 1950 г. 1030 книг из библиотеки Петровских было, в соответствии с постановлением Президиума АН СССР, передано БАН в Москву, в Институт славяноведения (ныне Институт славяноведения и балканистики) АН СССР [6]. Отдельные книги из собрания Петровских, судя по их издательской библиотечной печати, попали в Пушкинский Дом, Музей Некрасова в Ленинграде и другие учреждения.

В течение длительного времени библиотека Петровских была той базой, на которой в значительной степени строилась учебная, научная и переводческая работа не только крупных русских и советских славистов, но и ряда славистических центров СССР. Она является одной из немногих больших частных библиотек славистического профиля, о которых до нас дошли более или менее подробные сведения. Поэтому определенный интерес для истории славистики представляет даже краткий обзор ее фонда.

О состоянии книжного собрания Петровских можно получить довольно полное представление по «Инвентарной книге 2», находящейся у М. Н. Петровской. Это — типовая инвентарная книга начала 1930-х годов с печатными графами, рассчитанная на 7000 записей, в картонном переплете, с типографским титульным листом, на котором оставлены пробелы для названия библиотеки и других данных. Из 14 граф заполнена только половина, но сообщаемых в них сведений вполне достаточно для идентификации изданий. К сожалению, для одного описания в инвентар-

⁴ Судьба первой «Инвентарной книги...» (с номера 1 до 1025), а, возможно, и других инвентарей, неизвестна.

ной книге используется не более одной строки; это обусловило многочисленные сокращения при записи заглавий книг и фамилий издателей. Авторы книг, места и годы изданий записаны, как правило, подробно и четко. Под отдельными номерами в инвентарной книге записывались не только однотомники, но и разные тома многотомников, и отдельные «корешки» (переплетенные комплекты или отдельные номера) периодических изданий. Записи сделаны синими, фиолетовыми и черными чернилами, разными почерками. Первая запись имеет номер 1026, последняя — 8025. На последней, чистой странице книги сделана надпись о количестве имеющихся в книге пронумерованных страниц и имеется сургучная печать.

Издания расположены тематическими группами, а внутри них — в алфавитном порядке. Группы никак не озаглавлены и ничем не отделяются друг от друга, но четко различаются по содержанию. По-видимому, они соответствуют разделам, по которым расставлялись книги М. П. и Н. М. Петровскими; однако, при записи в инвентарь последовательность расположения разделов вряд ли принималась во внимание — только этим можно объяснить помещение справочных изданий между словарями и книгами по общему языкознанию, а литературы об Украине — перед изданиями, посвященными русскому языку. Вероятно, изменен был составителями инвентаря и порядок расположения материала внутри существующих разделов — об этом свидетельствует как цитированное выше высказывание Н. М. Петровского о расстановке книг в его библиотеке «отнюдь не в алфавитном порядке», так и наличие в конце тематических групп записей, не попавших на свои места в соответствующих алфавитных рядах при записи книг по алфавиту.

Инвентарь начинается с записей иностранных изданий на буквы R — V, посвященных общим вопросам славянского языкознания и представляющих собой окончание алфавитного ряда, начатого в предыдущей инвентарной книге. Судя по количеству записей (всего 34 номера), данный раздел библиотеки был не очень велик и, следовательно, в предыдущей инвентарной книге записям соответствующей тематической группы должны были предшествовать записи каких-то других групп материалов.

Почти половину имеющегося в нашем распоряжении инвентаря составляют страноведческие группы записей. Они включают главным образом издания по языку, литературе и истории отдельных славянских народов — чехов (1109 записей); поляков, полабских и прибалтийских славян (396 записей); лужицких сербов (93 записи); словенцев (233 записи); болгар (282 записи); сербов, хорватов и черногорцев (1084 записи). 142 записи посвящены изданиям об Украине и украинцах.

Остальные записи объединены преимущественно в тематические группы, относящиеся к России (русский язык, история русской литературы, русская художественная литература). Как отдельные группы записаны словари и справочные издания. Небезынтересны для слависта записи о памятниках древней письменности — эта тематическая группа, насчитывающая 377 записей, имеет комплексный характер и включает публикации памятников, исследования о них, библиографии рукописей и т. д.

Завершает инвентарь большая (свыше 500 номеров) группа записей, посвященных изданиям по истории России и неславянских стран. Алфавит в этой группе доведен лишь до русской буквы *М*; остальные издания были, видимо, записаны в следующую инвентарную книгу.

Таким образом, собрание Петровских после его поступления в МГУ было записано не менее, чем в два инвентаря, из которых нами использован лишь один. Однако приведенные в нем записи содержат, по-видимому, основное славистическое ядро библиотеки Петровских. Как было показано выше, большую часть составляют книги о России (далее они специально не рассматриваются), о чешских землях, а также о Сербии, Хорватии и Черногории. Такой состав книг не только отражает интересы Петровских, но и является следствием их собирательской деятельности во время научных поездок к чехам и южным славянам.

Из книг, записанных в инвентаре, обращают на себя внимание прежде всего редкие издания. В собрании Петровских были по крайней мере две

книги XV в. и одна книга XVI в., а число книг XVIII в. превышало 270 томов. Под номером 4783 в инвентаре записана самая старая из известных нам книг собрания — *Synopisima geographica* фламандского картографа Абрахама Ортемея, изданная в 1587 г. Среди книг XVIII в. большинство составляют произведения русской художественной литературы. Наиболее ценные научные издания XVIII в. указаны в записях по славянской филологии, об отдельных славянских странах, а также среди словарей. В инвентарь занесены, например, первая грамматика нижнелужицкого литературного языка, принадлежащая М. И. Г. Гауптманну [7]; руководств по хорватскому языку П. М. Ланосовича [8]; чешско-немецко-латинский словарь Ф. И. Томсы [9]; один из трех выпусков сочинения Ф. Прохазки о чешской и моравской литературе [10]; двухтомный сборник документов по истории чешских земель, подготовленный чешскими учеными Ф. М. Пельцлем и Й. Добровским [11]⁵.

В инвентарь занесено много книг Й. Добровского и других классиков чешского славяноведения. Из них особенно заслуживают упоминания знаменитая «История чешского языка и литературы» Добровского [12], где впервые дана периодизация литературного процесса в чешских землях; выпускавшиеся им в конце XVIII в. на немецком языке обозрения чешской литературы (1779, 1780, 1786); журнал «Славянка» (1814); имеющая библиографический характер «История чешской литературы» Й. Юнгмана (1825); одиннадцать томов (из двенадцати) «История чешского народа» Ф. Палацкого (1848—1876); книги П. Й. Шафарика, Я. Гебауэра и др.

Славистические работы XIX в. представлены в инвентаре прежде всего капитальными трудами крупнейших южнославянских ученых. В собрании Петровских находился 21 том работ В. Караджича, в том числе первые издания подготовленных им четырехтомника сербских народных песен [13] и сборника пословиц сербского народа [14]; 33 тома трудов хорватского историка и литературоведа Й. Кукулевича, среди которых — все тома, кроме одного, его издания «Архив югославянской истории» (1851—1875); многочисленные исследования Д. Даничича, М. Шрепеля, по несколько книг Й. Скерлича, С. Станоевича, И. Ягича и других ученых.

В группе материалов, посвященных Польше, следует отметить работы С. Бандтке, исторические труды И. Лелевеля, шеститомную «Историю польской литературы» П. Хмелевского [15]; в очень небольшой по сравнению с другими группами записей о Болгарии — работы В. Златарского и др.

Значительный интерес для современных литературоведов-славистов представляют первые и другие прижизненные издания художественных произведений писателей зарубежных славянских стран. М. П. и Н. М. Петровские собрали целый ряд подобных изданий, опубликованных в Чехии: сборники С. Чеха, Ф. Л. Челаковского, К. Я. Эрбена, первую отдельную публикацию повести Б. Немцовой «Бабушка» (1855); единственное полное издание стихотворений словацкого поэта Б. Таблица [16], вышедшее в четырех томах при жизни автора и больше не переиздававшееся; ряд поэтических сборников словенского поэта А. Ашкерца; вышедшее в 1826 г. первое издание поэмы средневекового хорватского поэта И. Гундулича «Осман» [17]; первые издания сборников произведений классика болгарской литературы И. Вазова [18].

Наконец, в инвентаре собрания Петровских зарегистрировано значительное количество полных или почти полных комплектов редких теперь научных журналов, выходивших в России и за рубежом, которые и поныне сохраняют научное значение: «Филологические записки» (Воронеж) за 1860—1895 гг., «Журнал Чешского музея» (Прага) за 1827—1913 гг. [19], лужицкосербский «Журнал Общества матицы сербской» (Будшин) за 1848—1884 гг. [20], «Летопись матицы словенской» (Люблина) за 1870—1907 гг. [21], «Вестник Сербского научного общества» (Белград) за 1865—1895 гг. [22] и т. д.

⁵ Некоторые названия в перечне литературы даны не полностью — так, как они обозначены в описи библиотеки М. П. и Н. М. Петровских.

Таким образом, сохранившаяся инвентарная книга является ценным источником для характеристики собрания Петровских⁶, свидетельствующим об их внимании к тем или иным вопросам славистики и об уровне знакомства с научной и художественной литературой.

Воссоздание на основе инвентарной книги и других документов истории книжного собрания М. П. и Н. М. Петровских позволяет хотя бы отчасти осветить еще одну неизвестную страницу в истории русского и советского славяноведения. Хотелось бы надеяться, что настоящее сообщение побудит исследователей продолжить поиски книг и документов из собрания Петровских, многие из которых, возможно, хранятся в крупных научных библиотеках и архивах Советского Союза, что оно также в какой-то мере побудит их к изучению и других моментов истории отечественного славяноведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 134, оп. 3, д. 1165.
2. Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 2.
3. Архив Московского государственного университета, ф. 18.
4. Центральный государственный архив Татарской АССР, ф. Казанского университета, 1921, д. 335.
5. Казанский университет, 1804—1879: Очерки истории. Казань, 1979, с. 119.
6. Архив АН СССР, Ленинградское отделение, ф. 158, оп. 3, д. 26.
7. *Hauptmann M. I. G. Wendische Grammatica.* Budyšin, 1761.
8. *Lanossovich P. M. Neue Einleitung zur slawonischen Sprache...* Ofen, 1778.
9. *Tomsa F. Wörterbuch der böhmisch-deutsch und lateinisch...* Praha, 1971.
10. *Prochazka F. Miscellanea der Boehmischen und Märischen Litteratur, 1—3.* Prag, 1784—1785.
11. *Scriptores rerum Boehmicarum, v. 1—2.* Praha, 1782—1784.
12. *Dobrowsky J. Geschichte der Böhmischen Sprache und Literatur.* Praha, 1792.
13. *Карађућ В. Српске народне песме, књ. 1—4.* Лишиска; Беч, 1823—1833.
14. *Карађућ В. Народне српске пословице.* Цетиње, 1836.
15. *Chmielowski P. Historja literatury Polskiej, t. 1—6.* Warszawa, 1899—1900.
16. *Tablic B. Poézije, d. 1—4.* Wacow, 1806—1812.
17. *Gundulich I. Osman.* Dubrovnik, 1826.
18. *Вазов И. Гусла.* Пловдив, 1881; *Вазов И. Италия.* Пловдив, 1884; *Вазов И. Сливница.* Пловдив, 1886.
19. *Casopis Českého musea.* Praha, 1827—1913.
20. *Casopis towaristwa Maćicy serbskeje.* Budyšin, 1848—1884.
21. *Letopis Matiće slovenskeje.* Ljubljana, 1870—1907.
22. Гласник Српского ученог друштв. Београд, 1865—1892.
23. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., 1979, с. 267—269.

---

⁶ Некоторые дополнительные данные о М. П. и Н. М. Петровских содержатся в [23].

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. И. Семиряга. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета. М., 1985

К 40-летию юбилею победы над фашизмом советские историки издали ряд ценных исследований, посвященных освободительной борьбе народов Центральной и Юго-Восточной Европы в годы второй мировой войны. Заметное место среди них занимает рецензируемая книга д-ра ист. наук М. И. Семиряги. Как пишет сам автор, он «предпринял попытку в обобщенном виде раскрыть содержание и методы осуществления гитлеровской Германией оккупационной политики в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и осветить освободительную борьбу народов этого региона» (с. 7). Несомненно, такая попытка комплексного исследования представляет шаг вперед в советском славяноведении.

В качестве основных объектов изучения взяты славянские страны, большинство которых, как известно, было оккупировано немецко-фашистскими захватчиками. Вместе с тем автор анализирует особенности освободительной борьбы трудящихся самой Германии и ее сателлитов, а также Греции и Албании. В планах германского империализма по завоеванию мирового господства особое место занимала так называемая «восточная политика», целью которой было не только уничтожение Советского Союза, государственной независимости Польши, Чехословакии и других стран, но и физическая ликвидация славянских народов (с. 5—6). Именно народы этого региона стали первыми жертвами гитлеровской агрессии. Здесь же прогремели и последние выстрелы войны.

Рецензируемую книгу характеризует прежде всего богатая и разнообразная источниковая база. Автор приводит много малоизвестных или вовсе не известных советскому читателю сведений, преимущественно опубликованных в зарубежных изданиях. Широко использована и советская историческая литература.

На обширном фактическом материале автор показывает особенности реализации планов гитлеровской Германии применительно к разным странам. Первой мерой немецко-фашистских захватчиков в оккупированных странах, отмечается в книге, было их расчленение, насильственное изменение государственных границ и аннексия ряда экономически развитых областей (с. 21). Оккупационное управление осуществлялось в основном германскими властями или через марионеточные национальные органы власти, были и другие формы.

Большое место в книге занимает анализ немецко-фашистского оккупационного режима как режима мракобесия, массового террора и геноцида. «Если попытаться перечислить преступления, совершенные нацистами во второй мировой войне, особенно в отношении народов Центральной и Юго-Восточной Европы,— пишет автор,— то они составили бы не одну сотню наименований, а по степени тяжести намного превосходили преступления германского милитаризма в первой мировой войне. Чудовищные по характеру и масштабам злодеяния заложены в самой природе капитализма, порождением которого является фашизм» (с. 68—69). В книге рассказывается о наиболее крупных фашистских концлагерях, подробно анализируется террористическая акция «Мрак и туман», особенно в Польше, Югославии и Чехословакии, разоблачается система повсеместного заложничества и круговой поруки, а также геноцида (с. 82—83).

Много ценных обобщающих сведений и характеристик читатель найдет в главах, посвященных экономическому разграблению германскими монополиями оккупированных стран и национальному угнетению, являвшихся важнейшими составными частями оккупационной политики Германии и непосредственно выте-

кавших из классовой сущности германского империализма (с. 105).

Предваряя освещение второй важнейшей проблемы — освободительной борьбы народов, автор подчеркивает, что зверствами и террором фашистам не удалось превратить их в покорных рабов. С первых же дней войны патриоты, в авангарде которых шли коммунисты, встали на путь беспощадной борьбы против ненавистных захватчиков. В книге убедительно доказывается, что по своему политическому значению движение Сопротивления стало одним из крупнейших общественных движений XX в. Оно обогатило трудящихся разнообразным опытом классовой борьбы, внесло свой вклад в разгром фашизма, в завоевание свободы и независимости, оказало существенное влияние на послевоенное развитие мирового революционного процесса (с. 127). Однако размах движения Сопротивления в разных странах и в разные периоды был далеко не одинаков. Он зависел от множества причин политического, географического и психологического характера, традиций, а также особенностей самого оккупационного режима (с. 129). Высшей точкой освободительной борьбы народов в Югославии, Чехословакии, Албании, Болгарии и Румынии были вооруженные восстания. М. И. Семиряга особо отмечает, что в Югославии вооруженная борьба достигла таких размеров и массовости, что переросла обычные рамки партизанских действий и стала народной освободительной войной (с. 223).

В книге дается высокая оценка руководящей роли коммунистических партий в развертывании антифашистской освободительной борьбы, в победе народно-демократических и социалистических революций в большинстве стран рассматриваемого региона. Автор убедительно обосновывает идею о том, что важным фактором созревания революционной ситуации в разных странах региона было наличие антифашистских фронтов, ведущую роль в которых играли коммунисты. Потребность в объединении всех антифашистов в такие фронты была вызвана тем, что в оккупированных странах главным противником было не внутреннее (между трудящимися и буржуазией), а внешнее, т. е. между большинством нации, с одной стороны, и чужеземными захватчиками — с другой (с. 219).

Большое место в рецензируемом труде отводится освещению освободительной

миссии Советских Вооруженных Сил, плодотворного боевого содружества Советской Армии с народными армиями освобождаемых стран, бескорыстной экономической и внешнеполитической помощи Советского Союза народам Польши, Чехословакии, Югославии и других стран. Автор дает объективную оценку и помощи, которую оказывали освобожденные народы Советской Армии в борьбе против общего врага. «Грудящиеся стран Центральной и Юго-Восточной Европы справедливо рассматривают свое освобождение Красной Армией как решающий внешний фактор рождения и развития в них народно-демократического строя», — пишет М. И. Семиряга (с. 300—301).

Решительно опровергая клеветнические наветы об «экспорте» революции на советских штыках, автор подчеркивает, что выполнение Советской Армией ее освободительной миссии создало только благоприятные возможности для демократического развития в освобожденных странах. Их превращение в действительность зависело от внутренних революционных сил. «Исторические факты неопровержимо подтверждают, что революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы выросли на родной земле, их истоками были освободительные устремления трудящихся, упорная борьба многих поколений революционеров, которая велась на протяжении десятилетий... Она была результатом организационного, политического укрепления партий пролетариата, их неутомимой деятельности по сплочению трудящихся в борьбе за национальное и социальное освобождение» (с. 301—302).

Богатый фактический материал рецензируемой книги убедительно подтверждает этот вывод.

Наряду с несомненными достоинствами книги она, к сожалению, не лишена некоторых недостатков. Так, крайне схематично рассказано о борьбе немецких антифашистов. Читателям также было бы полезно знать, каким путем немецко-фашистские власти влияли на политику Болгарии, имея в виду, что эта страна не была оккупирована. В книге имеются повторы не только выводов, но и фактических данных.

В целом же исследование М. И. Семиряги представляет ценный вклад в советскую историографию освободительной борьбы народов против фашизма.

Шинкарев И. И.

Научная литература по истории советско-болгарских отношений пополнилась новой монографией, вышедшей в украинском издательстве «Высшая школа». Книга посвящена становлению и развитию сотрудничества общественности Советского Союза и народно-демократической Болгарии, их роли в формировании межгосударственных взаимоотношений, настоящему справедливых, равноправных, братских.

Исследование Н. И. Туривненко построено в проблемно-хронологическом плане и охватывает период от начала социалистической революции в Болгарии — 9 сентября 1944 г. — до 1948 г., когда советско-болгарская дружба и сотрудничество получили международно-правовое оформление.

Несомненным достоинством книги является широкое использование документального материала советских и болгарских архивов — Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР, Центрального государственного архива народного хозяйства СССР, Центрального архива Министерства обороны СССР, Центрального государственного архива НРБ, Софийского городского и окружного государственного архива. Заметим, кстати, что большая часть этих документов впервые стала достоянием научной общественности. Привлечены также публикации документов, совместно подготовленные МИД СССР и МИД НРБ, мемуарная литература, советская и болгарская периодическая печать.

В результате проведенного анализа автор пришел к выводу, что в сотрудничестве общественных организаций Советского Союза и Болгарии можно выделить три этапа, которые соответственно освещаются в трех главах.

Первая глава открывается разделом, в котором воссоздана картина активного участия Болгарской народной армии в разгроме нацистской Германии на завершающем этапе войны в Европе. Показана деятельность общественных организаций Болгарии — Отечественного фронта, профсоюзов, Болгарского Красного Креста (БКК) и других — по мобилизации всех патриотических сил на борьбу с фашизмом и реакцией, всемерная помощь их советским воинским частям и госпиталям, располагавшимся на территории страны.

Представляют интерес новые сведения о содействии Болгарского Красного Креста русским эмигрантам, пожелавшим вернуться в Советский Союз. Следует отметить, что в результате большой работы, проделанной БКК, более 5000 эмигрантов, проживавших в Болгарии и восстановленных в советском гражданстве, уехали на Родину (с. 54).

С большой скрупулезностью автор обобщил колоссальный фактический материал, раскрывающий зарождение первых официальных контактов между советской и болгарской общественностью. Приведенные данные дают яркое представление о процессе возрождения Болгаро-советского общества (БСО) в сентябрьские дни 1944 г. и установления контактов с Всесоюзным обществом культурной связи с зарубежными странами (ВОКС), положивших начало сотрудничеству общественности Болгарии и СССР.

Во второй главе подробно излагаются основные направления сотрудничества общественных организаций двух стран в период укрепления и развития народно-демократического строя в Болгарии (май 1945 — декабрь 1946 г.). Автор собрал и обобщил многочисленные материалы об оказании советской общественностью бескорыстной помощи в восстановлении болгарского народного хозяйства, пострадавшего во время войны.

В этот период наметились перспективные формы сотрудничества советских и болгарских профсоюзов. Автор подчеркивает важную роль опыта профсоюзов СССР для перестройки болгарских профсоюзов на демократических началах, создания Всеобщего рабочего профессионального союза (ВРПС). ВЦСПС, по просьбе руководства ВРПС, направил в Болгарию документы и материалы, которые помогли в организационном оформлении профсоюзов, в решении ряда практических вопросов, в частности, касавшихся охраны труда, нормирования заработной платы.

В монографии раскрывается роль Болгарской рабочей партии (коммунистов) и лично Георгия Димитрова в формировании братских связей между общественностью двух стран. Обстоятельно освещается развитие в Болгарии движения за дружбу с Советским Союзом, которое приобрело массовый характер. На каждом промышленном предприятии, в коопера-

тивах, высших учебных заведениях создавались первичные организации БСО. К концу 1947 г. в стране насчитывалось более 3500 организаций, объединявших 1085 тыс. человек.

Значительное внимание автор уделит развитию и упрочению межславянского единства, сотрудничеству славянских комитетов Советского Союза и Болгарии в общей борьбе за мир, демократию и социальный прогресс. Новые архивные данные, приведенные автором, свидетельствуют о большой работе Славянского комитета Болгарии по пропаганде достижений первого в мире социалистического государства.

Читатель найдет в книге многочисленные примеры активного участия общественных и творческих организаций в складывавшихся советско-болгарских культурных взаимосвязях. По их инициативе в этот период состоялся обмен первыми делегациями деятелей науки, народного образования и культуры. Через ВОКС направлялось большое количество общественно-политической, научной и художественной литературы, выставок, хроникально-документальных фильмов, грампластинок и т. д.

С особым, пожалуй, интересом читается третья глава. Если раньше наиболее характерной чертой взаимоотношений общественности двух стран являлась помощь советских организаций болгарским, то на этапе завершения восстановления народного хозяйства и начала строительства социализма в Болгарии (1947—1948) общественные организации переходят к непосредственному двустороннему сотрудничеству. В эти годы совершенствовались формы и методы их работы. Они становились все более разнообразными и целенаправленными, что позволило вовлечь в сферу советско-болгарского сотрудничества все более широкие массы. В рамках профсоюзных связей уделялось большое внимание изучению советского передового производственного опыта, организации социалистического соревно-

вания. ВЦСПС направил в Болгарию группу прославленных новаторов производства, которые поделились с болгарскими рабочими своим богатым опытом.

Содержательным и интересным получился раздел книги, в котором рассказано об установлении непосредственных контактов между творческими организациями, а также отдельными писателями, журналистами, композиторами, кинематографистами, театральными деятелями.

Ежегодно общественные организации СССР и НРБ широко отмечают юбилейные и памятные даты в истории наших народов.

В монографии отводится немало места плодотворному советско-болгарскому сотрудничеству в международных общественных организациях (Всемирной федерации профсоюзов, Международном кооперативном альянсе, Лиге обществ Красного Креста, Общеславянском комитете и др.), где представители СССР и Болгарии последовательно отстаивали дело мира и безопасности народов.

Вполне закономерен вывод, к которому пришел автор,— накопленный опыт дружеских связей общественных организаций братских стран в рассматриваемый период заложил прочный фундамент для многогранного и взаимовыгодного сотрудничества СССР и НРБ во всех сферах общественной жизни.

Однако следует отметить, что в рецензируемой монографии встречаются повторы, досадные неточности. Автору следовало бы более четко обосновать этапы взаимосвязей общественных организаций Советского Союза и Болгарии, объяснить отсутствие разделов о сотрудничестве молодежных организаций. В целом же исследование Н. И. Туривненко значительно обогащает наше представление о становлении и развитии международных отношений нового типа на примере развития сотрудничества общественности СССР и НРБ.

Мельцер Д. Б.

М. Куделка. О pojětí slavistiky. Vývoj představ o jejím předmětu a podstatě.
Praha, 1984, 288 s.

М. Куделка. О понятии «славистика». Развитие представлений о ее предмете и содержании

Монография известного чехословацкого историка славистики Милана Куделки посвящена сложному вопросу о предмете славяноведения. Ее задачи — обобщение и исследование в главных чертах развития представлений о предмете славяноведения с конца XVIII в. до современности, а также рассмотрение проблемы содержания и существа славистики в соответствии с современным уровнем научно-теоретического и философского мышления, выделение новых аспектов, важных для дальнейшего научного осмысления. При этом под славистикой подразумевается целостная, ограниченная этнолингвистическим критерием междисциплинарная область научного знания, а отнюдь не славистическая тематика в отдельных общественных науках» (с. 7).

Монография состоит из «Введения», шести глав, «Заключения» и справочно-библиографических приложений. Первая глава посвящена процессу становления славистики как области систематических научных занятий, который автор относит ко второй половине XVIII в. и связывает с идейными течениями эпохи Просвещения. Во второй главе рассмотрена трактовка понятий «язык» и «нация» в период распространения романтических концепций, одним из проявлений которых явились разного рода теории всеславянства. В этой связи автор останавливается на развитии славистики в Праге и Вене, а также в России, Польше и ряде неславянских стран (Пруссии, Франции, отчасти Англии и США). В третьей главе — «Позитивизм и концепция Ягича» — прослеживается становление трактовки славистики как филологической дисциплины, получившей наиболее полное выражение в известном определении И. В. Ягича, которое оказало заметное влияние на дальнейшее развитие буржуазной славистики и до сих пор сохраняет определенное значение на Западе. В этой же главе М. Куделка характеризует эволюцию русского славяноведения второй половины XIX — начала XX в. и отмечает политическую обусловленность «восточноевропейских исследований» («Остфоршунга»), формирующегося в Германии, Австро-Венгрии, США и ряде других стран на рубеже XIX—XX вв. Две последующие главы целиком посвящены развитию славистики

в период между двумя мировыми войнами, а также после 1945 г. В главе «Некоторые теоретические вопросы славистики с материалистической точки зрения», несущей итоговый характер, автор обращается к выявлению места славистики в ряду общественных дисциплин, ее связей с социальной практикой и формулирует некоторые задачи дальнейших славистических исследований. Помещенное в конце книги детальное резюме на русском и немецком языках (с. 247—254) избавляет нас от необходимости более подробного ее реферирования.

Монография безусловно интересна для специалистов. М. Куделка впервые проанализировал в ней итоги теоретических и методологических дискуссий о предмете славистики за два истекших столетия, привлекая широкий круг источников и литературы (их перечень см. на с. 255 — 276).

Автор монографии, исходя из методологических принципов исторического материализма, стремится показать развитие представлений о сущности и предмете славистики, раскрыть динамику этого процесса в его обусловленности социально-политическими и идейно-научными факторами. Это — несомненное достоинство книги. М. Куделка неоднократно подчеркивает, в частности, что принятое в чехословацкой научной литературе понятие «Slovanství» [1, с. 78—96] было продуктом буржуазной идеологии и на определенном этапе развития отражало потребности борьбы славянских народов против иноземного угнетения. Однако позднее представление о «славянской племенной общности», о некоем «духе славянства» стали играть негативную роль, приобрели националистический характер. Именно поэтому в настоящее время актуальным является пересмотр подобных вопросов с позиций социалистического интернационализма (с. 224). Заслуживает одобрения и стремление автора базировать свои выводы на марксистской теории этноса, в том числе на новейших работах советских ученых. Отмечая, что генетическое родство славянских языков сыграло бесспорную роль в становлении и развитии славистики (с. 229), автор считает необходимым исследовать возникновение, существование и изменения конкретных форм этого

явления в конкретных исторических обстоятельствах (с. 237). В этой связи М. Куделка подвергает критике ряд положений зарубежной славистики (например, попытки связать те или иные факты исторического и культурного развития славян с их расовым типом или мнимыми особенностями их «народной психологии») (с. 226—227).

Указывая на широту и разнообразие собранного в книге М. Куделки конкретного материала и отмечая высокий теоретический уровень монографии в целом, мы хотели более подробно остановиться на тех положениях, которые, на наш взгляд, носят дискуссионный характер. Прежде всего это касается противоречивости исходных посылок автора, содержащихся во «Введении». Если он стремится выявить и объяснить смену представлений о предмете и содержании славистики — а именно так сформулирована задача исследования, — то ее невозможно решить в отрыве от развития науки. Следовательно, необходимо не упускать из вида реальный процесс накопления знаний, тщательно учитывать не теоретически возможные, а действительные пути совершенствования их научного осмысления и анализа. Как бы ни трактовать предмет славянских исследований, понятно, что сразу, одновременно как определенная система он возникнуть не мог. Поэтому столь категорическое противопоставление этой области знания славистической тематике в отдельных общественных науках противоречит, на наш взгляд, не только реальному ходу развития, но и тому вполне правильному пониманию славистики как исторически менявшегося понятия, за которое ратует М. Куделка.

В монографии получает дальнейшее обоснование точка зрения автора, высказанная им в ряде предшествующих работ, согласно которой «славистику нужно считать общей, тематически отграниченной областью общественных наук со своими собственными, специфическими предметами познания и методами исследования» (с. 211). При этом М. Куделка полемизирует со славистами, которые в своих работах употребляют понятие «славистические дисциплины», «дисциплины славистического комплекса», однако ссылаются только на написанную авторами настоящей рецензии вводную статью к библиографическому словарю «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979), хотя аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи [2 —

4; 1, с. 80]. Стóронники указанной точки зрения, заявляет М. Куделка, употребляя традиционное, но неопределенное понятие, создают впечатление, будто существуют какие-то специальные славистические подходы и методы. «Такие специфически славистические методы, — пишет он, — до сих пор, однако, не обнаружены. Общественные науки, поскольку они обращаются к области славистики, употребляют в качестве специфических познавательных средств свои собственные способы. В славистическом комплексе как особой области научного познания они ... интегрированы только общим взглядом на славянскую этнос» (с. 211). Несмотря на похвальную осторожность в формулировках и многочисленные оговорки, уточняющие приведенную мысль, М. Куделка в конечном итоге склонен относить к предмету славистики не всю историю и культуру славянских народов, а только то, что связано с их «славянскостью» и тем самым исключать из славяноведения практически любое относящееся к данной сфере исследование страноведческого диапазона.

И нам, и другим советским специалистам уже приходилось выступать против такого подхода. Не повторяя уже высказанных ранее аргументов [5], отметим лишь, что, по нашему мнению, М. Куделка слишком догматично трактует принцип «каждая научная дисциплина имеет свой предмет и свой метод исследований». Возникший в эпоху, когда структура научного знания была несравненно менее разветвленной, в настоящее время этот принцип довольно часто оказывается несостоятельным, поскольку возникающие на стыках наук новые отрасли знания зачастую имеют тот же предмет изучения и аналогичные исследовательские методы, что и существовавшие ранее дисциплины. Да и в них нет и не было в этом смысле особой четкости. Например, в филологии существуют славянское, романское, финно-угорское, общее языкознание и соответствующие литературоведческие дисциплины, историческая наука традиционно подразделяется на отечественную и всеобщую, рядом с которыми функционируют археология, этнография и т. д. А на стыках названных дисциплин есть еще востоковедение и африканистика, индееанистика и славяноведение. Совершенно очевидно, что решению вопроса может помочь в данном случае только изучение реального процесса развития науки, а не попытка уложить многообразные факты в прокрустово ложе принципа

«один предмет — один метод исследования».

В монографии М. Куделки неоднократно указывается на то, что в славянских странах предметом славистики обычно являются зарубежные славянские народы, тогда как отечественная проблематика изучается отдельно. По мнению М. Куделки, это свидетельствует о том, что «славистика стала аморфной и произвольно меняющейся областью научного исследования с достаточно неопределенным содержанием и объемом» (s. 239). С этим трудно согласиться. Здесь явно смешиваются понятийный и организационный аспекты. В советской науке получил распространение взгляд, согласно которому славистика представляет собой комплекс общественных дисциплин, изучающих язык, культуру и историю славянских народов и их взаимоотношения как между собой, так и с другими народами [6]. Тот факт, что в славянских странах, согласно давней традиции, изучение отечественного языка, культуры и истории ведется особенно от изучения той же проблематики у остальных славянских народов, вызван вовсе не исключением данной области знаний из понятия «славистика», а соображениями организационно-практического характера. По той же причине, в частности, в неславянских странах к славистике относят дисциплины, изучающие славянские народы в целом. По мнению М. Куделки, славистика обрела бы свой предмет лишь в случае, если бы ограничилась рассмотрением общеславянской проблематики в сравнительном плане, существуя наряду с такими областями, как русистика, богемистика и др. (s. 242). Такой подход не представляется целесообразным. Во-первых, не решается главный вопрос — о предмете исследования, а лишь переносится с междисциплинарного уровня на уровень страноведческий. Во-вторых, такой подход приводит к многочисленным затруднениям чисто понятийного и организационного характера, что едва ли плодотворно.

Трудно согласиться с высказанным в монографии М. Куделки безоговорочным утверждением, будто славянское этническое сознание не является отражением объективного существования этноса, а представляет собой лишь «ложное», идеологическое отражение действительности (s. 228). Все зависит от конкретных исторических условий: специалисты с достаточной убедительностью показали, например, наличие в эпоху раннего средневековья вполне реального славянского

самосознания, отражавшего взаимоотношения славянских этносов накануне татаро-монгольского нашествия [7]. Мнение о бесплодности подхода, при котором «из факта родства славянских языков делался бы прямолинейный вывод о сходстве всего исторического развития народов, которые этими языками говорят» (s. 234), по существу правильно. Однако ссылка М. Куделки на то, что «к подобному заключению пришел также К. В. Чистов» в своем докладе на VII Международном съезде славистов, не представляется правомерной. Во-первых, потому, что данная мысль давно уже утвердилась в науке и едва ли нуждается в дополнительном подтверждении. Во-вторых, в своем докладе К. В. Чистов ставит вопрос несколько иначе. Называя славянскую общность «замечательным явлением в европейской истории», которое «имеет перспективу расширяться и укрепляться», К. В. Чистов справедливо отмечает, что она «при внимательном рассмотрении оказывается явлением сложным, тесно переплетенным с общеевропейской, региональной общностью и т. д. В различных сферах традиционной культуры эти начала вступают в весьма своеобразные соотношения. Это выдвигает проблемы разработки методов дифференцированного рассмотрения общности и различий отдельных компонентов культуры и в то же время — установления общих критериев для сопоставления полученных результатов» [8]. Таким образом, К. В. Чистов, в отличие от М. Куделки, не только не отрицает объективного факта существования славянской общности, но и солидаризируется с выводом В. Д. Корольюка о существовании славянского самосознания уже в древний период истории восточных, южных и западных славян [9]. Думается, что ошибка М. Куделки заключается в том, что он не проводит различия между понятиями этнического самосознания и этнического сознания, а это важно, поскольку этническое сознание действительно носит классовый, идеологический характер.

Наконец, хотелось бы обратить внимание на трактовку М. Куделкой вопроса о становлении славистики. Датируя «начало целенаправленного и систематического научного исследования народов, говорящих на славянских языках, как этнической общности» последней третью XVIII — началом XIX в. (s. 14), он считает, что первые попытки такого исследования были предприняты в Германии, а «некоторые из них были осуществлены

в тесном взаимодействии немецкой и русской науки» (с. 15). Нам кажется, что такие однозначные формулировки неоправданно упрощают сложнейший и многоплановый процесс становления славистики в ходе переработки прежних представлений и на основе тесных контактов между учеными России и ряда славянских стран со специалистами из неславянских стран (особенно Швеции и Германии) [10]. Это происходило намного раньше указанного М. Куделкой периода, примерно на рубеже XVII—XVIII вв., когда заключительный этап «предыстории» славистики постепенно перерастал в ее «историю». Нельзя забывать и о том, что осознание межславянской этнической близости характерно уже для раннего летописания у разных славянских народов и многократно отражалось позднее русскими, украинскими, польскими, чешскими и другими славянскими анналистами вплоть до XVII в. Другое дело, что представления эти развивались в рамках науки феодальной эпохи, в которой принципы классификации наук существенно отличались от более поздних. Отделяя (вслед за А. Н. Пыпиным) «научное» славяноведение от «донаучного», М. Куделка не упоминает русского ученого В. Н. Татищева, давшего с позиций раннего Просвещения картину славянского мира, а также шведского слависта И.-Г. Спарвенфельда, деятелей культуры южнославянских народов Пансия Хилендарского, Д. Обрадовича, И. Раича и других авторов, обращавшихся к проблемам славянской общности. Связывая возникновение «научной» славистики в России с Румянцевским кружком, М. Куделка лишь бегло касается деятельности А. Х. Востокова, о приоритете которого в решении многих вопросов славянских древностей и языка с уважением писал И. Добровский. Есть в рецензируемой книге и некоторые другие неточности в освещении начального этапа развития славистики, в оценке конкретного вклада в науку отдельных ученых различных стран.

Монография М. Куделки подводит итоги многолетней работы автора. В целом она является значительным шагом на пути комплексного изучения эволюции понятия предмета славистики. Вместе с тем монография еще раз показывает большое методологическое значение этой

сложной проблематики, требующей тщательного учета самых разнообразных фактов и весьма продуманной, теоретически обоснованной их интерпретации.

Дьяков В. А., Мыльников А. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ненашева З. С.* Идея славянской общности в современной советской и чехословацкой историографии (Некоторые терминологические и теоретические аспекты).— В кн.: Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.
2. *Королюк В. Д., Толстой Н. И., Хренов И. А., Шептунов И. М., Шерлаимова С. А.* Советское славяноведение. Краткий обзор литературы. 1945—1963 гг. М., 1963.
3. *Марков Д. Ф.* Славистика как комплекс научных дисциплин.— В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 12.
4. *Досталь М. Ю.* Методологические вопросы истории славяноведения в чехословацкой и советской историографии последнего двадцатилетия.— В кн.: Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984, с. 294.
5. *Дьяков В. А., Мыльников А. С.* Изучение истории славистики чехословацкими учеными в 1968—1978 гг.— Советское славяноведение, 1979, № 3, с. 96—101.
6. *Дьяков В. А., Марков Д. Ф., Мыльников А. С.* Некоторые узловые методологические вопросы истории мировой славистики.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 465—490.
7. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
8. *Чистов К. В.* Этнические аспекты славянской фольклористики.— В кн.: История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 385.
9. *Королюк В. Д.* К вопросу о славянском самосознании в Киевской Руси и у западных славян в X—XII вв.— В кн.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, с. 98—113.
10. *Мыльников А. С.* Об истоках становления славяноведения в России. К вопросу об изучении «предыстории» славистики.— В кн.: Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984, с. 5—42.

Новая книга профессора Варшавского университета З. Либера — итог его многолетнего изучения литературы польского Просвещения с одновременным выходом в сферу практического применения выдвинутых ученым идей и предложений. Имеется в виду как характер отбора литературных памятников, так и хронологические рамки антологии, которой предшествует исследование.

В послевоенном польском литературоведении долгое время преобладала концепция, отождествляющая протяженность литературной эпохи Просвещения с историческими этапами польской государственности [1]. Отсюда же выводились и критерии подхода к собственно литературным явлениям, и сама хронология литературного процесса. В конечном итоге условными веками литературы Просвещения считались даты правления Станислава Августа (1764—1795), которое завершилось крушением польского государства. З. Либера, рассматривая литературу эпохи Просвещения в категориях литературных направлений и литературной культуры, показывает на конкретных фактах существование и количественное преобладание просветительских явлений вплоть до 1830 г. После 1795 г. ученый выделяет литературные направления просветительского классицизма и сентиментализма, который, продолжая традиции предшествующего периода, насыщается новыми тенденциями (введение фантастических и балладных мотивов, увлечение народной культурой, усиление эмоционального начала). Тем самым период с конца XVIII — начала 20-х годов XIX в., рассматриваемый обычно как нечто лежащее «между» Просвещением и романтизмом или дробившийся на части (до возникновения Княжества Варшавского, либо Королевства Польского, либо дебюта Мицкевича в 1822 г.), теперь предстает как заключительный этап Просвещения [2]. Причем автор видит его не как нечто «замкнутое» — одни явления литературы и литературной жизни рассматриваются в развитии как отражение «проникновения новых художественных идей в мир старых представлений», другие показывают, как «становятся застывшими и тривиальными прежние формы и структуры, а на их месте появляются новые, перед которыми открываются пути развития» [3, с. 7].

Исходя из обусловленности литературного развития факторами общественной истории и опираясь на конкретные факты культурной жизни, З. Либера предлагает следующую внутреннюю периодизацию заключительной стадии Просвещения: 1795—1807 — от крушения Речи Посполитой до возникновения Княжества Варшавского; 1807—1815 — до возникновения Королевства Польского; 1815—1830 — до ноябрьского восстания.

Исторические изменения обусловили специфику культуры на разрозненных и оказавшихся в разных общественно-политических условиях польских землях. После кратковременной полосы упадка и застоя начинается оживление, выдвигающее такие центры культурной жизни, как Варшава, Вильно, Львов, Кременец. Возникновение Варшавского общества друзей наук, постепенный подъем научно-просветительской жизни и системы образования обусловили как непрерывность, так и развитие основных тенденций «века разума» в 1795—1807 гг. Именно это, наряду с созданием собственной государственности в рамках Княжества Варшавского, способствовало подъему культуры в следующем периоде. Заключительный этап был культурно-историческим и общественно-политическим продолжением и развитием предшествующего.

Единая линия эволюции культурной и собственно литературной жизни показана З. Либерай на фактах истории журналистики и литературоведческой мысли этого времени, деятельности литературных салонов и связанной с этими факторами интенсификации литературной жизни¹. Свидетельством собственно литературных изменений, характеризующих все тридцатилетие, является, по мнению исследователя, развитие романа социально-бытового, психологического и исторического. Это суждение подтверждается творчеством М. Виртемберской, Ф. Бернатовича, Л. Кропильского, Ю. У. Немцевича и др. Наряду с романом развивается

¹ Следует отметить, что исследование З. Либера и составленная им антология основаны на творчестве не только «хрестоматийных» писателей, но и тех, которые, будучи в свое время известными или даже популярными, предопределяли облик литературной жизни своего времени. Такое расширение материальной базы исследования способствует углублению суждений о прошлом и большей убедительности выводов.

классицистическая трагедия (А. Фелиньский, Л. Кропинский, Ф. Вэнжик и др.), отражая тенденцию осмысления национального прошлого сквозь призму индивидуальных судеб.

Особой сферой разветления философско-эстетических идей Просвещения и зарождения тех элементов, которые подготавливали уже новую эпоху, является литературная критика. Здесь путь от воззрений просветительских до романтических символизируют имена К. Бродзинского — с одной стороны, и М. Мохнацкого — с другой.

Рассматривая развитие поэзии, З. Либера выделяет в ней течение, которое характеризуют элегический тон, историко-софская рефлексия, национально-морализаторские и мессианские элементы. Крупнейший представитель этого течения — Я. П. Воронич выступает уже не столько продолжателем просветительских, сколько предтечей романтических тенденций.

Жанрово разнообразное творчество Ю. У. Немцевича является свидетельством проникновения в просветительский классицизм и сентиментализм новых элементов, предвещающих уже следующую эпоху. Произведения же К. Козьяна, Л. Осиньского и А. Фелиньского представляют достаточно сильное направление, связанное со строгим соблюдением классицистических правил. В то же время теоретические высказывания ряда других классицистов свидетельствуют о проникновении в литературную мысль новых веяний, которые, однако, далеко не всегда отражались в художественной практике их авторов.

В разгорающемся споре «романтиков и классиков» З. Либера выделяет группу «умеренных» писателей, стремящихся сгладить противоречия и использовать в своем творчестве как «старое», так и элементы «нового» (Ф. Вэнжик, Ф. Морагский, Л. Кропинский, А. Горецкий и др.).

Итак, первое поколение польских романтиков во главе с Мицкевичем начинало творить в условиях преобладания просветительского классицизма и развивавшегося сентиментализма, который обрел новые по сравнению с XVIII в. качества, которые, впрочем, проявлялись и в творчестве некоторых классицистов (усиление эмоционального начала, обращение к народной культуре, фантастические мотивы). Начинающие романтики обращались к уже выработанным до них жанрам

(отдавая предпочтение балладе) и постепенно усиливая роль собственно романтических факторов.

Рассматривая зарождение и развитие романтического направления в недрах позднего Просвещения, З. Либера подчеркивает связь романтизма с культурой восточной части принадлежавших некогда Польше земель Литвы, Белоруссии и Украины. Вслед за Ю. Клейнером он отмечает, что культура, местный колорит и фольклор этих земель был для первых польских романтиков тем, чем для английского романтизма Шотландия. В этом свете рассматривается, в частности, творчество А. Мальчевского, С. Гоциньского, Ю. Б. Залеского и др.

Литература времен ноябрьского восстания представлена направлениями как Просвещения, так и уже выделившегося в качестве самостоятельного явления романтизма. Причем, парадоксальным представляется автору факт, что «в поэзии ноябрьского восстания, которое было делом рук молодых романтиков, фигурируют произведения, созданные в классицистическом духе» (с. 76). В исторической перспективе это не кажется столь уж неожиданным. Повторилось то, что было в период восстания Костюшко: классицизм с его гражданственным пафосом и великолепно разработанными формами высокого стиля более соответствовал характеру выражения патриотических чувств и общественных идей, чем нормы других поэтик. (Аналогичные тенденции просматриваются, например, и во французской поэзии времен революционных взрывов конца XVIII — первых десятилетий XIX в.).

Рассматривая эту спорную с точки зрения литературоведческой хронологии полосу времени как целостное явление, З. Либера показывает внутреннюю сложность и неоднородность составляющих его направлений и отдельных произведений. В результате развитие польской литературы от Просвещения к романтизму предстает не в категориях «переворотов» (концепция, возникшая как результат противопоставления исследователями смежных эпох в их уже завершенном виде [3]), а как следствие преемственности, взаимодействия и борьбы элементов «старого» и «нового». Материальное подтверждение эта концепция получает в текстах составленной автором антологии.

Липатов А. В.

1. *Липатов А. В.* Проблемы периодизации литературы польского Просвещения. — Советское славяноведение, 1971, № 3.

2. *Липатов А. В.* Периодизация литературы польского Просвещения. — Советское славяноведение, 1972, № 6.
3. *Липатов А. В.* Теоретическая проблематика стыка литературных эпох. — Советское славяноведение, 1979, № 6.

V. Macura. Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ. Praha, 1983.

В. Мацура. Под знаком носого. Чешское национальное возрождение как тип культуры

Эпоха национального возрождения традиционно привлекает внимание чехословацких исследователей. Только за последнее десятилетие из печати вышли общие работы специалистов по истории, истории культуры, языкознанию, философии, эстетике, этнографии этого важного и интересного периода национальной истории (И. Кочи, М. Отруба, П. Вит, Вл. Штепанек, К. Крейчи и др.). Свой во многом новаторский вклад в решение проблемного комплекса «чешское национальное возрождение» вносит и молодой чешский литературовед В. Мацура.

Автор не ставит своей целью дать общий обзор истории духовной жизни и культуры Чешских земель в эпоху национального возрождения, он стремится выявить типологические особенности формирования чешской национальной культуры на «вершинном» этапе возрождения — в первое тридцатилетие XIX в. Обосновывая свою задачу, В. Мацура подчеркивает теоретический характер труда (с. 9). Здесь же он заявляет, что оставляет в стороне темы, «без которых не может обойтись ни одна синтетическая работа», — периодизацию историко-культурного процесса, экономическое положение Чешских земель на рубеже веков и другие. Следует сказать, что и эти вопросы находят свое место на страницах книги.

Итак, в центре внимания — «вершинный» период чешского национального возрождения, традиционно называемый юнгмановским периодом, или иногда даже «собственно возрождением». Автор стремится представить эпоху чешского национального возрождения как период, в котором одновременно происходит и формирование и распад типа «культуры чешского возрождения», конкретно показать исторический процесс как единое целое, выделить его существенные признаки.

При этом В. Мацура считает необходимым рассматривать национальную культуру

в контексте общеевропейского исторического, духовного и культурного развития, не упуская из вида национальное своеобразие художественных процессов и их связь с общественным движением. Подчеркивается сложность этого отношения, его обусловленность специфическими национальными условиями: нарушением поступательного процесса культурного развития, вытеснением чешского языка немецким из важнейших областей жизни, созданием новой чешской культуры в контексте немецкоязычной и т. д.

Синтетический и аналитический характер работы определяет композицию книги. Первая часть («Морфология») включает семь глав, посвященных синкретизму, стремлению к эмансипации, лингвоцентризму, переводам, мифологии, идеалу, игре и мистификации, патриотизму. По мнению автора, это и есть типичные признаки культуры юнгмановской эпохи, составные слагаемые «вершинного» периода чешского национального возрождения.

Синкретизм, применительно к исследуемому периоду, рассматривается в двух аспектах. Если такие стилистические категории, как барокко, рококо, классицизм, романтизм и др., считает В. Мацура, пригодны для характеристики и периодизации развитых культур «больших» народов, то применительно к чешской культуре эпохи национального возрождения их употребление затруднительно. Этим положением, к сожалению, не нашедшим в работе обоснования, объясняется и нечеткость в вопросах периодизации. Так, если Я. Влчек и Я. Якубец считали юнгмановцев романтиками (не только К. Г. Маху, но и Коллара, Юнгмана, Ганку и др.), то А. Несак называл это поколение классицистами, а начало романтизма в чешской литературе относил к 30-м годам. Синкретизм, таким образом, вызван необходимостью «комплексно» догнать художественное развитие народов с «непрер-

ванным» культурным развитием и является побочным явлением «ускоренного» развития чешской культуры.

Но синкретизм понимается автором и в другом смысле, как недостаточная внутренняя дифференцированность отдельных областей культуры. Это объясняется стремлением к «идеалу» — созданию «полной» национальной культуры, и следовательно также связано с «ускоренным» развитием. При этом выходящая на первый план область культуры принимает элементы другой. Так, формирующаяся чешская публицистика 20—30-х годов использует художественную литературу и науку. Художественная литература этого времени включает в себя заметный публицистический элемент, выполняя, например, задачу «защиты» чешского языка. Это положение меняется к 40-м годам XIX в., когда отдельные области культуры получают относительную автономию, когда наука освобождается от эстетических и публицистических функций и пр.

Следующий типологический знак культурного развития юнгмановского периода, существенный механизм общекультурного характера В. Мацура видит в стремлении чешской культуры к эмансипации, независимости от немецкой культуры, в контексте которой идет процесс ее становления. Здесь автор различает два вида связи: «негативную» — «мы самостоятельны, так как наша культура обладает иными ценностями» (это раскрывается на примере дискуссии о смысле чешской философии) и «аналогичную»: «мы самостоятельны, так как наша культура обладает теми же ценностями, что и немецкая» (на примере дискуссии о просоции). Вряд ли здесь можно согласиться с утверждением автора о «зеркальном отражении» чешской культурой немецкой, ее безусловной зависимости от немецких образцов (с. 41).

В главе о «лингвоцентризме» речь идет о филологическом характере культуры чешского национального возрождения. Нередко значение, придаваемое вопросам языка, выходило за границы языкознания, что было обусловлено местом языка в формировании чешской национальной культуры. Тесную связь вопросов правописания с эстетическими и политическими явлениями автор демонстрирует на примере дискуссии, развернувшейся в Чешских землях в связи с победой России над Наполеоном, когда встал вопрос о переходе к кириллице.

Одним из парадоксов культуры эпохи чешского национального возрождения

В. Мацура считает тот факт, что развитие языка в этот период определялось не потребностью литературы и науки, а напротив — развитие науки считалось одним из условий расцвета чешского языка.

С вопросом «лингвоцентризма» тесно связана и проблема переводов, как одного из существенных признаков формирования национальной культуры. Правоммерно подчеркнута самобытность чешской литературы на примере перевода как элемента активной борьбы за национальность культуры. Большое внимание в главе о переводах уделено переводческой деятельности Й. Юнгмана, который таким образом выражал отношение к актуальным вопросам своего времени.

В последующих главах первого раздела — о мифологии, идеале и мистификации автор пишет о попытках строить чешскую культуру «вне действительности, вне реального времени и пространства, наперекор вынужденным условиям» (с. 121), считая это одним из характерных признаков рассматриваемого периода, обусловленным, по мнению автора, оправданно скептической оценкой будущего чешской культуры. С этим связывается и появление литературных мистификаций (Краледворской и Зеленогорской рукописей), вызванное стремлением к созданию «полной», «цельной» чешской культуры.

Противоречие идеала и действительности рождает и стремление строить чешскую культуру для «иллюзорного» и «фиктивного» чешского национального общества. Можно согласиться с В. Мацурой в том, что массовая база патриотического движения была создана в Чешских землях лишь в 40-е годы XIX в., однако вряд ли правоммерно говорить об отсутствии в юнгмановский период «общественной национальной жизни». Наиболее характерным ее проявлением, как об этом неоднократно писал Эд. Неedly, была активная патриотическая жизнь. Главой, посвященной социальной базе национального возрождения, заканчивается первый раздел книги.

Во втором разделе («Семантика») характеризуется несколько ключевых понятий эпохи, «идеограмм», типичных для мышления общества того времени: отношение общества к античной культуре; понятия «родина», «народ», их изменения в мышлении; «центр» (географическое положение страны, подобное мосту между Западной и Восточной Европой, между немцами и славянами); «Прага» — и как символ национальной жизни и как боль-

шой развивающийся город (пражские реалии).

В заключение можно с уверенностью сказать, что с задачей — трудной и во многом новаторской — исследовать чешское национальное возрождение с точки зрения типологии культуры, выявить за кажущимся разнообразием отдельных фактов культурной жизни общие черты, автор успешно справился. В. Мацура опирается на большой материал, позволивший ему определить характер («Морфологию») и понятийный аппарат («Семантику») культуры чешского национального возрождения.

Сосредоточив анализ на первом тридцатилетии XIX в., автор, как правило, противопоставляет этот период предшествующему — чешскому Просвещению

и последующему — сороковым годам XIX в., гораздо реже останавливаясь на общих моментах, свойственных всей эпохе и составляющих сущность чешского национального возрождения как единого исторического и культурного комплекса.

Книга В. Мацуры заслуживает внимания, прежде всего, с методологической точки зрения, намечает ряд общих моментов с иными областями культуры (о чем, в частности, свидетельствует и привлеченный автором богатый иллюстративный материал). Труд является исследованием теоретико-обобщающего характера, способствующим дальнейшему движению творческой мысли, серьезным достижением в изучении истории чешской культуры.

Титова Л.

ЦЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О БОЛГАРСКОМ ИСКУССТВЕ

В новой монографии советской исследовательницы И. Н. Воейковой «Революционная героиня в искусстве Болгарии (М., 1983) глубоко прослежено отражение болгарской революционной героини в национальном изобразительном искусстве, привлечены при этом некоторые факты литературы. Борьба против османских, а затем и своих национальных угнетателей — богачей, ростовщиков, капиталистов и фашистов стала одной из магистральных тем в творчестве болгарских художников. Поэтому исследование И. Н. Воейковой охватывает период более чем сто лет — 1870—1974 гг.

Автор прослеживает преемственность революционно-героической тематики в работах представителей нескольких поколений болгарской творческой интеллигенции. Она показала, как, начиная с 70-х годов прошлого века, революционно-героическая тематика входит в болгарское искусство, отражаясь также в поэзии крупнейших писателей. Яркое воплощение тема получила в работах таких замечательных художников и скульпторов, как И. Милев, И. Фунев, А. Жендов, Б. Ангелушев, И. Бешков, Д. Узунов, Л. Далчев, С. Сотиров, С. Русев, Х. Нейков, Э. Дыбова, А. Панайотова, К. Тасева и других деятелей искусства прошлого и современности.

Развитие революционно-героической темы в искусстве Болгарии находится в тесной связи с этапами национальной

истории страны, ее движением по пути прогресса и подлинной демократии. Читатель найдет в книге много фактов из национальной истории Болгарии, познакомится с летописью борьбы народа за лучшую долю.

В монографии показана взаимосвязь между различными видами болгарского искусства. Революционная поэзия и проза становились источником вдохновения для художников и скульпторов, а их произведения, в свою очередь, способствовали обращению к данной тематике новых поколений поэтов и писателей. И. Н. Воейковой удалось создать лаконичную, но очень насыщенную и органичную картину развития болгарского изобразительного искусства.

Историческая ретроспектива помогла исследовательнице не только провести анализ отдельных стилистических направлений в болгарском изобразительном искусстве, но и очертить их специфику, выявить богатство выразительных средств метода социалистического реализма у современных художников и подвести к выводу о его исключительных возможностях.

Следует отметить и еще одно важное достоинство книги. Автор не ограничилась исследованием революционной героини в болгарском изобразительном искусстве только на национальной тематике. Многие болгарские художники и скульпторы черпали творческое вдохно-

вление, обращаясь к образам В. И. Ленина, Ф. Э. Дзержинского, Я. Свердлова, темам гражданской войны в России и борьбы советских людей против фашизма. Развитие революционной героики в болгарском изобразительном искусстве, таким образом, показано более широко, в его взаимосвязи с революционным движением советского, болгарского и других народов, их борьбой против инозем-

ных захватчиков и за торжество идей социализма.

Книга богато иллюстрирована и дает советскому читателю широкое представление о лучших работах болгарских художников и скульпторов на упомянутую тему.

Калиганов И. И.

Полесский этно-лингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1933, 288 с.

По инициативе Института славяноведения и балканистики АН СССР вот уже свыше двух десятилетий ведется планомерное изучение языка (говоров), народной культуры и истории Полесья, которое в силу известных обстоятельств является одним из очень важных («узловых») славянских регионов, «по отношению к которым в первую очередь следует ставить задачу комплексного изучения славянских древностей и взаимного согласования данных разных научных дисциплин, формирующих науку о славянском этногенезе и этнокультурной истории» (с. 8). Считаем важным отметить, что вначале сравнительно небольшая инициативная группа Института славяноведения АН СССР по исследованию Полесья во главе с Н. И. Толстым сумела так организовать свою работу, что в скором времени после ее создания (1962) к ней присоединилось значительное количество ученых вузов УССР, БССР, РСФСР, и сейчас это довольно мощный научный коллектив. В плане организации научной работы этот опыт во многих отношениях достоин подражания.

Рецензируемая книга является очередным выпуском серии тематических сборников по Полесью (ср. {1; 2; 3}). Она открывается программной статьей Н. И. и С. М. Толстых «О задачах этнолингвистического изучения Полесья» (с. 3—21), в первой части которой дается обзор наиболее важных исследований языка (говоров), истории, народной материальной и духовной культуры района украинского и белорусского Полесья. Результаты этой работы довольно значительны: кроме тематических сборников, опубликован ряд монографий, словарей, десятки (если не сотни) статей; подготовлено несколько лингвистических атласов, охватывающих большие или

меньшие районы полесского ареала (Т. В. Назарова, Н. В. Никончук, Ф. И. Бабий, Р. В. Кравчук, П. Ф. Романюк, Г. Л. Аркушин и др.); появились монографические (в том числе диссертационные) исследования отдельных тематических групп лексики. Достаточно весомы и качественные, т. е. научные результаты двадцатилетних трудов исследователей Полесья. Обнаружены — и в довольно значительном количестве — полесско-карпатские, полесско-севернорусские, полесско-южнославянские языковые (лексические и др.) и этнографические общности, параллели и схождения; в ряде зон полесского ареала подробно установлено внутреннее диалектное членение; много новых данных получено об отношении полесских говоров к украинскому и белорусскому литературному языкам, об украинско-белорусской и восточнославянско-польской интерференции в этом регионе и пр.

Во второй части своей статьи авторы выдвигают и обосновывают необходимость создания Полесского этнолингвистического атласа (ПЭЛА). На наш взгляд, идея эта очень важная и плодотворная, так как подобный атлас даст новые ценные материалы для решения важных вопросов общей славистики, для изучения внутренних и внешних связей полесского ареала.

Далее следует «Программа Полесского этнолингвистического атласа» (с. 21—46, авторы А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая). При составлении программы авторы руководствовались четкими принципами, в нее включались вопросы, на которые даются «разные ответы на территории самого Полесья и обнаруживают, таким образом, членение полесской территории в этнолингвистическом отношении, либо вопросы, которые вы-

являют внешние ареальные связи [Полесья с другими славянскими этноязыковыми зонами — параллели, соответствия или, наоборот, противопоставления. При этом основное внимание уделяется фактам, которые могут квалифицироваться как славянские „древности“, а среди последних преимущество отдается тем, которые наименее изучены в общеславянском плане» (с. 13). В принципе с этим, вероятно, следует согласиться. Программа состоит из 4 глав с дальнейшим делением на разделы: I. «Семейная обрядность» (разделы «Свадьба», «Родины», «Похороны»); II. «Календарная обрядность» («Святки», «Весна», «Купала»); III. «Обряды хозяйственного цикла» («Сев и жатва», «Скотоводство», «Ткачество», «Хлеб», «Утварь и одежда», «Демонология»); IV. «Представления о природе» («Астрономия», «Метеорология», «Время», «Дождь», «Гром», «Град», «Растения», «Звери», «Птицы», «Насекомые», «Медицина», «Фольклор»). Как видно из перечня, «Программа» в целом охватывает все важнейшие моменты народной культуры, хотя, по нашему мнению, полезно было ввести хотя бы небольшие разделы о ветеринарии, плотничестве и кузнечном деле, скорнячестве и кожевничестве, портняжестве и сапожничестве, гончарстве, обычном праве. Не все разделы «Программы» разработаны с одинаковой обстоятельностью и полнотой. Нам представляется, что некоторые разделы (в частности, «Свадьба», «Похороны») следовало бы пополнить весьма важными вопросами о древних элементах народной культуры, имеющих параллели или соответствия (продолжения ареалов) у других славянских и неславянских народов. В ряде разделов следовало бы значительно больше дать вопросов об эвфемизации, табу, запретах. Упоминания о верованиях, связанных с печью, дежой, огнем, топором, ножом, крапивой, межей, чесноком, солнцем, месяцем и пр., разбросаны по разным разделам «Программы»; очень полезны были бы специальные (перекрестные, синтетические) вопросы с такой тематикой.

Этнолингвистика — новое научное направление, возникшее на стыке языкознания (диалектологии), этнографии и фольклора. Собирая материалы по программе ПЭЛА, безусловно, довольно непростое дело. Поэтому приходится сожалеть, что эта программа не снабжена обстоятельной инструкцией, которая давала бы эксплоратору четкие рекомендации по подготовке к экспедиции, подбору

информаторов, методике опроса и фиксации полученных ответов, использованию технических средств записи, фонетической транскрипции и пр. Для обеспечения большей точности ответов очень важно было бы хотя бы часть вопросов (наиболее трудных для информаторов и эксплораторов) снабдить рисунками, фотографиями, схемами. Чтобы этой программой могли пользоваться не только полесоведы, ее необходимо напечатать отдельным изданием.

К программе ПЭЛА прилагается краткая (на 65 вопросов) анкета «Народная культура Полесья» (с. 47—49), по которой предполагается провести анкетирование с контрольными целями на территории более широкой, чем территория атласа, а также в других славянских зонах (с. 14).

Следующая публикация в рецензируемом сборнике — «Материалы к Полескому этнолингвистическому атласу» (с. 49—153, авторы А. В. Гура, О. А. Тернозская, С. М. Толстая) — представляет собой подборку диалектных текстов, записанных участниками полесских экспедиций в разных точках исследуемого ареала. Тексты снабжены многими фотографиями, рисунками. Размещение материала в подборке соответствует композиции программы.

Статья Н. В. Никончука «Правобережнополесские говоры с лингвогеографической и исторической точек зрения» (с. 153—173) написана на материалах его «Лексического атласа правобережного Полесья». В первой части статьи автор на основании фонетических, морфологических и лексических черт характеризует правобережнополесский диалект украинского языка в диалектном континууме Полесья, выделяя в нем 18 групп говоров. Вторая часть статьи посвящена интерпретации пучков изоглосс и ретроспективной характеристике древнейшего диалектного членения в пределах исследуемого континуума. Нам представляется, что в этой части статьи предположения, выводы и обобщения автора не всегда строятся на строго научном анализе фактов, надлежащим образом не аргументируются. Так, Н. В. Никончук утверждает: «Сложную стратиграфию имеет горынский пучок изоглосс. Среди волинско-полесских диалектных ареалов выделяются ареалы довольнянского периода (до VIII в., когда довольняне колонизировали западное Полесье) — это слова широкого славянского распространения: *стубла* „топь, трясина“, *вуз-*

дър „комель дерева“, *натйна* „листья и стебли огурцов“, *тронбк* „рукоять (вил, лопаты)“ (с. 165—166). Позволительно спросить, кем и когда было установлено, что в столь отдаленные времена в этом районе отмеченные слова существовали и имели именно такое значение? Или еще: «Древлянско-дреговичские инновации — это общие фонемы δ ($\widehat{yo}$), $\hat{e}$ ($\widehat{ie}$), система ударного вокализма» (с. 167). Здесь просто нет согласия с историей. Таким же произвольным является предположение автора, что «древляне уже в глубокой древности разделялись в две этноязыковые группы — южную и северную» (с. 169). Приведенные автором далее аргументы с точки зрения истории не выдерживают критики. Воссоздать членение доисторических родоплеменных восточнославянских диалектов, бесспорно, очень важная и заманчивая идея. Но это довольно сложное предприятие. Совершенно недостаточно иметь сведения о давних административных границах, расположении племен и локализации даже довольно большого количества языковых и этнографических явлений. Эти явления должны быть еще тщательно изучены с точки зрения их этимологии, хронологии, истории развития и пр. Имеются в статье и просто досадные ошибки. К полесским изоглоссам (древнерусского периода) Н. В. Никончук причисляет, например, *л'ѣмос'*, «в прошлом году» (с. 165), но в пределах Славии это наречие с такой же семантикой имело и имеет довольно широкий ареал ср. ст.-сл., др.-рус. (XI—XII в.) *лѣмось*, др.-пол. (середина XV в.) *latoś*, др.-чешск. (первая половина XIV в.) *letos* и др.; типологически ср. нем. *heuer id.*, ср.-в.-нем. *hiure*, др.-в.-нем. *hiuru*, из *hiu jāru* «в этом году». Нельзя согласиться с утверждением Н. В. Никончука, что в правобережнополесских говорах «почти повсеместно уже завершился процесс монофтонгизации дифтонгов в новозакрытых слогах на месте давних *o*, *e*» (с. 154). Магнитофонные записи — 60 — начала 70-х годов свидетельствуют о довольно хорошей сохранности дифтонгов в таких позициях [4].

В статье «Географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья (Опыт семантической классификации)» (с. 173—189) Е. А. Черепанова на основании собранных ею в указанном районе материалов [5] предлагает свою семантическую классификацию местных географических терминов (четырёхступенчатую).

Предложенная Е. А. Черепановой схема имеет явные преимущества (стройность, последовательность, логичность) перед ранее предлагавшимися схемами П. Нитше, И. Шютца, М. Юрковского. Однако нам представляется, что в классификации имеются отдельные пропуски. В рубрике «остров» различается только две подрубрики «остров на реке» и «остров на озере». А разве нет в описанных говорах понятия «остров вообще»? Вероятно, здесь сыграли роль и состав и формулировка вопросов программы, по которой собирался материал. Весьма продуктивны в теоретическом и практическом плане установленные Е. А. Черепановой критерии определения (реконструкции) потенциальных апеллятивов, которые не отмечены в свободном употреблении и зафиксированы только в составе топонимов (микротопонимов).

В. М. Куриленко в статье «Животноводческая лексика Полесья в ареальном аспекте» (с. 190—198), сопоставляя пучки изолекс с изопрагмами, фиксирует ряд случаев полного или частичного их совпадения. Автор пытается размещение некоторых изолекс ставить в зависимость от изопрагм. В плане комментирования или интерпретации изоглосс вообще это очень эффективный прием. Но он требует учета параллелей и продолжений изолекс в смежных ареалах. В противном случае нельзя ожидать обоснованных выводов. Так, на восток от Днестра для пахты В. М. Куриленко фиксирует названия с корнем *колот-*: *сколѣбини*, *сколѣбина*, *сколѣбуванка* и пр. и мотивацию этих названий склонен видеть в том, что в этом регионе для сбивания масла используется не специальное приспособление пахталка, а обыкновенная макитра, в которой колотят сметану (с. 193). Это явная натяжка. Во-первых, процесс сбивания масла (в любой посуде) технически возможен без колочения. Во-вторых, *сколѣбини*, *сколѣбина* и др. «пахта» на украинской и белорусской языковой территории имеют довольно широкий ареал, включающий и те регионы, где используется пахталка (например, в центральном и восточном Закарпатье пахталка называется *масл'анка*, *масл'анйк*, *колот'ілка*, *колот'ілицу'а*, *колбтицу'а* и пр. [6]). Во второй части статьи автор рассматривает ряд карпатско-полесских соответствий, что представляет значительный интерес для изучения языковых параллелей и схождения этих двух архаичных славянских регионов.

В статье «Из опыта картографирования

свадебного обряда Правобережного Полесья» (с. 198—205) П. Ф. Романюк описывает 4 лексические, 1 семантическую и 3 этнографические карты из подготовленного им «Атласа свадебного обряда Правобережного Полесья», при этом 2 карты посвящены одному предмету: тема карты № 4 — «форма хлеба, который несут с собой сваты на сватанье», а на карте № 5 закартографированы названия для такого хлеба. Интересно отметить, что изопрагма «продолговатый (хлеб)» почти на всей исследуемой территории совпадает с изоглоссой *n'irôg, n'irôx*. Опыт П. Ф. Романюка убедительно свидетельствует о важности и перспективности комплексного ареального изучения фактов языка и явлений народной культуры, т. е. ареальной этнолингвистики.

В статье А. Б. Страхова «Полесское буськовы лапы, галёпа» (с. 205—212) описывается древний обычай выпекания хлеба в виде лапы аиста в день благовещенья, имевшего у полещук-землепашцев ритуальное значение.

Э. Г. Азимов в статье «Из полесской народной метеорологии. Слепой дождь» (с. 212—217) анализирует полесские поверья о слепом дожде и его названия. Обозначения этого метеорологического явления автор возводит к мотивам свадьбы или контуса (*цыгáньски дощ, свинячи дощ, зáйцево дощ, гуляйський дощ, чорт ж'янку бве*; сюда же, вероятно, следует отнести и *сблэчний дощ, солнце зубы скалит*), плача (*царі плачуть, сирота плаче*), купанья и рождения (грибный дождь). Мотивировку фразеологического словосочетания *слипий дощ* (укр. *слипий дощ*, рус. *слепой дождь*) автор относит к неясным; возможно, здесь также отражен мотив плача; ср. укр. фразеологизм *виплакати очі* «ослепнуть».

В статье «Из наблюдений над метеорологической лексикой Полесья и Карпат» (с. 217—225) В. В. Усачева, используя новые богатые, в том числе и рукописные материалы, сопоставляет и дает ареальную характеристику ряда названий для понятий «дождь со снегом», «снег с дождем».

Н. Г. Владимирская в статье «Материалы к описанию полесских народных представлений, связанных с ткачеством. Снование» (с. 225—246) дает довольно обстоятельное описание имеющих магические функции временных ограничений и запретов, связанных с изготовлением основы для тканья, оберегов при сновании и магических действий с основой во вре-

мя завершения снования, ее хранения, передачи и перемещения. Эта работа является убедительной иллюстрацией того, как еще много можно собрать интереснейших материалов даже в такой теперь почти забытой отрасли народной техники, как ткачество, о народных представлениях, преобладающее большинство которых своими истоками восходит к древнейшим временам.

О. А. Седакова в статье «Материалы к описанию полесского погребального обряда» (с. 246—264) после общей характеристики дает описание этого семейного обряда в с. Спорово Березовского района Брестской области (западнополесский вариант) и в с. Стодолоичи Лельчицкого района Гомельской области (восточнополесский вариант). Ценность публикации О. А. Седаковой состоит в том, что здесь впервые с такой обстоятельностью дано описание погребальных ритуальных действий, их символики и номинаций.

В статье «Традиционная свадьба полесского села Симоновичи. Канун свадьбы. Венки» (с. 262—279) Ф. Д. Климчук публикует рассказ о традиционной (характерной для начала XX в.) свадьбе в с. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл. БССР и записи свадебных песен, которые исполняются во время плетения венков.

Рецензируемый сборник завершает хроникальная заметка о полесских экспедициях с 1974 по 1981 г. (с. 280—285).

Подводя итоги, отметим, что богатое и разнообразное содержание рецензируемого сборника убеждает, что подготовка ПЭЛА фактически уже пачата и идет довольно успешно.

Дзєндзєлевський І. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полесье (Лінгвістика. Археологія. Топоніміка) / Отв. ред. В. В. Мартынов, Н. И. Толстой. М., 1968.
2. Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1968.
3. Лексика Полесья ў прасторы і часе / Ред. В. Ў. Мартынаў. Мінск, 1971.
4. Говори української мови (збірник текстів). Київ, 1977, с. 75—102.
5. Черепанова Е. А. Народная географическая терминология Черниговско-Сумского Полесья. Сумы, 1984.
6. Дзєндзєлевський І. О. Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика). Ч. II. Ужгород, 1960, карта № 174 (ср. ч. I. Ужгород, 1958, карта № 64).

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ «РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ» (30 октября — 2 ноября 1985 г., Львов)

Симпозиум был организован Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ), Институтом истории и Институтом общественных наук (ИОН) АН УССР. В нем приняли участие около ста историков, философов и историков культуры. Было подготовлено более 60 докладов и сообщений.

Открыл симпозиум директор ИОН АН УССР М. В. Брык. С докладом о содержании понятия «революционный демократизм» в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина выступил В. А. Дьяков (ИСБ АН СССР). Докладчик отметил, что В. И. Ленин связывал возникновение и развитие революционной демократии с периодом перехода от феодализма к капитализму и начальным этапом развития капиталистической формации. В. А. Дьяков охарактеризовал революционную демократию как «наиболее левое идейно-политическое течение, порождаемое историческими реальностями перехода от феодализма к капитализму», и выделил три важнейших и необходимых критерия принадлежности того или иного деятеля к революционной демократии: а) последовательный демократизм и бескомпромиссная защита интересов трудящихся масс, прежде всего крестьянства; б) подлинная революционность, т. е. готовность бороться против феодализма и его пережитков как в социальной, так и в политической сфере любыми средствами вплоть до насильственных; в) утопический социализм. Характерными чертами революционно-демократической идеологии В. А. Дьяков назвал также дух классовый борьбы, веру в революционную теорию и стремление к ее совершенствованию, наличие элементов интернационализма. Е. П. Веремева (Львовский гос. ун-т) от-

метила разнообразие социальных групп и слоев, составляющих в разных условиях и в разные периоды «массовые силы революционной демократии», подчеркнув, что речь идет всегда, во-первых, о революционных силах этих групп и классов, во-вторых, о силах непролетарских, предпролетарских, полупролетарских. Одной из черт подлинного революционного демократизма в условиях существования рабочего движения является, по мнению докладчика, эволюция к марксизму, положительное отношение к марксистским партиям.

В докладе «Исторические предпосылки и условия возникновения революционно-демократических движений в Центральной и Юго-Восточной Европе» Г. В. Макарова, О. П. Морозова, Л. А. Обушенкова (ИСБ АН СССР) подчеркнули асинхронный характер процесса становления революционно-демократической идеологии в этом ареале (30—40-е годы для Центральной Европы и 60—70-е годы для Балкан) и отметили, что он протекал в условиях активизации антифеодальной либо национально-освободительной борьбы масс при обострении кризиса феодального строя, под влиянием общественно-политической мысли Западной Европы, а также России (главным образом Н. Г. Чернышевского). Ряд специфических черт революционно-демократической идеологии данных регионов был связан с особым значением задачи национального освобождения. Авторы указали на недостаточную исследованность проблемы возникновения революционно-демократической идеологии, в частности, причин отсутствия революционной демократии как самостоятельного идейного течения у венгров, чехов, словенцев, словаков.

Значительная часть выступлений была посвящена истории революционной демократии отдельных народов. Идеология русского революционно-демократического движения рассматривалась в докладах: И. В. Пороха (Саратовский гос. ун-т) о взглядах Герцена на проблемы социализма и революции, П. С. Ткаченко (МГУ) о влиянии западноевропейской утопическо-социалистической мысли на народников — участников процесса 193-х. Е. Л. Рудницкая (Ин-т истории СССР АН СССР) проследила организационное оформление русского бланкизма («Общество народного освобождения», «Общество вспомогательного фонда политических преступников»), показала роль С. Г. Нечаева и П. Н. Ткачева в формировании программы этого направления с ее своеобразным сочетанием бланкистских политических идеалов с народнической социальной утопией.

В. Я. Гросул (Ин-т истории СССР АН СССР) обратился к периодизации русского революционно-демократического движения. Зарождение революционно-демократической идеологии он отнес к 40-м годам XIX в., а начало революционно-демократического этапа освободительного движения — к 1861 г. Конец этапа докладчик датировал приблизительно 1895 г., подчеркнув, что революционное народничество, представлявшее собой одну из разновидностей революционного демократизма, существовало, наряду с либеральным, до середины 90-х годов. Как «отдельные проявления» революционного демократизма В. Я. Гросул охарактеризовал трудовиков и, с определенными оговорками, эсеров. Он отметил также, что русский утопический социализм далеко не всегда был общинным.

Идеология и деятельность украинских революционных демократов были освещены в докладах: Ф. И. Стеблия (ИОН АН УССР) о распространении идей революционной демократии и утопического социализма на Западной Украине накануне и в период революции 1848—1849 гг.; Г. И. Марахова (Киевский гос. ун-т) о пропаганде социалистических идей на Украине во второй половине XIX в.; М. И. Верникова (ИОН АН УССР) о философско-мировоззренческих основах революционно-демократического движения на Украине в конце XIX — начале XX в.; С. М. Трусевича (ИОН АН УССР) о вкладе революционных демократов в борьбу за воссоединение украинских земель. Большое внимание симпозиум уделил деятельности И. Франко: его роль в

популяризации марксизма показал М. В. Демченко (Киевский гос. ун-т), в развитии революционно-демократического книгоиздания на Украине — Б. З. Якимович (ИОН АН УССР); связи И. Франко с общероссийским освободительным движением рассмотрел П. И. Скрипник (Ин-т истории АН УССР).

В докладе «Роль революционной демократии в болгарском национально-освободительном движении 60—70-х годов XIX в.» В. П. Чорний (Львовский гос. ун-т) отметил, что необходимость первоочередного решения задачи национально-освобождения способствовала объединению патриотических сил Болгарии в единый буржуазно-демократический лагерь, а немногочисленность и организационная слабость не позволили болгарской революционной демократии выступить как самостоятельное движение. Докладчик указал, что Х. Ботев был единственным из болгарских революционных демократов, чье мировоззрение «носило печать утопического социализма». По мнению К. П. Гогиной и Г. И. Еремеевой (ИСБ АН СССР), чешская радикальная демократия не смогла выделиться в самостоятельную партию также из-за выдвижения на первый план задачи национально-освобождения и, кроме того, из-за слабости и недостаточной радикальности массового крестьянского движения. Авторы доклада считают термин «радикальная демократия» верно отражающим характер идеологии левого крыла чешского буржуазно-демократического лагеря, отмечая при этом, что его отдельные представители (Э. Арнольд, К. Сабина, Й. В. Фрич) поддерживали основные принципы революционного демократизма. Конечной гранью развития чешской радикальной демократии докладчики считают начало 70-х годов. В. Г. Карасев (МГУ) выступил с докладом о распространении социалистических идей в Сербии и подчеркнул особые заслуги в этом С. Марковича, пропагандировавшего в своих сочинениях целый ряд положений марксизма. Докладчик отметил, что крестьянское движение в Сербии было революционным и поднялось до создания собственной партии. По мнению В. Г. Карасева, радикальность и размах крестьянского движения в Центральной и Юго-Восточной Европе определяли радикализм и силу революционной демократии.

Проблеме влияния марксизма на идеологию революционных демократов, затрагивавшейся во многих выступлениях,

были посвящены специальные доклады В. Г. Сарбея (Ин-т истории АН УССР), И. Я. Горбача (ИОН АН УССР).

Международное сотрудничество, интернациональные связи революционных демократов, роль интернационального фактора в революционно-демократической идеологии рассматривались в докладах: А. К. Волощенко (Ин-т истории АН УССР) «Вопросы единства национального и интернационального в русском революционно-демократическом движении 60—70-х годов XIX в.», С. М. Возняка (Ин-т философии АН УССР) «Концепция нации и национальных отношений в идеологии украинской революционной демократии последней четверти XIX — начала XX в.», И. М. Нефедова (Львовский музей истории религии и атеизма) «Ю. Госляр во взаимосвязях с европейским революционным движением», Т. С. Полещук (Львовский гос. ун-т) «Михаил Павлик и Болгария». Проведя сравнительный анализ позиции русской и польской революционной демократии по национальному вопросу, С. М. Фалькович (ИСБ АН СССР) показала влияние русских революционеров, прежде всего выдвинутого ими принципа самоопределения наций, на левое крыло польского национально-освободительного движения. Докладчик отметила, что идея интернационального революционного сотрудничества могла быть полностью реализована лишь на пролетарском этапе освободительного движения и что основу для перехода к новому, пролетарскому этапу борьбы за разрешение национальных проблем заложили тесно связанный с Интернационалом Союз Люда Польского и сотрудничавшая с Союзом русская революционно-демократическая группа «Вперед». В уже упомянутом докладе В. Я. Гросула было показано сотрудничество русских и балканских революционеров в практической деятельности, а также значительное идейное влияние русских революционных народников как на революционеров-демократов, так и на первых марксистов Балкан.

Ряд докладов был посвящен вкладу революционных демократов в развитие культуры: революционной демократии южных славян (И. И. Лещиловская — ИСБ АН СССР), Ф. А. Василевского (М. Я. Гольберг — Дрогобычский пед. ин-т), П. А. Ровинского (В. Б. Хлебникова — МГУ, а также Л. А. Котлярская и М. М. Фрейденберг — Калининский гос. ун-т).

Основная дискуссия развернулась на

симпозиуме по вопросу о критериях революционного демократизма. Многие выступавшие не согласились с тезисом о непереносимости присутствия утопического социализма в идеологии революционных демократов, определяя революционный демократизм как «сознательное выделение эксплуатируемой части населения и представление ее интересов» (И. И. Лещиловская), как «революционную практику в интересах трудящихся в переходный период» (В. Я. Гросул, В. Г. Карасев). И. И. Лещиловская и В. Я. Гросул отметили, что социальные концепции многих деятелей, объявлявших себя социалистами, в действительности не были социалистическими, а сводились нередко к эгалитаристским идеям при сохранении частной собственности или к кооперативным принципам. И. В. Порох подчеркнул необходимость отличать идеологов революционного демократизма и рядовых участников движения, для которых социалистические элементы в идеологии не были обязательными. Принятие утопического социализма в качестве необходимого критерия «обескровило» бы, по его мнению, революционно-демократическое движение. С. М. Фалькович и В. Г. Сарбей считают, что за редким исключением реальные деятели не обладали «полным набором» черт, характерных для революционной демократии как явления, и потому носителей хотя бы главных признаков можно отнести к революционным демократам. М. Я. Гольберг, напротив, подчеркнул системный характер революционного демократизма и отметил, что наличие отдельных признаков не дает основания причислять того или иного деятеля к революционным демократам. В. А. Дьяков полагает, что до революционного демократизма дорастают лишь идеологи, а участники движения, действующие под их руководством, сами революционными демократами являются не обязательно.

И. М. Нефедов указал, что при сравнительно-историческом изучении революционного демократизма нужно учитывать стадийный характер явления, различие времени и условий его возникновения в отдельных странах. Это же обстоятельство, по мнению С. М. Фалькович, исключило возможность образования международного лагеря революционных демократов. Разногласия возникли в вопросе о том, можно ли говорить об интернационализме революционных демократов (С. М. Фалькович, В. А. Дьяков) или интернационализм характерен исключительно для

пролетарского этапа революционного движения (В. Г. Сарбей, М. Н. Верников).

В целом симпозиум подтвердил неразработанность ряда аспектов проблемы. Необходимо уточнить терминологию, провести дальнейшие конкретно-исторические исследования и привлечь новые материалы. Задачей будущего явится сравнительно-историческое изучение революционной демократии разных стран, ее взаимосвязей с массовыми движениями.

Более подробного рассмотрения требует круг лиц, близких к революционной демократии, сотрудничавших с ней, но не ставших на ее позиции. Симпозиум выступил с инициативой разработки и реализации комплексной научной программы всесоюзного масштаба по истории революционной демократии с привлечением специалистов в области политэкономии, а также по истории русского народничества и революционной демократии народов СССР. А. И. М.

ЧТЕНИЯ В ЧЕСТЬ 100-ЛЕТИЯ А. М. СЕЛИЩЕВА

10 января 1986 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялось научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения А. М. Селищева, видного советского слависта, профессора Казанского, Иркутского и Московского университетов, чей вклад в изучение истории и диалектологии славянских языков, старославянского языка, сравнительной грамматики славянских языков, а также проблем балканистики получил широкое признание в советской и зарубежной науке.

На заседании было прочитано шесть докладов, освещающих различные стороны творческой биографии ученого.

В докладе проф. С. Б. Бернштейна «Жизнь и творчество профессора А. М. Селищева» на большом и частью неизвестном материале был подробно прослежен жизненный путь ученого и показано формирование его научных интересов. Афанасий Матвеевич Селищев родился 11 I 1886 г. в с. Волове Орловской губернии (ныне Липецкая область РСФСР) в крестьянской семье. С детства его отличали жажда знаний, незаурядные способности и живой интерес к языку древних славянских книг. Окончив земское, а затем и реальное училище, сдав экстерном экзамены за гимназический курс, А. М. Селищев смог поступить в 1906 г. в Казанский университет. Его учителями были Н. М. Петровский, А. И. Александров, Е. Ф. Будде, В. А. Богородицкий. Как отметил докладчик, особое влияние на развитие славистических интересов Селищева оказали Н. М. Петровский и А. И. Александров. В студенческие годы он заинтересовался диалектологией, начал изучение болгарских и македонских

говоров (интересно, что одной из работ Селищева-студента была работа «Ж и Д в старославянских и среднеболгарских памятниках и современных болгарских говорах». Работа не сохранилась, но есть отзыв А. И. Александрова: «Весьма удовлетворительно (5)» [1]), а также говоров русской деревни. С. Б. Бернштейн в своем докладе подчеркивал, что тесная связь Селищева с крестьянской средой, которая никогда не прерывалась, внимание к языку крестьян Орловской губернии, а потом к говору многоязычной Казани оказали большое воздействие на становление Селищева-диалектолога. В Казани Селищев начал свою научную и педагогическую работу. Его лекции в Казани, а позже в Иркутске и Москве пользовались большой популярностью. После командировки на Балканы в 1914 г., которая дала ему материал для магистерской диссертации «Очерки по македонской диалектологии» (1918), вопросы славянской исторической диалектологии, языковых контактов становятся главными в его трудах. В 1918—1920 гг. Селищев участвовал в создании Иркутского университета, был одним из основателей и первых профессоров кафедры русского языка, организовывал диалектологические экспедиции. В Сибири им был написан ряд важных работ по русской диалектологии. В 1920 г. Селищев избирается профессором Казанского университета, а в 1921 г. назначается профессором и руководителем кафедры славянской филологии Московского университета. С 1922 г. в течение многих лет Селищев преподавал в Московском университете. В 1929 г. А. М. Селищев был избран чл.-корр. АН СССР, в 1930 г. — чл.-корр. Болгарской АН и почетным

членом Македонского научного института в Софии, в 1926 г. — чл.-корр. Финно-угорского общества в Хельсинки.

А. М. Селищев создал свою научную школу, воспитал учеников, среди которых можно назвать Р. И. Аванесова, П. Я. Черных, В. К. Чичагова, С. А. Копорского и др. В 1928—1934 гг. в числе учеников Селищева в Московском университете был и С. Б. Бернштейн. Близко знавший А. М. Селищева, проф. С. Б. Бернштейн с большой теплотой рассказал о своем учителе, незаурядном ученом, большом труженике и подвижнике в науке и жизни.

О вкладе А. М. Селищева в развитие русской диалектологии говорилось в докладе Л. Л. Касаткина «А. М. Селищев — диалектолог». Уже в первой книге «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (Иркутск, 1920) Селищев продемонстрировал свои принципы диалектного описания. Такое описание должно включать не только лингвистическое исследование, но и рассмотрение самой культурно-исторической и социальной жизни носителей языка и отражения ее в языке. А. М. Селищев обнаружил многие языковые и этнографические черты семейских, говорящие о их южнорусском происхождении и связанные с их вынужденными скитаниями. Главная работа А. М. Селищева по русской диалектологии — «Диалектологический очерк Сибири» (Иркутск, 1921). В этой книге на широком сравнительно-историческом фоне дано подробное описание языковых черт сибирских говоров. Пристальное внимание к звуковой стороне языка характерно для работ Селищева, его замечания об артикуляции звуков отличаются большой точностью; некоторые фонетические особенности — например, долгота интервокальных согласных, раскатистый [r] — были описаны в книге впервые. Первым опытом лингвистического изучения современных процессов в говорах была работа А. М. Селищева «О языке современной деревни», в которой показано, как изменение социальной, экономической, культурной жизни послереволюционной деревни отражается в языке.

Доклад чл.-корр. АН СССР Н. И. Толстого «А. М. Селищев и дискуссия о культуре русского литературного языка в 20-е годы» касался полемики, развернувшейся в советской прессе 20-х годов относительно дальнейших путей развития русского литературного языка в новых условиях революционных преобразований в стране, и позиции А. М. Селищева

в этой дискуссии. После публикации известной записки «Об очистке русского языка» и других статей В. И. Ленина, в которых он писал о ненужном засорении и порче русского языка иностранными словами, о недопустимости нигилистического отношения к лучшим образцам русского языка XIX в., по актуальным вопросам развития норм русского литературного языка на страницах журнала «Журналист» (1925) выступили известные ученые Д. Н. Ушаков, С. И. Бернштейн, Л. П. Якубинский, Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов. Л. П. Якубинский и Е. Д. Поливанов, связывавшие революционные изменения в классовой структуре общества с необходимостью подобных же изменений в языке, считали многие языковые новшества закономерными, вызванными глубокими социальными изменениями и поэтому долговременными. Щерба же, отмечая существенные нововведения в языке газет 20-х годов и печати вообще, призывал к большей осторожности и настаивая на полезности прежней, утвердившей нормы, относил многие новые явления к жаргонным, недолговечным, так как они возникали в социально ограниченной среде.

Позиция А. М. Селищева, как отметил Н. И. Толстой, была более близка к позиции Щербы. Селищев также считал, что русский литературный язык должен и в новых условиях сохраниться во всех своих лучших чертах. Специфические языковые процессы, происходившие в стране, Селищев связывал с ускоренным развитием общества революционных и послереволюционных лет. Селищев, подчеркнул докладчик, подошел к этим вопросам и как диалектолог. Им был собран и проклассифицирован богатый материал, который дал возможность определить истоки тех или иных неологизмов, сферу и время их функционирования. Результатом исследований Селищева стала его работа «Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917—1926)» (М., 1928).

В докладе В. Э. Орла был рассмотрен вклад А. М. Селищева в изучение тех языковых явлений, которые в современной науке принято именовать социалингвистическими, а также теоретическое и практическое значение работ Селищева для исследования языковых контактов. Как подчеркнул выступавший, проблема контакта языков, территориальных и профессиональных диалектов, говоров одного языка занимала первостепенное место в творчестве Селищева. Внимание к

этой проблеме объединяет многочисленные исследования Селищева по самым, казалось бы, далеким друг от друга конкретным темам (балканистика, русский язык революционной эпохи, язык деревни 20—30-х годов и т. п.). В работах Селищева предложена новаторская концепция лексических заимствований, объясняющая специфическими условиями появление заимствований, не связанное с возникновением новых реалий. Значителен и вклад Селищева в теорию двуязычия, которым ученый особенно много занимался в связи с албано-славянскими языковыми контактами.

В докладе М. В. Никулиной «Балканская тематика в работах А. М. Селищева (из истории советской балканистики)» говорилось о развитии балканской темы в трудах ученого.

В докладе И. А. Калужской «А. М. Селищев и изучение славянских элементов албанской лексики» на конкретном примере было показано значение материалов, содержащихся в книге А. М. Селищева «Славянское население в Албании», для реконструкции древнейших компонентов семантики южнослав. *корабь, отраженных албанским языком и некоторыми данными восточнославянской лексики.

В заключение председательствовавший на заседании Н. И. Толстой сообщил о подготовленной С. Б. Бернштейном монографии о А. М. Селищеве, которая будет опубликована в издательстве «Наука».

Никулина М. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЦГАЛИ, ф. 2231, оп. 1, № 177, л. 3.

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 75-ЛЕТИЮ С. Б. БЕРНШТЕЙНА

3 января 1986 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялись научные чтения, посвященные 75-летию профессора С. Б. Бернштейна и 50-летию его научной деятельности. В приветственном слове директор Института акад. Д. Ф. Марков отметил заслуги проф. Бернштейна — одного из основателей советской славистики и воспитателя нескольких поколений наших славистов. Юбилера поздравили представители Московского университета. Зав. кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ проф. А. Г. Широкова осветила деятельность Бернштейна — основателя и многолетнего руководителя кафедры.

С докладами на чтениях выступили многие ученики Бернштейна. Чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачев посвятил свое выступление анализу появившихся в последнее время переводов на русский, английский и немецкий языки Житий Константина и Мефодия, отметив, что для адекватного научного перевода необходимо правильное раскрытие древней лексической семантики и ее реконструкция. В докладе Ж. Ж. Варбот была затронута проблема сепаратных балто-славянских языковых связей, а именно случаю, когда балтийские языки находят параллели в каком-либо одном славянском языке. Т. М. Николаева рассказала об одном сходстве славянской и финноугорской фразовой просодии (особой интонационно-мелодической фигуре, характерной для общего вопроса), подтвержденном экспериментальными данными. В прочтенном докладе Вяч. Вс. Иванова «Средневековая славянская гетерография и славянские литературные языки» было показано, в какой мере использование славянами в средние века различных видов письма и связанных с ними литературных языков может быть соотнесено с явлением гетерографии — использованием особой письменной системы, прямо не передающей некоторого устного языка, а служащей лишь для условной записи его форм. Чл.-корр. АН СССР Н. И. Толстой посвятил свое выступление вопросу о свертывании и развертывании текста в последовательности: текст — фразеологизм — слово и слово — фразеологизм — текст, приведя в качестве иллюстрации несколько интересных примеров из славянского фольклора. В. П. Гудков в докладе «О некоторых общих основаниях исследователь-

ских штудий по истории отечественного славяноведения» отметил, что насущной задачей истории славяноведения, о чем неоднократно писал в своих работах Бернштейн, является объективное освещение и оценка творческого вклада ученых XIX в. в различные области славистики, поэтому для создания полноценных портретов славистов-универсалов прошлого необходимо соединение усилий лингвистов, литературоведов и историков. Р. П. Усикова рассмотрела проблему возникновения перфекта «балканского типа» в македонском литературном языке, связав этот процесс с рядом инноваций в глагольной системе балканославянских языков, irradiровавших во встречном направлении из двух центров: территории сев.-вост. Болгарии и периферийных юго-западных говоров балканославянского диалектного континуума. Доклад Т. В. Цивьян содержал интересные наблюдения относительно недавней реформы албанского литературного языка в свете общеполитической языковой ситуации. Напомнив о вкладе С. Б. Бернштейна в теорию и практику лингвогеографического изучения болгарских говоров, Е. И. Демина рассказала о результатах своей многолетней работы по определению диалектной основы текста дамаскинов XVII в. на основе разработанной ею методики лингвогеографической интерпретации данных памятников письменности. Л. Э. Калнынь в докладе «Значение Общеславянского лингвистического атласа для изучения славянской фонетики» указала, что при работе с фонетическими материалами ОЛА обнаруживается высокий уровень фонетической дифференциации славянского диалектного континуума, что вносит известную коррекцию в установившееся мнение о большом фонетическом сходстве славянских языков. В выступлении Г. П. Клепиковой «Проблема „карпатской миграции славян“ в свете новых данных лингвистической географии» отмечалось, что материалы Общекарпатского диалектологического атласа, руководимого С. Б. Бернштейном, позволяют продолжить каталогизацию специфических карпато-южнославянских соответствий, изучение их типов в отдельных микроразделах, а также вносят некоторые коррективы в интерпретацию этих сходств. Теоретическая, организаторская и практическая деятельность С. Б. Бернштейна в создании Атласа болгарских го-

воров на территории СССР, а вслед за ним и Болгарского диалектологического атласа была освещена в докладе Э. И. Зелениной.

В заключительном слове проф. С. Б. Бернштейн, поблагодарив доклад-

чиков и всех присутствующих, сказал, что наибольшее удовлетворение приносит ему мысль о том, что в широком и разнообразном развитии послевоенной отечественной славистики он видит большую долю своего труда.

К. И.

XXI СЕМИНАР СЛОВЕНСКОГО ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ

Более 140 человек из 24 стран мира приняли участие в XXI семинаре словенского языка, литературы и культуры, организованном кафедрой славянских языков и литератур философского факультета университета им. Эдварда Карделя, проходившем в столице Социалистической Республики Словении с 1 по 13 июня 1985 г.; он включал в себя разнообразные лекции и занятия как для владеющих словенским языком, так и для начинающих его изучение. Наряду с этим на семинаре для специалистов по лингвистике и литературоведению были прочитаны спецкурсы по проблемам развития словенских диалектов (проф. Т. Логар), по истории и некоторым проблемам развития современного словенского языка (проф. Й. Топоришич), а также по современной драматургии (проф. Й. Коруза) и прозы (М. Долган) в Словении.

С докладом о словенском языке во время народно-освободительной борьбы народов Югославии, о роли, которую сыграла победа над фашизмом для дальнейшего развития языка и самобытной культуры словенского народа, выступила преподаватель философского факультета Люблянского университета Б. Погорелец. О ярком всплеске словенской поэзии в период народно-освободительной борьбы 1941—1945 гг. рассказал в своем выступлении известный словенский литературовед проф. Б. Патерну. Проблема послевоенного политического и экономического развития оказалась в центре внимания Д. Нечака.

Интересными и содержательными были доклады о разных периодах литературного развития Словении: периоде Просвещения (Й. Коруза); о романтизме и реализме XIX в. (Г. Коциян), о символизме конца XIX — начала XX в. на

примере творчества О. Жупанчича и И. Цанкара (проф. Ф. Берник). Ф. Берник отметил недостаточную разработанность в современном литературоведении (как в Словении, так и за ее пределами) важной проблемы взаимодействия словенской и русской литератур. Если вопросы, раскрывающие влияние западноевропейских литератур на литературу Словении, нашли своих серьезных исследователей, то о воздействии русской литературы на творчество крупнейших словенских писателей написано недостаточно.

Послевоенное развитие словенской прозы, чутко реагирующей на общественно-политические изменения и учитывающей плодотворный опыт советской литературы социалистического реализма, освещалось в докладе А. Скази.

Обширной и хорошо организованной была культурная программа семинара. Она включала и тематические экскурсионно-знакомства с Любляной, с ее окрестностями, историческими и архитектурными памятниками, музеями и выставочными залами. Познавательный характер носила и однодневная экскурсия по старым городам Истрии. О сохранившихся глаголических надписях на территории Истрии рассказал Я. Зор. Этот рассказ и доклад, посвященный деятельности Кирилла и Мефодия, явились данью памяти двум великим солунским братьям в 1100-летний юбилей Мефодия.

В лингвистическом разделе семинара наряду с лекциями о фразеологизмах в современном словенском языке (Й. Топоришич) и о некоторых проблемах образования глаголов (А. Видович-Муха) большой интерес вызвала лекция по социолингвистике, прочитанная директором нынешнего семинара доктором Я. Дуларом.

Чепелевская Т.

CONTENTS

<p><i>Prokopova I. I.</i> The Great October and the Social Gains of the Polish Working Class. <i>Kasatkin N. I.</i> The Workers' Control in Jugoslavia in the First Years of People's Democracy. <i>Angelov D.</i> (Bulgaria). Slavs and Proto-Bulgars in the Pre-state Period (5—7th Centuries). <i>Sofronova L. A.</i> Some Problems of the Relationship between the Barocco and Romanticism Poetics. <i>Ilyušin A. A.</i> On the Metrics of the Syllabotonic Verse. <i>Acarikina T. A.</i> The Constructions with Deverbal Nouns as a Constituent of the Peripheral Field of <i>genera verbi</i> (with Special Reference to Czech). <i>Anderš J. F.</i> The Constructions without Grammatical Subject in Czech in Comparison with Ukrainian . . . . .</p>	3
--	---

PEOPLES, EVENTS, FACTS

<p><i>Kopaševa M. I.</i> The Scholarly Work of Aleksandr Haritonovič Klevanskiy. <i>Goryainov A. N.</i>, <i>Kiškin L. S.</i> The Book Collection of M. P. and N. M. Petrovskiy</p>	74
--	----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<p><i>Sinkarev I. I.</i> М. И. Семиряга. Борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы против немецко-фашистского гнета. <i>Melcer D. B.</i> Н. И. Туривненко. Сотрудничество общественных организаций СССР и Болгарии. <i>Dyakov V. A.</i>, <i>Mylnikov A. S.</i> М. Kudělka. О pojetí slavistiky. Vývoji představ o jejím předmětu a podstatě. <i>Lipatov A. V.</i> Zdzisław Libera. Poezja polska 1800—1830. <i>Titova L. V.</i> Macura. Znamení zrodu. České obrození jako kulturní typ. <i>Kaliganov I. I.</i> An Important Contribution to the Study of Bulgarian Art. <i>Dzendzelevskiy I. A.</i> Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования . . . . .</p>	87
--	----

SCIENTIFIC LIFE

<p><i>A. I. M.</i> Symposium on the Revolutionary Democratic Movement in the East European Countries in the Second Half of the 19th Century and Its Contribution to the Development of International Links (Lvov, October 30 — November 2, 1985). <i>Nikulina M. V.</i> Conference on the Occasion of the Centennial Anniversary of A. M. Seliščev's Birth. <i>K. I.</i> Professor S. B. Bernštein is 75. <i>Chepelevskaya.</i> The XXI-th Seminar on the Slovenian Language, Literature and Culture . . . . .</p>	104
--	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.06.86	Подписано к печати 05.08.86	Т-15598	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 11,7	Уч.-изд. л. 11,3
Тираж 1155 экз. Зак. 2676			

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Ж-17
В ОРИГИНАЛЕ 34/38-40
ТОЛСТОМУ И
73331

Щ

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891

*В издательстве «Наука»
готовятся к печати:*

АНТИЧНАЯ БАЛКАНИСТИКА. 12 л. 1 р. 80 к.

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы языковой и этнической истории карпато-балканского региона и сопредельных районов. Включены статьи по филологии, лингвистике, истории, фольклору, искусствоведению, археологии. Интерпретируются надписи на древних языках Балкан (греческие, фракийские, минойские). Ряд статей раскрывает доиндоевропейский вклад в языки и культуру народов Балкан.

Книга предназначена для историков, филологов, фольклористов, археологов, искусствоведов, этнографов.

Богомолова Н. А. ПОЛЬСКИЕ И РУССКИЕ ПОЭТЫ XX века. [Творческие связи. Аналогии. Художественный перевод]. 14 л. 2 р. 10 к.

Книга посвящена актуальной проблеме польско-русских и польско-советских литературных отношений — творческому содружеству виднейших польских и русских поэтов XX в.: Л. Стаффа, Ю. Тувима, В. Броневского, К. Галчинского, В. Брюсова, А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского и др. В ней рассматриваются аналогии и своеобразие национального литературного развития, взаимное освоение творческого опыта, идей, тем, мотивов, художественных форм.

Издание представит интерес для литературоведов, преподавателей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370001 Баку, 5, Коммунистическая ул., 51; 690088 Владивосток, Океанский проспект, 140; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Кишинев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Марата, 1; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, 59, ул. Р. Зорге, 10; 720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87.